

РУСИСТИКА

2025 Том 23 № 2

**КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА:
СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЙ**

Приглашенный редактор *Н.В. Габдреева*

DOI 10.22363/2618-8163-2025-23-2

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

**Научный журнал
Издается с 2003 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Шаклеин В.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: stretchuk-en@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Белгородский государственный университет, Белгород, Российская Федерация
Балыхина Т.М. – академик РАЕН, академик Нью-Йоркской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики, Университет имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайсвальд, Федеративная Республика Германия
Гагарина М.А. – доктор педагогики, профессор, Латвийский университет, Рига, Латвийская Республика
Гусман Тирадо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии, Гранадский университет, Гранада, Королевство Испания
Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка, Брин-Мор колледж, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки
Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Российская Федерация
Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания, Саскачеванский университет, Саскачеван, Канада
Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Витебский государственный университет, Витебск, Республика Беларусь
Мокиенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗа», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка, факультет иностранных языков и литературы, Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика
Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков, гуманитарный факультет, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
Рацибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация
Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением, Эдинбургский университет, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.

6. Проблемы развития русского языка как языка науки.

7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.

8. Презентация медиадидактических и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *О.В. Горячева*

Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*

Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 27.06.2025. Выход в свет 30.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,52. Тираж 500 экз. Заказ № 773. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2025

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2025 VOLUME 23 NUMBER 2

MODERN SCIENTIFIC RESEARCH IN KAZAN LINGUISTIC SCHOOL

Guest Editor *N.V. Gabdreeva*

DOI 10.22363/2618-8163-2025-23-2

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, member of the Academy of Natural Sciences, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – Full Member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – Full Member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – Full Member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya Oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.

6. Problems of developing Russian as a language of science.

7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.

8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *O.V. Goryacheva*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rlj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА:
СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Мифтахова А.Н. (Казань, Российская Федерация), Маклеева Е.А. (Казань, Российская Федерация) Развитие теории словообразования в работах представителей Казанской лингвистической школы: история и современность 193

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Белов В.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Белова В.М. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка 206

Габдреева Н.В. (Казань, Российская Федерация), Агеева А.В. (Казань, Российская Федерация) Заимствование в русском языке новейшего периода: сопутствующие языковые процессы 225

Галеев Т.И. (Казань, Российская Федерация), Бочкарев В.В. (Казань, Российская Федерация), Соловьев В.Д. (Казань, Российская Федерация) Динамика изменения глагольной парадигмы под влиянием вторичной имперфективации в русском языке 241

Ерофеева И.В. (Казань, Российская Федерация), Лукоянова Ю.К. (Казань, Российская Федерация) Конфиксальные дериваты с начальным без- в языке древнерусских летописей 257

Спиридонов А.В. (Казань, Российская Федерация) Окказионализмы как средство создания языковой игры в мультипликационном сериале «Фиксики» 275

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Парулина И.Ю. (Челябинск, Российская Федерация) Метафорическое моделирование образа БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе 290

Теркулов В.И. (Донецк, Российская Федерация) Русский язык и этнический профиль личности..... 304

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО

Zamaletdinov R.R. (Kazan, Russian Federation), Kalinina G.S. (Kazan, Russian Federation), Zinnatullina Gh.K. (Kazan, Russian Federation) Russian nonverbal communication in teaching representatives of different cultures (Русская невербальная коммуникация в системе обучения представителей разных культур) 320

Золотых Л.Г. (Чэнду, Китай), Ельникова С.И. (Москва, Российская Федерация), Космачева О.Ю. (Астрахань, Российская Федерация) Лингво-семиотический вектор серии учебников по русскому языку как иностранному «Знакомство с современным Китаем» 334

CONTENTS

MODERN SCIENTIFIC RESEARCH IN KAZAN LINGUISTIC SCHOOL

SCIENTIFIC REVIEW

- Aliya N. Miftahova (Kazan, Russian Federation), Elena A. Makleeva (Kazan, Russian Federation)** The development of word formation theory in the works of representatives of the Kazan Linguistic School: history and modernity 193

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

- Vadim A. Belov (Saint Petersburg, Russian Federation), Valentina M. Belova (Saint Petersburg, Russian Federation)** Functional approach to Russian discourse markers description..... 206
- Anastasia V. Ageeva (Kazan, Russian Federation), Natalia V. Gabdreeva (Kazan, Russian Federation)** Borrowing in modern Russian language: related linguistic processes 225
- Timur I. Galeev (Kazan, Russian Federation), Vladimir V. Bochkarev (Kazan, Russian Federation), Valery D. Solovyev (Kazan, Russian Federation)** Dynamics of changes in Russian verbal paradigm under the influence of secondary imperfectivation 241
- Irina V. Erofeeva (Kazan, Russian Federation), Yulia K. Lukyanova (Kazan, Russian Federation)** Confixal derivatives with initial bez- in Old Russian chronicles 257
- Alexandr V. Spiridonov (Kazan, Russian Federation)** Newly coined words as a means of creating a language game in the animated series “Fixiki”..... 275

CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

- Irina Y. Parulina (Chelyabinsk, Russian Federation)** Metaphorical modelling of the BRICS image in Russian-language publicist discourse..... 290
- Vyacheslav I. Terkulov (Donetsk, Russian Federation)** The Russian language and an ethnic personality profile 304

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

- Radif R. Zamaletdinov (Kazan, Russian Federation), Galina S. Kalinina (Kazan, Russian Federation), Gulshat Kh. Zinnatullina (Kazan, Russian Federation)** Russian nonverbal communication in teaching representatives of different cultures 320
- Lidiia G. Zolotikh (Chengdu, China), Svetlana I. Elnikova (Moscow, Russian Federation), Olga Yu. Kosmacheva (Astrakhan, Russian Federation)** The linguosemiotic vector in Russian as a Foreign Language textbook series “Getting to Know Modern China” 334

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ SCIENTIFIC REVIEWS

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-193-205

EDN: FBQIQC

Обзорная статья

Развитие теории словообразования в работах представителей Казанской лингвистической школы: история и современность

А.Н. Мифтахова^{id}✉, Е.А. Маклеева^{id}

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ almiftahova@mail.ru

Аннотация. Вклад в развитие словообразования И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников охарактеризован достаточно подробно, однако достижения ученых Казанского университета конца XX – начала XXI в. изучены и описаны еще недостаточно полно. Цель исследования — описание развития теории словообразования в Казанском университете с конца XIX в. до наших дней. Материалом исследования послужили научные труды И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников (А.И. Анастасиева, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого) и работы представителей Казанского университета второй половины XX – начала XXI в. (В.М. Маркова, Г.А. Николаева, Э.А. Балалыкиной, В.А. Косовой и др.). Среди основных методов исследования можно выделить описательный, индукцию, анализ и сопоставление. Проведенный обзор научных трудов ученых Казанского университета позволяет подтвердить и углубить сделанные ранее другими исследователями выводы о развитии словообразования в университете с конца XIX в. до 2025 г. Проведенный анализ теоретических работ позволяет говорить о преемственности в изучении словообразования в Казанском университете.

Ключевые слова: русский язык, Казанский университет, языкознание, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.И. Анастасиев, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий

Вклад авторов: Мифтахова А.Н., Маклеева Е.А. — концепция исследования, анализ литературы, анализ данных, написание и редактирование статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 04.12.2024; принята к печати 14.02.2025.

Для цитирования: Мифтахова А.Н., Маклеева Е.А. Развитие теории словообразования в работах представителей Казанской лингвистической школы: история и современность // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 7–21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-193-205>

© Мифтахова А.Н., Маклеева Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Казанская лингвистическая школа (КЛШ), сформировавшаяся в 70–80-е гг. XIX в., играет важную роль в развитии не только русского, но и мирового языкознания. Основатель КЛШ И.А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики внесли значительный вклад в развитие различных разделов науки о языке, в т.ч. словообразования (Бодуэн де Куртенэ, 1963; Бодуэн де Куртенэ, 2010; Анастасиев, 1884; Анастасиев, 1887; Крушевский, 1883; Богородицкий, 1915; Богородицкий, 1935; Богородицкий, 1939). Как отмечает профессор Г.А. Николаев, работы казанских ученых «открывают новый период в истории изучения русского словообразования — период теоретического осмысления накопленных фактов и выработки методов исследования словообразовательного материала. В основе взглядов казанских ученых лежал глубоко и последовательно диалектический подход к языку, позволяющий рассматривать язык как единство статического и динамического, постоянно функционирующее и постоянно развивающееся» (Николаев, 2009: 4).

Вклад в развитие словообразования самого И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников А.И. Анастасиева, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого находит отражение во многих монографиях и статьях второй половины XX – начала XXI в. (Березин, 1998; Андрамонова, 2002; Щуклина, 2015; Николина, 2015 и др.), есть также некоторое количество публикаций, посвященных анализу научных изысканий казанских ученых, работавших во второй половине XX в. (Николаев, 1997; Николаев, 2012а и др.), однако по понятным причинам достижения представителей Казанского университета конца XX – начала XXI в. изучены и описаны еще недостаточно полно. Между тем изучению словообразования в Казанском университете уделяется большое внимание, в связи с чем встает вопрос об осмыслении и систематизации работ казанских исследователей. Мы проанализировали не только труды И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников, но и тех ученых Казанского университета, которые продолжили их дело во второй половине XX и XXI в., таких, как В.М. Марков (Марков, 1955; Марков, 1958; Марков, Николаев, 1976; Марков, 2001а), Г.А. Николаев (Николаев, 1970; Николаев, 2009; Николаев, 2010; Николаев, 2011; Николаев, 2012b), Э.А. Балалыкина (Балалыкина, 2007), И.В. Ерофеева (Ерофеева, 2010), В.Г. Фатхутдинова (Фатхутдинова, 2005), В.А. Косова (Косова, 2011; Косова, 2014а; Косова, 2014b), Т.Ю. Щуклина (Щуклина, 2011; Щуклина, 2014; Щуклина, 2024) и некоторых других.

Цель исследования заключается в описании развития теории словообразования в Казанском университете с конца XIX в. до наших дней.

Методы и материалы

Материалом для написания обзора послужили научные труды И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников (А.И. Анастасиева, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого), а также работы представителей Казанского университета второй половины XX – начала XXI в. (В.М. Маркова, Г.А. Николаева,

Э.А. Балалыкиной, В.А. Косовой и др.). Всего было проанализировано около 30 научных работ.

Основным методом, который был применен в ходе работы, является анализ теоретического материала и его последующая систематизация, а также сопоставление новых и полученных ранее знаний. Кроме того, были использованы описательный метод, индукция, обобщение и интерпретация изученного материала.

Подобный подход позволил не только описать и систематизировать теоретические положения и открытия отдельно взятых ученых, но и увидеть преемственность в изучении словообразования в Казанской лингвистической школе, проследить, как эволюционировали те или иные идеи в ходе развития теории словообразования.

Обсуждение

В.В. Виноградов в предисловии к изданию первого тома «Избранных трудов по общему языкознанию» И.А. Бодуэна де Куртенэ пишет о том, что трудно «дать даже простой перечень прогрессивных идей Бодуэна де Куртенэ не только в области всех гуманитарных наук, которых он касался, ... но и даже в области «чистого языкознания», как он выражался» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 3). Основатель КЛШ рассматривал словообразование как учение о словообразовательных аффиксах и основах. В трудах ученого формируется идея о синхронном и диахронном подходе к изучению явлений словообразования. И.А. Бодуэн де Куртенэ являлся создателем классической теории морфемы и говорил о словах как «комплексах знаменательных, осмысленных частей» (Бодуэн де Куртенэ, 2010: 34). Морфема воспринимается им как «комплекс звуковых представлений, объединяемый в одно целое ассоциацией с известною группою представлений из области или строя слов (представления морфологические), или их значения (представления лексические и семасиологические)» (Бодуэн де Куртенэ, 2010: 118–119).

«Внедрение научных основ теории русского словообразования в практику преподавания было блестяще реализовано учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ А.И. Анастасиевым» (Щуклина, 2015: 21). В своих работах исследователь говорит о структуре слова и ее исторически изменчивом характере (Анастасиев, 1884; Анастасиев, 1887).

Идеи Бодуэна де Куртенэ получили развитие в работах Н.В. Крушевского. Крушевский большое внимание уделяет изучению аффиксов и приходит к выводу, что «в целых сотнях слов повторяются одни и те же или похожие друг на друга морфологические элементы, вследствие чего в языке образуются более или менее многочисленные семейства слов, родственных по корню, суффиксу или префиксу» (Крушевский, 1883: 108). Исследователь разграничивал генетическое и индивидуальное значение, что позволяет говорить о предпосылках к определению понятия словообразовательного значения, а «признание бинарности словообразовательной структуры дало Крушевскому

возможность не только рассматривать словообразовательные типы, но и максимально приблизиться к выделению словообразовательной парадигмы» (Николина, 2015: 65).

«Наиболее полно и последовательно достижения Казанской лингвистической школы по синхронно-диахроническому изучению русского словообразования представляет научное творчество В.А. Богородицкого. Его работы способствовали дальнейшему интенсивному исследованию русского словообразования с точки зрения как его современного состояния, так и исторического развития» (Щуклина, 2015: 22). В.А. Богородицкий в «Очерках по языковедению и русскому языку» пишет, что «словообразование представляет собой учение о материальной стороне слов, связанной с собственным их значением, словоизменение же является учением о формальной части слов, посредством которой слова выступают в предложении в той или иной синтаксической роли» (Богородицкий, 1939: 204). Ученый говорит о том, что в результате классифицирующей деятельности ума образуются названия групп однородных предметов и явлений мира, которые закрепляющиеся в языке с помощью суффиксов, которые, «присоединяясь к корню, определяют принадлежность обозначаемого предмета к тому или другому классу бытий» (Богородицкий, 1935: 141). По мнению исследователя, «...ассоциируемые по сходству слова могут представлять различные степени этого сходства, что ведет к образованию категорий склонения, спряжения и вообще словообразования с их более частными группами и типами» (Богородицкий, 1915: 157). Наиболее подробно и полно Богородицкий описал систему суффиксального словообразования имени существительного. Он разграничивает мутационные и модификационные категории (не используя при этом данных терминов).

Идеи, выдвинутые И.А. Бодуэном де Куртенэ и его учениками, оказали значительное влияние на последующие поколения казанских лингвистов. Если научное наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.И. Анастасиева, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого уже достаточно хорошо изучено и описано, то в полной мере оценить вклад казанских исследователей второй половины XX – начала XXI в. еще предстоит. В связи с этим мы уделим большее внимание описанию идей наших современников.

В Казанском университете разработаны теоретические основы исторического словообразования русского языка (В.М. Марков, Г.А. Николаев).

Принцип историко-языковой методики В.М. Маркова сложился на основе его диалектического отношения к языковым фактам. Живой язык он представлял, как «диалектическое единство статического и динамического..., функционирования факта и одновременно его развития» (Марков, Николаев, 1976: 5).

Этот принцип, суть которого заключалась в анализе языковых фактов в развитии и во взаимодействии одноуровневых и разноуровневых фактов, стал отправной точкой его дальнейших исследований в области словообразования.

Прогрессивные идеи словообразования, активно развиваемые В.М. Марковым, нашли отражение в его работе «Формы имен в языке Судебников

XV–XVI веков» (Марков, 1955). Ученый в своей кандидатской диссертации призывал разграничивать словообразовательный анализ и разбор слова по составу, а также рассматривал связь и взаимодействие словообразования и словоизменения (формообразование).

Под руководством профессора В.М. Маркова была создана одна из современных концепций теории словообразования, «концепция, которая оказалась наиболее перспективной в исследовании явлений словообразования» (Николаев, 1997: 7).

В этой концепции содержалось «требование рассматривать факты словообразования в их тесной связи и взаимодействии с фактами формообразования. Параллелизм слово- и формообразования находит выражение в идентичности процессов, характера структуры слов и их форм, в одинаковых способах слово- и формообразования (морфемном и семантическом), в типах морфем (фономорфемы, оморфемы, синоморфемы), в наличии нулевых морфем и прерывистых формантов в обеих сферах. Особой заслугой В.М. Маркова в теории словообразования является обоснование им наличия в русском языке прерывистых конфиксальных морфем и двух способов словообразования — морфологического и семантического» (Николаев, 2012а: 284).

При проведении словообразовательного анализа В.М. Марков уделял внимание понятию соотнесенности. Исследователь сделал акцент на том, что нужно «четко различать два возможных подхода к изучаемому слову: как, на основе каких словообразовательных связей возникло изучаемое слово, с одной стороны, и с каким другим словом или с какими словами соотносится данное слово в определенный исторический период, в частности, в языке современном» (Марков, 1958: 2–3). Данный подход объяснял возможность развития в коррелятивной паре взаимной и обратной соотнесенности. Но надо учитывать тот факт, что «при выяснении способа образования слова (возникшего как новая лексическая единица) предполагается односторонняя связь при наличии определенных соотнесенных друг с другом лексико-грамматических групп» (Марков, 1958: 3).

Именно В.М. Марков, развивая идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф.Ф. Fortunatova, аргументированно заговорил о такой категории, как нулевая словообразовательная морфема. Это понятие впервые было упомянуто в работе «Явления суффиксальной синонимии в языке судебных XV–XVI веков» (Марков, 1956). Г.А. Николаев отмечает: «В.М. Марков выделяет нулевой словообразовательный суффикс в соответствующих словах на основании их синонимического взаимоотношения с другими производными словами, исходя из показательного параллелизма форм словообразования и словоизменения» (Марков, 2001а: 264).

В статье 1961 г. «Явления нулевой суффиксации в русском языке» (Марков, 2001b) исследователь рассматривает параллельно систему словоизменения и словообразования. Понятие нулевой суффиксации В.М. Марков определяет, как «показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксаль-

ных образований (ходь – ходьба – хождение при глаголе ходити и т.д.)» (Марков, 2001b: 102).

Г.А. Николаев, развивая идеи своего учителя, приходит к выводу о том, что нулевые морфемы выступают в качестве показателей определенных отношений в словообразовательном ряду или в словоизменительной парадигме. «Мы выделяем нулевые морфемы потому, что они оформляют такие отношения, которые в других случаях оформляются материально выраженными морфемами» (Николаев, 2011: 12).

Г.А. Николаеву принадлежит ряд фундаментальных трудов, посвященных словообразованию. К важнейшим из них относится монография «Русское историческое словообразование: теоретические проблемы» (Николаев, 2010), в которой исследователь изучает вопросы исторического словообразования, семасиологии и морфемики в аспекте динамики процессов и отношений в развитии словообразовательной системы русского языка. По словам самого Г.А. Николаева, он изучал «основные факторы развития словообразовательной системы русского языка», к которым он «относит противоречие между динамикой и статикой языка, проявляющееся в словообразовании в динамике словообразовательных процессов и отношений, т.е. в изменении деривационных отношений и приведении вновь возникающих связей в соответствие со словообразовательными процессами» (Николаев, 2009: 161). Г.А. Николаевым освещены вопросы словообразовательной синонимии, антонимии и омонимии и их взаимосвязь и взаимовлияние в процессе развития языка. По мнению ученого, «они являются результатом определенных словообразовательных процессов, ... а также изменений в словообразовательных отношениях ряда словообразовательных типов» (Николаев, 2010: 140). Уделяется внимание и стилистическому аспекту: автор приходит к выводу, что в основе разделения «явлений по стилистическим разрядам лежит не только специфика производящих основ и словообразовательных средств, но и традиции употребления словообразовательных форм. Эти традиции имеют глубокое историческое обоснование и связаны, как правило, с теми потребностями, которые вызвали к жизни тот или иной словообразовательный тип» (Николаев, 2010: 140).

Учебное пособие «Лекции по русскому словообразованию»¹ написано на основе курса лекций, которые профессор на протяжении многих лет читал в Казанском университете. Пособие включает в себя восемь глав (автор называет их лекциями) и блок практических заданий, которые охватывают все основные разделы университетского курса по словообразованию.

В целом научное наследие Г.А. Николаева включает в себя большое количество работ и заслуживает отдельного обзора.

Структурно-семантический аспект словообразования нашел отражение в работах В.А. Косовой, занимавшейся исследованием словообразовательных категорий.

Основные результаты исследований В.А. Косовой изложены в монографии «Словообразовательные категории русского языка: проблемы теории»

¹ Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию : учеб. пособие. Казань : Казан. гос. ун-т, 2009. 188 с.

(Косова, 2014b), а также докторской диссертации на тему «Системная значимость словообразовательных категорий в русском языке» (Косова, 2014а). Основным результатом этого исследования В.А. Косова считает «создание целостного представления о словообразовательной категории через постижение частных языковых закономерностей и фактов, а также обоснование ее системообразующего статуса в словообразовательной и более широкой номинативно-деривационной системе русского языка» (Косова, 2014b: 200). На основе результатов собственного анализа словообразовательных категорий и обобщения, критического переосмысления уже существующих исследований данного явления автор выстроила модель словообразовательной системы имени существительного: описаны ономастологические категории, для каждой из которых выделены словообразовательные макрокатегории и категории, а также относящиеся к ним словообразовательные модели.

Примечательно, что докторская диссертация В.А. Косовой начинается с параграфа, в котором исследователь доказывает основополагающую роль Казанской лингвистической школы в развитии теории словообразовательной категориальности: «как показал ... анализ работ И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского и В.А. Богородицкого, их функционально-грамматические воззрения составили основу разрабатываемой в XX–XXI вв. теории словообразовательной категориальности» (Косова, 2014а: 44). Если в монографии автор уделяет основное внимание описанию имени существительного, то в диссертации также охарактеризована и глагольная словообразовательная категория «каузация состояния». Одним из главных итогов диссертационного исследования сама автор считает «разработку оригинальной трактовки проблемы словообразовательного супплетивизма, основанной на категориально-словообразовательном подходе к определению лингвистической природы этого явления. Этот подход позволил определить круг супплетивных единиц номинативно-деривационной системы русского языка в соответствии с подлинным смыслом термина «супплетивизм», вложенным в него изначально основоположниками теории супплетивизма» (Косова, 2014а: 448).

Идеи В.А. Косовой получили развитие в кандидатских диссертациях ее учеников Сунь Мяо (2016 г.), А.В. Трофимовой (2018 г.), Е.А. Маклеевой (2018 г.), Ли Сыци (2020 г.) и Р.Р. Гузаеровой (2021 г.).

В Казанской лингвистической школе одной из ведущих проблем в XX в. стала теория словообразования и, в частности, исторического словообразования. Разработкой проблем словопроизводства под руководством В.М. Маркова и его учеников Г.А. Николаева, Э.А. Балалыкиной, А.А. Аминовой, Л.А. Андреевой занималась и занимается целая группа известных ученых Казанского федерального университета.

Существенный вклад в развитие теории сравнительно-исторического словообразования внесли работы профессора Казанского университета Эмили Агафоновны Балалыкиной. Монография «Русское адъективное словообразование на балто-славянском фоне» (Балалыкина, 2007) содержит основные выводы многолетних исследований. Автор говорит о близости родственных языков

на словообразовательном уровне. Исследователь приходит к выводу о том, что отдельные славянские и балтийские языки можно объединить в группы на основании сходства в развитии тех или иных словообразовательных типов прилагательных. Сопоставительный подход позволил Э.А. Балалыкиной установить происхождение отдельных адъективных морфем, в ряде случаев коренным образом не соответствующее традиционным представлениям по этому вопросу (Балалыкина, 2007). Также она занималась изучением словообразовательной энантиосемии.

Исторический аспект словообразования затрагивали в своих работах следующие ученые Казанского университета: И.В. Ерофеева (Ерофеева, 2010), Г.А. Николаев (Николаев, 2012b), Т.П. Трошкина (Трошкина, 2014).

В частности, И.В. Ерофеева на протяжении долгого времени занималась исследованием словообразовательной системы древнерусского и старорусского языка и пришла к выводу, что «анализ деривационных процессов и их материальной реализации в производных именах дают представление о специфике концептуализации мира, особенностях мировоззрения человека в определенную историческую эпоху» (Ерофеева, 2010: 3).

Исследователь отмечает, что «средства словообразования, его модели и приемы регулярно используются в номинативной деятельности человека. Поскольку в производных словах объективируются сведения о мире, изучение деривационного процесса позволяет осмыслить познавательную и интерпретирующую деятельность человека. Как содержательный план словообразовательного строя, представленный совокупностью словообразовательных категорий и словообразовательных значений, так и план выражения, представленный системой средств словообразования, имеет ономаσιологическую направленность» (Ерофеева, 2010: 3).

Ученые Казанского университета уделяли внимание и сопоставительному аспекту словообразования (Аминова, 1993; Фатхутдинова, 2005). Так, В.Г. Фатхутдинова в монографии «Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках» (Фатхутдинова, 2005) на материале типологически дистантных языков описывает сходства и различия в структурно-семантической и номинативной организации комплексных единиц словообразования, а именно словообразовательного гнезда и образующих его элементов: словообразовательной пары, парадигмы и цепи.

Исследованиям функционально-коммуникативного аспекта словообразования посвящены работы Т.Ю. Щуклиной.

Работы Т.Ю. Щуклиной вносят вклад в развитие динамического описания русского словообразования. На протяжении нескольких лет ученого привлекает проблема словотворчества. Объектом исследования стали инновации в детской речи (Щуклина, 2011); индивидуальные неологизмы в текстах Ю. Петухова, в частности в романе «Ангел возмездия» (Щуклина, 2014); словообразовательные неонимации в текстах рекламной коммуникации (Щуклина, 2024) и языке СМИ (Щуклина, 2018).

Так, в детском словотворчестве находит отражение динамический и познавательно-созидательный характер языковой деятельности ребенка, представляющий собой «процесс творческого познания, сущность которого составляет активный поиск образной мотивированности слова (его внутренней формы), установление связей, закономерностей, отношений элементов языка» (Щуклина, 2011: 119). Автор делает вывод, что практически всем новым детским словам свойственна симметрия формальной и семантической структур слова.

Т.Ю. Щуклина отмечает, что приобретает особую значимость «изучение функционально-коммуникативного аспекта словообразования, в частности словотворчества в СМИ, которые становятся одним из главных источников, фиксирующих новообразования. Исследование активных деривационных процессов на базе средств массовой коммуникации, являющихся своего рода катализатором языковых преобразований, помогает установить важнейшие изменения в словообразовательной системе русского языка и проследить тенденции развития узуса в целом» (Щуклина, 2018: 285).

В статье «Функционально-прагматический потенциал русского словообразования» Т.Ю. Щуклина намечает дальнейшие пути развития русского словообразования: «Изучение нетривиальных способов и приемов словообразования, функционально-прагматического потенциала словообразовательных средств в перспективе в определенной степени позволит прогнозировать будущее развитие кодифицированного словообразования» (Щуклина, 2024: 322).

Является перспективным и нейролингвистический аспект изучения проблем словообразования (Горобец, Гисматуллина, 2017). В Казанском федеральном университете проводят исследования, посвященные изучению особенностей речи пациентов с неочаговыми формами энцефалопатии (Галиуллин, Горобец, Лотфуллина, 2015), уделяя особое внимание словообразовательному уровню. Анализируя конкретный клинический случай, по результатам нейролингвистического обследования ученые отмечают у пациента дефицит на словообразовательном уровне. В речи пациента встречаются неологизмы, появление которых обусловлено дефицитом зрительно-пространственного гнозиса, а также невозможностью узнать произносимые слова. Исследователи указывают, что «при предъявлении пациенту деривационного теста он демонстрирует высокий (76 %) процент инертности. Так, образуя несколько единиц с одним и тем же суффиксом, он не переключается при необходимости выбрать иное словообразовательное средство и «изобретает» новое по созвучию с похожими вариантами» (Горобец, Гисматуллина, 2017: 71).

Необходимо отметить, что исследователи также обращают внимание на функциональную сторону словообразования и связи его со стилистикой (И.В. Ерофеева, Т.М. Николаева, Г.А. Николаев, Н.Г. Николаева и др.).

Как справедливо замечает Т.Ю. Щуклина, «в истории лингвистики можно назвать немного научных школ, которые дали бы такое количество плодотворных идей, так глубоко понимали бы перспективы ее будущего развития... Традиции Казанской научной школы, заложенные И.А. Бодуэном де Куртенэ и его учениками, продолжают жить» (Щуклина, 2015: 24).

Заключение

Несомненно, в любой науке важны преемственность и учет достижений предыдущих поколений ученых. Только при детальном изучении истории вопроса можно получить наиболее точные и актуальные результаты.

Проведенный обзор научных трудов ученых Казанского университета позволяет подтвердить и углубить сделанные ранее другими исследователями выводы о развитии словообразования в университете с конца XIX в. до 2025 г. Как показывает анализ работ, опубликованных казанскими исследователями за последние 20 лет, интерес к словообразованию не ослабевает. Однако заниматься исследованиями на высоком уровне было бы невозможно без той теоретической базы, которую заложили И.А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики. Новое поколение казанских лингвистов успешно развивает идеи Казанской лингвистической школы в своих трудах, посвященных разноаспектному изучению проблем словообразования: историческому, сравнительно-историческому, структурно-семантическому, сопоставительному, функционально-коммуникативному, нейролингвистическому.

Список литературы

- Аминова А.А.* Производный глагол в сопоставительном аспекте (на материале русского и татарского языков) : монография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1993. 187 с.
- Анастасиев А.И.* Морфологический анализ слов // *Филологические записки*. Воронеж : Типография В.И. Исаева, 1884. № 1. С. 85–116.
- Анастасиев А.И.* Морфологический анализ слов // *Филологические записки*. Воронеж : Типография В.И. Исаева, 1887. № 3. С. 35–66.
- Андрамонова Н.А.* Н.В. Крушевский и история лингвистики // *Николай Крушевский : научное наследие и современность* : матер. Междунар. науч. конф. «Бодуэновские чтения». Казань : Новое знание, 2002. С. 35–42.
- Балалыкина Э.А.* Русское адекватное словообразование на балто-славянском фоне : монография. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. 268 с.
- Березин Ф.М.* Н.В. Крушевский — провозвестник лингвистики XX века // *Н.В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию*. М., 1998. С. 4–23.
- Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1915. 332 с.
- Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. 5-е изд., перераб. М.-Л. : Социально-экономическое изд-во, 1935. 356 с.
- Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М. : Учпедгиз, 1939. 224 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. URL: <https://djvu.online/file/WPeVr8CETIHO5> (дата обращения: 15.12.2024).
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Языковедение и язык: исследования, замечания, программы лекций. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 212 с.
- Галиуллин К.Р., Горобец Е.А., Лотфуллина Н.З.* Нейролингвистическое исследование расстройств сформированной речи: уровневый анализ // *Научная дискуссия: вопросы медицины* : сб. статей по материалам XXXII–XXXIII Междунар. науч.-практ. конф. М. : Международный центр науки и образования, 2015. № 1 (25). С. 49–52.
- Горобец Е.А., Гисматуллина Э.И.* Деривационные процессы в речи пациентов с неочаговыми формами энцефалопатии: анализ клинического случая // *Научные исследования*

- ния: от теории к практике : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. № 1 (11). С. 70–72.
- Ерофеева И.В. Именное словообразование в лингвокультурологической парадигме летописного текста. Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. 256 с.
- Косова В.А. Словообразовательная категория и ее категориальное окружение // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 6. С. 167–183.
- Косова В.А. Системная значимость словообразовательных категорий в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2014а. 493 с.
- Косова В.А. Словообразовательные категории русского языка: проблемы теории : монография. Казань : Новое знание, 2014b. 204 с.
- Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1883. 148 с.
- Марков В.М. Формы имен в языке судебныхников XV–XVI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1955. 15 с.
- Марков В.М. Явления суффиксальной синонимии в языке судебныхников XV–XVI веков // Ученые записки Казанского университета. Казань : Изд-во КГУ, 1956. Т. 116. Кн. 1. С. 299–306
- Марков В.М. Спорные вопросы русского словопроизводства // Тезисы докладов межвуз. лингв. конф. по вопросам теории русского словопроизводства. Казань, 1958. С. 1–14.
- Марков В.М., Николаев Г.А. Некоторые вопросы теории русского словообразования // Именное словообразование русского языка. Казань : Изд. Казан. ун-та, 1976. С. 3–14.
- Марков В.М. Избранные работы по русскому языку / под ред. проф. Г.А. Николаева. Казань : ДАС, 2001а. 275 с.
- Марков В.М. Явления нулевой суффиксации в русском языке // Избранные работы по русскому языку. Казань : ДАС, 2001b. С. 102–103.
- Николаев Г.А. К вопросу об обратных словообразовательных связях в русском языке // Вестник Московского университета: Филология. 1970. № 6. С. 62–68.
- Николаев Г.А. Профессор Виталий Михайлович Марков // История русского языка. Словообразование и формообразование : сб. материалов. Казань : УНИПРЕСС, 1997. С. 5–9.
- Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. М. : Книжный дом «Либроком», 2010. 184 с.
- Николаев Г.А. Русское и славянское словообразование. Казань : Казан. ун-т, 2011. 220 с.
- Николаев Г.А. Виталий Михайлович Марков // Филология и культура. 2012а. № 1 (27). С. 284–286.
- Николаев Г.А. Словообразование в древнерусском тексте // *Slowotwórstwo slowian'skie : system i tekst. Poznań*, 2012b. С. 305–313.
- Николаева Т.М. Очерки по исторической стилистике и словообразованию : монография. Казань : Изд-во КГУ, 2000. 148 с.
- Николина Н.А. Вопросы словообразования в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского // Русский язык в школе. 2015. № 7. С. 63–68.
- Трошкина Т.П. Особый тип словообразовательной синонимии в истории русского языка // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 1. С. 60–66.
- Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 250 с.
- Щуклина Т.Ю. Словотворчество как реализация лингвокреативного потенциала детей // Филология и культура. 2011. № 2 (24). С. 116–120.
- Щуклина Т.Ю. Новое слово как результат творчества языковой личности (на материале романа Ю. Петухова «Ангел возмездия») // Материалы III Международной научно-практической конференции «Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение». Казань : Изд-во КФУ, 2014. С. 386–390.

Щуклина Т.Ю. Вопросы русского словообразования в трудах ученых Казанской лингвистической школы конца XIX века (к 210-летию Казанского университета) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 1. Лингвистика. С. 20–24.

Щуклина Т.Ю. Узуальное аффиксальное словообразование в современном русском языке : динамика процессов // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : труды и материалы Междунар. конф. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. Т. 1. С. 285–289.

Щуклина Т.Ю. Функционально-прагматический потенциал русского словообразования // Язык — текст — дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 105-летию со дня рождения профессора Д.И. Алексеева (1918–1988) и 100-летию со дня рождения профессора Е. Скобликовой (1924–2016). Самара : САМАРАМА, 2024. С. 315–322.

Сведения об авторах:

Мифтахова Алия Наилевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: интернет-лингвистика, гендерная лингвистика, русский язык как иностранный. ORCID: 0000-0003-0825-4040. SPIN-код: 6750-2127. ResearcherID: E-6421-2015. ScopusID: 56765993700. E-mail: almiftahova@mail.ru

Маклеева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: словообразование, фонетика, русский язык как иностранный. ORCID: 0000-0001-8394-7408. SPIN-код: 3074-6957. ResearcherID: N-5831-2016. ScopusID: 57192269511. E-mail: elena.makleeva@hotmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-193-205

EDN: FBQIQC

Research article

The development of word formation theory in the works of representatives of the Kazan linguistic school: history and modernity

Aliya N. Miftahova , Elena A. Makleeva

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

almiftahova@mail.ru

Abstract. The contribution of I.A. Baudouin de Courtenay and his followers A.I. Anastasiev, N.V. Krushevsky, V.A. Bogoroditsky to word formation theory has been described in sufficient detail, but the achievements of Kazan University representatives in the late 20th –

early 21st centuries have not been fully studied yet. This substantiates the relevance of the present study. The aim of the study is to characterize the word formation theory development in Kazan University since the late 19th century. The material for the study was the scientific works by I.A. Baudouin de Courtenay and his followers (A.I. Anastasiev, N.V. Krushevsky, V.A. Bogoroditsky), as well as the works of Kazan University representatives in the second half of the 20th – early 21st centuries (V.M. Markov, G.A. Nikolaev, E.A. Balalykina, V.A. Kosova, etc.). The main methods used in the study were review, descriptive and induction method, analysis and comparison. Our review of the works by Kazan University scientists confirms and deepens earlier conclusions about word formation theory development at the university since the end of the XIX century until 2025. I.A. Baudouin de Courtenay and his followers referred word-formation to morphology, created the classical morpheme theory, investigated word structure and some Russian affixes, revealed the prerequisites for defining the concept of word-formation meaning and word-formation paradigm, and made many other important discoveries in the field of linguistics. Kazan University representatives of the second half of the XX – early XXI century relied to a great extent on the results of their predecessors. V.M. Markov and G.A. Nikolaev made a significant contribution to historical word formation in the Russian language; E.A. Balalykina, G.A. Nikolaev, and other linguists worked in the field of comparative word formation; G.A. Nikolaev, T.M. Nikolaeva, I.V. Erofeeva studied functional word formation; V.A. Kosova developed the structural-semantic aspect of word formation. The analysis of theoretical works shows the continuity in studying word formation at Kazan University.

Keywords: Russian language, Kazan University, linguistics, I.A. Baudouin de Courtenay, A.I. Anastasiev, N.V. Krushevsky, V.A. Bogoroditsky

Contribution: Miftahova A.N., Makleeva E.A. — research concept, literature analysis, data analysis, writing and editing of the article.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 04.12.2024; accepted 14.02.2025.

For citation: Miftahova, A. N., & Makleeva, E. A. (2025). The development of word formation theory in the works of representatives of the Kazan linguistic school: history and modernity. *Russian Language Studies*, 23(2), 193–205. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-193-205>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224

EDN: FDCBNF

Научная статья

Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка

В.А. Белов¹, В.М. Белова²¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, *Санкт-Петербург,
Российская Федерация*²Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, *Санкт-Петербург,
Российская Федерация* belov.vadim.a@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования связана с тем, что в современной российской лингвистической науке не сложилась практика полноценного описания дискурсивных слов русского языка, несмотря на то что подобные единицы частотны в русской речи. Цель исследования — описание прагматических функций дискурсивных слов, которые они выполняют в тексте. В качестве материала была выбрана частотная в русском языке группа дискурсивных слов, выражающих степень уверенности (*конечно, естественно, действительно, безусловно, очевидно, разумеется* и др.). Исследование построено на основе корпусных данных, позволяющих проанализировать частотность употребления дискурсивных слов в разных стилях и жанрах речи и сделать выводы о функциональных особенностях этих единиц. Использованы данные разных (под)корпусов Национального корпуса русского языка. Гипотеза исследования: анализируемые дискурсивные слова в тексте реализуют не только основную функцию (т.е. выражение уверенности), но и способны выполнять разнообразные периферийные прагматические функции. К периферийным отнесены два блока функций: первый блок связан с ведением скрытого диалога говорящего и слушающего (введение новой темы, установление контакта с адресатом, управление вниманием собеседника и др.), а второй — с выражением эмоций (в т.ч. реализации иронии). Многообразие выполняемых функций в тексте объясняется вариативностью семантики дискурсивных слов. На основе корпусных данных представлена функциональная характеристика дискурсивных слов этой группы с точки зрения степени употребительности в разных стилях речи. Обосновано использование функционального подхода при описании дискурсивных слов. Описана субъектная семантика этих дискурсивных слов, предполагающая скрытый диалог говорящего и слушающего. Теоретический результат исследования — схема описания функционала дискурсивных слов, в рам-

© Белов В.А., Белова В.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ках которой можно выделить основные и периферийные функции для разных групп дискурсивных слов. Перспективным направлением является подробное изучение функциональных особенностей других групп дискурсивных слов в аспекте выделения основных и периферийных функций.

Ключевые слова: семантика, прагматические маркеры, прагматические функции, функционализм, лингвоспецифичные слова, диалогизация, слушатель, семантическая деривация, лингвистический корпус

Вклад авторов: Белов В.А. — анализ литературы, общая концепция статьи, обработка результатов исследования, написание статьи; Белова В.М. — разработка методологии исследования, подбор первичного материала, сбор данных, анализ данных и полученных результатов, обработка материала, редактирование статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 05.10.2024; принята к печати 18.02.2025.

Для цитирования: Белов В.А., Белова В.М. Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 206–224. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224>

Введение

Несмотря на то, что дискурсивные слова (ДС) — одна из активно обсуждаемых тем в современном языкознании¹, традиция лексикографического описания этих единиц еще не сложилась (Шилихина, 2015).

Представленные описания краткие: они касаются только семантики выражения уверенности, при этом неясными оказываются семантические и функциональные различия и другие дискурсивные функции этих слов. Безусловным достижением российской лингвистики являются работы (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993; Борисова, 2018; Викторова, 2014; Дискурсивные слова..., 1998), в которых проводится глубокий контекстуальный анализ употреблений ДС. Однако некоторые положения перечисленных исследований требуют уточнения в свете современных достижений лингвистики.

Актуальность исследования также связана с тем, что частотность употребления ДС возрастает в последнее время. Так, частотность вводного слова *безусловно* увеличивается с 1990-х гг.: в период с 1990 до 2017 г. частотность стала больше в 1,5 раза². Подобное увеличение характерно и для других синонимичных ДС.

Дискурсивными словами можно назвать языковые единицы (слова и словосочетания), которые выполняют разные функции в тексте и являются средством ведения скрытого диалога между говорящим и слушателем. Важнейшими свойствами ДС являются, во-первых, отсутствие денотата в общепринятом смысле и синтаксическая независимость (отсутствие связи с пропозициональным содержанием предложения) (Кобозева, Захаров, 2004; Traugott, 2020; Shourup, 1999); во-вторых, полифункциональность и зависимость

¹ В настоящей статье мы не имеем возможности обсудить терминологические проблемы, возникшие вокруг понятия ДС.

² Для расчета частотности использовался основной корпус Национального корпуса русского языка. Анализ проводился с помощью грамматической разметки корпуса.

семантики дискурсивных слов от контекста; в-третьих, мультикатегориальность (ДС относятся к разным частям речи и категориям) (Fuller, 2003; Lewis, 2006; Schiffrin, 2006; Taboada, 2006)³; в-четвертых, отнесенность к необязательным и фоновым компонентам предложения и содержания (Aijmer, Foolen, Simon-Vandenberg, 2006); в-пятых, открытость для пополнения. Отмечается, что основной функцией ДС является связность, которая может быть реализована различными вариациями: например, ДС могут обозначать начало текста, введение новой темы, включение дополнительной информации, сигнализировать смену говорящих, помогать интерпретировать текст и пр. (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993; Мошков, 2021; Aijmer, 2004; Fraser, 1996; Foolen, 2012; Mesinoti, Angouri, Turner, 2024; Rubio-Fernandez, 2021; Schwenter, 2002).

ДС часто относят к труднопереводимым или непереводаемым элементам языка. А.Д. Шмелев называет ДС лингвоспецифичными словами, т.е. единицами, для которых трудно найти лексические аналоги в других языках (Shmelev, 2020). В школе А. Вежбицкой подобные труднопереводимые единицы называются ключевыми словами культуры (Вежбицкая, 2001).

Цель исследования — описать выполняемые в тексте прагматические функции группы ДС, выражающих уверенность в сообщаемом. Анализируемая группа частотна в русском языке и выражает ключевые свойства ДС.

Методы и материалы

Основным источником данных является Национальный корпус русского языка (НКРЯ): в исследовании использованы различные его корпуса: основной, газетный, устный, поэтический корпуса, корпус социальных сетей и русской классики. Для анализа языкового материала часто применялась грамматическая разметка корпуса, которая позволяет выделить единицы с общими грамматическими свойствами. Разметка НКРЯ проводится в автоматическом режиме, поэтому возможны некоторые неточности в определении грамматических свойств.

Исследование строится на материале анализа группы ДС, выражающих степень уверенности (*конечно, естественно, очевидно, безусловно, несомненно, разумеется, действительно* и др.). Проанализированы наиболее частотные ДС, при этом данная группа достаточно обширная.

Гипотезой исследования состоит в предположении о том, что анализируемые ДС в тексте реализуют не только основную функцию (т.е. выражение уверенности), но и способны выполнять разнообразные периферийные прагматические функции.

Для семантического анализа мы используем функциональный подход, который предполагает «объяснение языковой формы через ее функции» (Кибрик, Плунгян, 2002: 276) и подразумевает опору на эмпирические данные, в т.ч. корпусные данные (там же).

³ Отметим дискуссию об объеме ДС. Так, в соответствии с широким пониманием ДС в него могут быть включены единицы со сложной функциональной нагрузкой: маркеры (обороты) вежливости, маркеры хезитации и пр.

Результаты

Во-первых, обосновано использование функционального подхода при обучении ДС. Значение ДС целесообразно описывать с характеристикой функций, которые ДС выполняют в тексте.

Во-вторых, выделены основные и периферийные функции для группы ДС, выражающих уверенность. Основная функция предполагает выражение уверенности говорящего в сообщаемом. На основе контекстуального анализа высказываний, представленных в корпусе, установлено, что для ДС этой группы характерна разная степень уверенности: высокая степень уверенности (реализуется, когда говорящий предельно уверен в сообщаемом) представлена для ДС *безусловно* и *действительно*. Наименьшая степень уверенности в этой группе отмечается у ДС *конечно*: в некоторых контекстах развивается уступительное значение. Периферийными названы те функции, которые не связаны напрямую с выражением уверенности: диалогизация текста (скрытый диалог говорящего и слушающего) и выражение эмоций (усиление положительных эмоций, реализация иронии, и пр.).

В-третьих, на основе частотности единиц в разных корпусах НКРЯ дана стилиевая характеристика ДС анализируемой группы, которая представляет особенности употребления ДС в разных стилях и жанрах русской речи.

В-четвертых, описана субъектная организация ДС этой группы: подобные ДС предполагают скрытый диалог говорящего и слушающего, в ходе которого говорящий убеждает слушателя в истинности сообщаемого. Выражение уверенности этих ДС связано с потенциальной диалогичностью.

Обсуждение

Функция выражения уверенности

Первая функция является прототипической для анализируемой группы ДС, которые различаются степенью уверенности. Различия в их семантике позволяют выделить анализ контекстуальных употреблений.

ДС *безусловно*, для которого характерна высокая степень уверенности, следует употреблять в ситуациях выражения высокой степени уверенности, как правило, без реализации дополнительных значений. Напротив, наиболее низкую степень уверенности имеет слово *конечно*, которое в некоторых контекстах способно формировать противоположное значение, связанное со смягчением категоричности. Так, в высказываниях (1) и (2) ДС *конечно* выражает уступительное значение:

(1) *«И, конечно, бежать, спешить брать сейчас ипотечный кредит, наверное, не стоит, надо смотреть, какие индивидуальные условия у каждой семьи», — отметила Набиуллина⁴.*

⁴ Парламентская газета, 2021. // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

(2) *Есть, конечно, и другие различия, но главное в том, что рыцарями могут стать лишь благородные и свою честь они ценят превыше всего*⁵.

Интересны примеры совместного употребления ДС: в предложении (3) ДС *конечно* выражает уступительное значение в некоторой степени (за счет сочетания с оператором отрицания), а ДС *безусловно* выражает факт (мнение) высокой степени уверенности. Подобные высказывания с двойным употреблением синонимичных ДС характерны для устной, разговорной речи: в этих случаях ДС *конечно* часто выполняет контактоустанавливающую функцию (см. о них ниже).

(3) *Он, конечно, не Ярослав Гашек, но, безусловно, талантливый в своём жанре человек*⁶.

Высокая степень уверенности также характерна для ДС *действительно*: семантика этого слова связана с выражением подтверждения (см. толкование в словаре Т.Ф. Ефремовой⁷: «Употребляется как вводное слово, выражая подтверждение»⁸). Употребление этого ДС подтверждает, что события (или ситуация) развивались определенным образом; при этом значение путативности (уверенности, основанной на мнении) минимально (см. высказывание (4), где за счет этого ДС формируется утверждение, которое объективно и не зависит от воли говорящего). Говорящий, выбирая это ДС, подчеркивает, что ситуация объективно произошла определенным образом и не зависит от точки зрения говорящего. С точки зрения текстовой организации это ДС подтверждает предшествующее утверждение и вводит новую пропозицию: в примере (5) первое утверждение связано желанием участников расстаться, и следующее предложение с ДС *действительно* подтверждает, что это желание было осуществлено.

(4) *Действительно, исследования, проведенные в 1990-е годы, подтвердили тесные связи различных видов перемещений*⁹.

(5) *Было ясно, что после этого разговора мы расстанемся, так зачем начинать что-то доказывать. Действительно, Рома ушел. Как я и предполагала, он уже давно познакомился с какой-то высокоморальной девицей: до свадьбы ни-ни, муржила его под своими окнами и требовала походов в музей*¹⁰.

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (НОССРЯ) отмечается, что выражение уверенности может быть связано с информиро-

⁵ С. де Кастелл, 2020. // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

⁶ Парламентская газета, 2021 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

⁷ Отметим недостаточную практику словарного толкования этого слова. В словарях оно чаще всего определяется как наречие и частица, более того в словаре С.И. Ожегова не представлено отдельного толкования этого слова.

⁸ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Вопросы статистики, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁰ Даша, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

ванностью говорящего¹¹, однако часто можно наблюдать несовпадение уверенности и информированности: в этих случаях уверенность говорящего основывается не на полученной информации, а на некотором укоренившемся представлении о мире. Например, в примере (6) уверенность говорящего основывается на собственном представлении о мире, что все граждане России любят хоккей и переживают за успехи своей команды; но это не объективный факт.

(6) *Писатель Дмитрий Дробницкий — о причинах поражения российской сборной: Разумеется, я, как и все мои сограждане, переживал за нашу хоккейную сборную*¹².

В НОССРЯ указано, что синонимы *конечно*, *разумеется*, *естественно* и др. различаются смысловыми оттенками, выражающими информативность и путативность. Однако наш анализ показывает, что для всех ДС этой группы характерна путативность, проявление которой определяется не лексическим значением, а контекстом.

ДС *естественно* употребляется для обозначения явлений, «которые можно рассматривать как заложенные в природе вещей»¹³. ДС *естественно* «описывает ситуацию как некую норму»¹⁴. Например, в высказывании (7) говорящий апеллирует к знанию слушающего о типичной ситуации, что приводит к диалогу с ним. В ряде случаев возможна пренебрежительная оценка, основанная на том, что адресат не разобрался должным образом в ситуации (см. (8)). В научной и в более формальной речи можно говорить о значении логического вывода, что подтверждается возможной заменой *как следствие* (см. (9)). Выделенные особенности способствуют установлению диалога с собеседником (пример диалога (установления контакта с собеседника) см. в высказывании (10)).

(7) *Но, естественно, процесс слияния не мог не потребовать времени*¹⁵.

(8) ... а венцом оказывалось столкновение с широкой железной грудью быкадора, он, *естественно*, и не думал уступать дорогу, а шел напролом, как ледокол прорывался сквозь людские айсберги¹⁶.

(9) *Все это, естественно [как следствие], сказывается на частоте проявления СВК, так как известно, что вероятность заболевания краснухой беременных женщин зависит от интенсивности передачи инфекции в детстве*¹⁷.

¹¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 474.

¹² Известия, 2013 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

¹³ Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайра. М. : Метатекст, 1998. С. 364.

¹⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 474.

¹⁵ Computerworld, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁶ У. Нова, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁷ Вопросы вирусологии, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

(10) *Было такое время, когда я работала в Институте Х. И, естественно, моя зарплата оставляла желать лучшего*¹⁸.

ДС очевидно характеризуется более низкой степенью уверенности: в словарном толковании отмечается, что это ДС понимается как «вероятно, по-видимому»¹⁹. Низкая степень уверенности представлено, например, в высказывание (11) за счет сочетания со словом *вероятно*: говорящий в этой ситуации, судя по контексту, не обладает точной информацией и строит предположения.

(11) *Тем не менее, очевидно, стремясь получить информацию, скрываемую сейчас за «железным занавесом», был, вероятно, проведен полет над советской территорией невооруженным гражданским самолетом У-2*²⁰.

ДС очевидно часто употребляется в ситуациях предположений и создания версий происходящего. Так, в публицистических текстах эта единица используется для выражения домыслов и догадок, что позволяет воздействовать на адресата; см. пример подобного воздействия в политическом дискурсе (12).

(12) *Президент сообщил, что Соединенные Штаты и их союзники работают над новой резолюцией по Ираку... «Вторая резолюция могла бы принести пользу. Но нам она не нужна, — сказал Буш. — Очевидно, что Хусейн будет соблюдать ее не больше, чем первую — 1441-ю, которой он откровенно пренебрегает*²¹.

Таким образом, для ДС очевидно характерно выраженное субъективное начало: единица часто используется для выражения своего мнения (см. (13)).

(13) *Партия власти, очевидно, не преминет воспользоваться опытом прежних выборов, задействовав весь имеющийся ресурс для дискредитации коммунистов*²².

ДС *разумеется*, обладающее низкой степенью уверенности, этимологически связано с оборотами *разумеется, что*; само собой *разумеется* и сохраняет семантическую связь со глаголом *разуметься*, который толкуется как *иметься в виду*; *подразумеваться, мыслиться*²³. Так, в примере (14) ДС *разумеется* не только выражает уверенность, но и поясняет авторскую позицию (раскрывается, что он подразумевал), являясь средством связности и установления контакта с собеседником. В силу такой особой семантики ДС способно развивать уступительное значение: см. пример (15). Так, в высказывании (15) можно заменить ДС на уступительный союз *хотя* без изменения модального смысла (см. пример (15a)).

¹⁸ Неприкосновенный запас», 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁰ О. Гриневский, 1997 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

²¹ Известия, 2003 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

²² Завтра, 2003 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

²³ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 10.09.2024).

(14) *Основной акцент будет сделан на совершенствование механизмов информационного обеспечения и обмена, а также на такие новые формы работы, как организация совместных выездных миссий в государства, **разумеется**, с их согласия, для сбора информации о конкретных нуждах стран, эффективности уже предоставленной им помощи*²⁴.

(15) ***Разумеется**, это не значит, что можно совсем ничего не знать, хотя почти любой зачет, экзамен можно весьма недорого купить — до 50\$ за удовл.*²⁵

(15a) ***Хотя** это не значит, что можно совсем ничего не знать, хотя почти любой зачет, экзамен можно весьма недорого купить — до 50\$ за удовл.*²⁶

Степень употребительности дискурсивных слов в стилях речи

Кроме различий по степени уверенности, ДС этой группы дифференцируются по степени употребительности в разных стилях речи. В таблице приведена частотность леммы из НКРЯ с применением грамматической разметки «Вводное слово» (как часть речи).

Употребление дискурсивных слов в разных регистрах (подкорпусах), тысяч употреблений

Дискурсивные слова	Основной корпус	Газетный корпус	Устный корпус	Корпус социальных сетей	Поэтический корпус	Русская классика
Конечно	209	258	28	84	2	5
Безусловно	7	41	2	5	0,08	0,002
Естественно	14	44	4	11	0,07	0,7
Действительно	27	28	9	35	0,2	1,1
Очевидно	29	19	0,003	0	0	2
Разумеется	0,6	0,07	0,7	8	0,09	0,01
Несомненно	10	10	0,3	3	0,1	0,1

Источник: составлено В.А. Беловым, В.М. Беловой на основе данных Национального корпуса русского языка.

Use of discourse words in different registers (subcorpora), thousands of uses

Discourse words	Main corpus	Newspaper corpus	Oral Speech Corpus	Social Networks Corpus	Poetic Corpus	Russian Classics
Certainly	209	258	28	84	2	5
Definitely	7	41	2	5	0.08	0.002
Naturally	14	44	4	11	0.07	0.7
Indeed	27	28	9	35	0.2	1.1
Obviously	29	19	0.003	0	0	2
Of course	0.6	0.07	0.7	8	0.09	0.01
Undoubtedly	10	10	0.3	3	0.1	0.1

Source: compiled by V.A. Belov, V.M. Belova based on data from the Russian National Corpus.

²⁴ Дипломатический вестник, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

²⁵ Форум, 2006 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

²⁶ Составлено В.А. Беловым, В.М. Беловой.

На основании представленных корпусных данных можно сделать стилистическую характеристику ДС этой группы.

Высокочастотное и полифункциональное ДС *конечно* может употребляться в высказываниях практически в любых стилях речи²⁷, кроме некоторых научных и официально-деловых текстов

ДС *безусловно* с высокой степенью не является частотным в корпусе, однако оно употребляется в публицистическом стиле.

ДС *естественно* с достаточно высокой степенью уверенности наиболее активно используется в письменной речи. В устной речи обладает средней употребительностью.

ДС *действительно*, обладающее высокой степенью уверенности, часто в современной речи: оно употребляется в письменных и устных жанрах речи, в том числе в научных и официально-деловых текстах.

ДС *очевидно* с низкой степенью уверенности преимущественно используется в публицистическом стиле. Эта единица не характерна для устной речи.

ДС *разумеется* с низкой степенью уверенности низкочастотно в речи. При этом оно частотно в корпусе социальных сетей. Представленные корпусные данные не подтверждают вывод, сделанный в (Дискурсивные слова..., 1998), о том, что эта единица характерна для речи образованных людей.

ДС *несомненно*, выражающее высокую степень уверенности, в целом недостаточно частотно в современной речи, однако активно используется в публицистическом стиле.

Проблема субъектных отношений в семантике дискурсивных слов

Обычно ДС, выражающие уверенность, рассматриваются как показатели так называемой субъективной модальности, которая связана с обозначением отношения говорящего к сообщаемому (см. например, в учебнике²⁸). Как правило, в рамках этой категории обсуждается только один субъект — говорящий. Однако в случае употребления анализируемых ДС важным оказывается также слушающий: «Показатели типа *конечно*, *разумеется* и [подобные] имеют особое назначение: они используются для отведения сомнений не говорящего, а слушателя. <...> Введение *естественно* означает скрытый диалог с читателям» (Шмелева, 1983: 76). Так, употребление ДС *разумеется* в (16) предполагает, что говорящий обращается к слушающему (убеждая слушателя, что сообщаемое представляется логичным выводом, исходя из анализа ситуации).

(16) *Тактика вытеснения компартии на обочину политической жизни <...> Геннадия Селезнева пока успехом не увенчалась. Разумеется, самым*

²⁷ Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайра. М. : Метатекст, 1998. 447 с.

²⁸ Кронгауз М.А. Семантика : учебник для вузов. М. : РГГУ, 2001. 399 с.

эффектным ходом было бы привлечение в партийные ряды президента Владимира Путина²⁹.

Также сравним предложение (17) с ДС очевидно и искусственную трансформацию без него (17а): второе высказывание (17а) представляет событие как состоявшийся факт и поэтому представляется более достоверным, но лишено обращения к потенциальному слушателю.

(17) *Я ни к чему не возвращалась, потому что на съемках я носила парики. Но, очевидно, они выглядели очень натурально*³⁰.

(17а) *Я ни к чему не возвращалась, потому что на съемках я носила парики. Но они выглядели очень натурально*³¹.

Для интерпретации подобных семантических явлений следует использовать понятия эпистемологической модальности, разработанной функциональным лингвистом Т. Гивоном. Он выделил четыре типа этой модальности: презумпция (когда сообщаемое не требует доказательств); реальное утверждение (говорящий имеет серьезные основания истинности сообщаемого); ирреальное утверждение (говорящий сомневается в истинности), отрицательное утверждение (говорящий и слушатель считают сообщаемое ложным) (Givón, 1995). Так, предложение (17) выражает презумпцию с опорой на то, что сообщаемое является фактом, а высказывание (17а) соотносится с реальным утверждением: говорящий пытается доказать слушателю истинность сообщаемого, предполагая, что слушатель сделает те же выводы, анализируя ситуацию.

Таким образом, выражение уверенности анализируемыми ДС предполагает скрытый диалог со слушателями, который вызван стремлением убедить слушателя в истинности сообщаемого. Потенциальная диалогичность, выявляемая при реализации основной прагматической функции, способствует семантической деривации ДС, приводящей к расширению функционала ДС.

Периферийные прагматические функции

Периферийными для рассматриваемой в исследовании группы ДС называются функции, которые не связаны напрямую с выражением уверенности в сообщаемом. Во-первых, в эту категорию отнесены примеры ведения скрытого диалога говорящего и слушающего: подобный диалог представлен такими дискурсивными приемами, как введение новой темы, установление контакта со слушающим, управление вниманием слушающего и др.). Во-вторых, ДС этой группы способны участвовать в выражении положительных и отрицательных эмоций.

Существует определенная закономерность в реализации периферийных функций: чем выше частотность ДС, тем разнообразнее у него прагматические роли. Наиболее широкий функционал отмечается у высокочастотного

²⁹ Итоги, 2003 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

³⁰ Экран и сцена», 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

³¹ Составлено В.А. Беловым, В.М. Беловой.

ДС *конечно*, которому свойственны все вышеперечисленные функции. При этом реализация функций во многом определяется контекстуально, поэтому для их анализа необходим широкий контекст с опорой на смысл текста в целом (или крупной текстовой единицы, например, параграфа или диалогического единства). Достаточно часто выделенные нами функции выражаются синкретично (то есть несколько функций выражаются одновременно). Далее проанализируем выделенные функции на нескольких примерах.

Введение новой темы. ДС этой группы (*конечно, безусловно* и др.) вместе с союзом *но* способны вводить новую тему (аспект проблемы или ситуации). См. примеры подобного управления внимания слушателя (18) и (19).

(18) *Есть, конечно, и другие различия, но главное в том, что рыцарями могут стать лишь благородные и свою честь они ценят превыше всего*³².

(19) *Очень рассудочный, очень холодный, безусловно, интересный, но в нем, как сказал Дима, мало вечности, много красоток вопреки вкусу*³³.

Установление контакта со слушающим. Эта функция предполагает сокращение психологической дистанции с собеседником за счет принятия чужой точки зрения и некоторого согласия с адресатом. Так, в высказывании (20) говорящий понимает точку зрения собеседника, но не соглашается с ней.

(20) — *Что, вы совсем не говорите между собой по-французски?* — *Если мы вдвоем, то нет.* — *Ну надо же!* — *Неужели вы не понимаете, что русский — мой родной язык?* — *Понимаем, конечно, но все-таки как-то странно*³⁴.

Эту функцию можно также назвать уступительной, так как говорящий уступает собеседнику в некоторых аспектах проблемы (ситуации), не соглашаясь с ним в целом.

Управление вниманием слушающего. Данная функция реализуется в диалогической речи по-разному: во-первых, введением новой темы (подробно рассмотрено выше); во-вторых, выражением согласия с собеседником (так называемые реактивные реплики) (Добрушина, 2000); в-третьих, маркированием (выделением) обратной связи между коммуникантами с помощью смены говорящего (Минаева, 2021; Шляхов, Саакян, 2015). Функция выражения (усиления) согласия является отправной точкой для установления контакта с собеседником и средством привлечения внимания. См. пример (21), где благодаря ДС *конечно* усиливается согласие с собеседником и привлекается внимание собеседника к своей позиции.

(21) — *Вы подавали друг другу реплики из-за камеры?* — *О да, конечно!* *Я всегда так делаю, — актер должен сосредоточиться на реальном партнере, а не на ассистенте, который читает реплики*³⁵.

³² С. де Кастелл, 2020 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

³³ Ю. Л. Нельская-Сидур, 1971 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

³⁴ LiveJournal, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

³⁵ Экран и сцена, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

ДС часто свидетельствуют о смене говорящих: как известно, проблема смены говорящего является одной из важнейших в конверсационном анализе (англ. *conversation analysis*) (см., например, классическую работу (Сакс и др., 2015). В устном корпусе НКРЯ представлены записи реальных диалогов: в них достаточно часто ДС, выражающие согласие с собеседником (*конечно*, *безусловно* и др.) маркируют смену говорящего, являясь первым словом: см. примеры (22) и (23), где выполняется эта функция.

(22) *Дать образование детям своим и самому самообразовываться / конечно если есть деньги / то можно и за границей.*

Доход.

*Конечно, доход*³⁶.

(23) [Смирнова, жен, 50, 1953, журналистка]: *Вы правы.*

[Арбенина, жен, 39, 1964, артистка]: *Безусловно / невозможно жить в каком-то своем мире / потому что / в самом деле / все действует и все влияет.*

[Смирнова, жен, 50, 1953, журналистка]: *А вы ходите голосовать или нет?*³⁷.

Также ДС этой группы часто становятся интенсификаторами для частицы *да* (см. (Гришина, 2011)); о многообразии функций ответных реплик в русской деловой речи см. (Malyuga, McCarthy, 2021).

Второй блок прагматических функций предполагает выражение эмоций, характер которых во многом определяется контекстом. В высказывании (24) ДС *конечно* используется для передачи положительных эмоций радости и удивления.

(24) — *Попробуйте. — Он вручил мне целый орех. И, конечно, я точно так же сумел его расколоть. — Век живи, век учись, — улыбнулся он. — А теперь я должен вернуться к своему пилоту, — добавил он, встал, задвинул стул под стол и ушел с террасы. — В туалет, — объяснила Миранда и, подскочив, сразу же пошла на кухню*³⁸.

Эта группа ДС также способна выражать и негативные эмоции: так, они участвуют в создании иронии, сарказма и издевки, предполагающих ложное согласие. В высказывании (25) ДС *конечно* участвует в создании иронии (ложного согласия): в данном случае выражает негативные эмоции говорящего, который не согласен с собеседником. Развитие энантиосемии (когда благодаря контексту слово употребляется в противоположном значении) на основе иронии рассматривается как один из активных процессов современного русского языка, что может отражаться даже в словарных толкованиях некоторых слов (например, *мило*, *весело*) (Ермакова, 2008: 60).

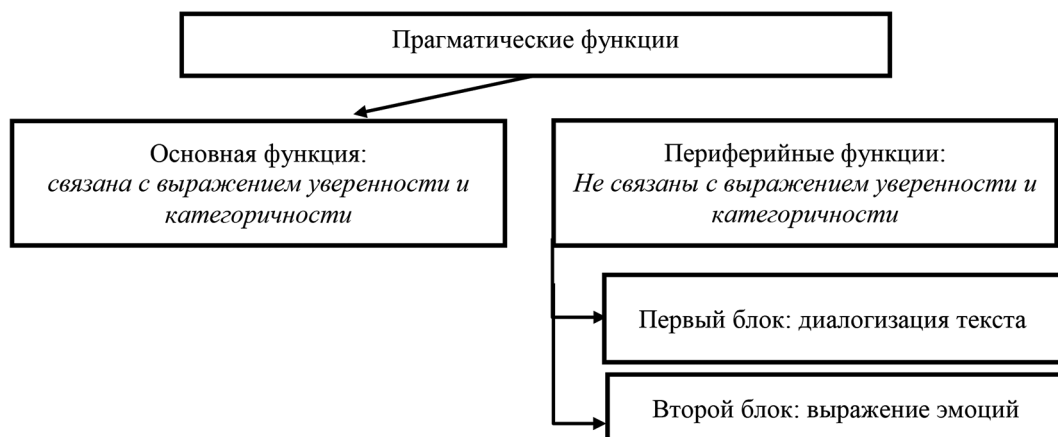
³⁶ Беседа в Петербурге, 2004 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

³⁷ Школа злословия, 2003 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

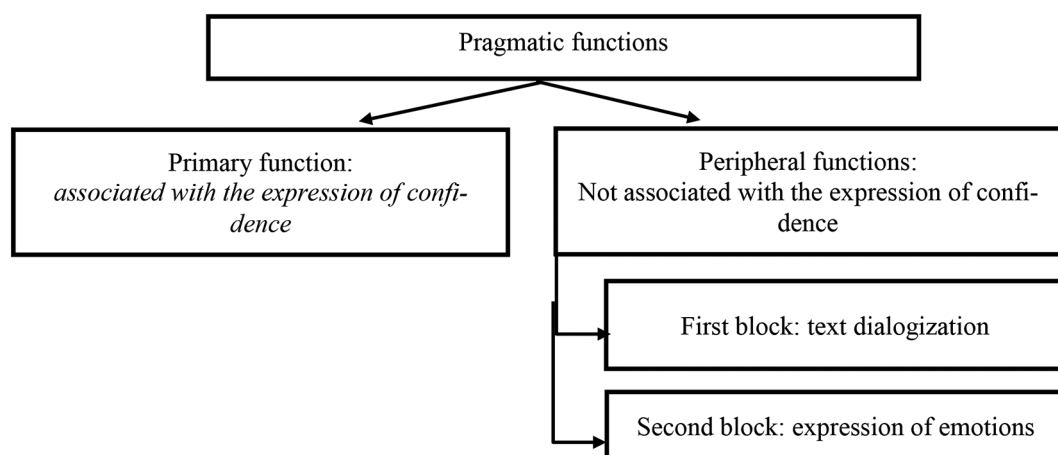
³⁸ А. Асиман, 2020 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

(25) Но тащить вручную за ноги раненое неспящее животное в лес — оно, **конечно**, гуманнее³⁹.

В обобщенном виде прагматические функции этой группы ДС представлены на рисунке.

Прагматические функции дискурсивных слов, выражающих уверенность в сообщаемом
Источник: подготовлено В.А. Беловым, В.М. Беловой.

Pragmatic functions of discursive words expressing confidence
Source: prepared by V.A. Belov, V.M. Belova.

Заключение

Исследование показало, что для описания ДС русского языка следует использовать функциональный подход, предполагающий обращение к анализу употреблений ДС в контексте, так как семантика ДС определяется в большей степени контекстом.

Функциональный подход прежде всего позволяет объяснить постепенный процесс семантической деривации (расширения значения) ДС анализи-

³⁹ Социальные сети // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).

руемой группы. На базе основной функции уверенности, для которой характерна диалогическая семантика, развиваются разнообразные периферийные функции. Подобные ДС благодаря семантической деривации становятся вторичными эгоцентриками (Е.В. Падучева).

Важный теоретический результат исследования — разработка общей схемы описания семантики ДС: выделение основных (прототипических) и периферийных функции, возникающих в ходе семантической деривации единиц и связанных с диалогозацией текста. Перспективным направлением исследования является выделение основных и периферийных функций при описании семантики других групп ДС.

Список литературы

- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
- Борисова Е.Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 34–50. EDN: YSQIGD
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянских культур, 2001. 288 с.
- Викторова Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 27–34. EDN: SMCKDT
- Гришина Е.А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 35 (2). С. 169–207. <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z>
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайра. М. : Метатекст, 1998. 447 с.
- Добрушина Н.Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 135–140.
- Ермакова О.П. Активные процессы в лексике и семантике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. : Языки славянской культуры, 2008. С. 33–99.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Серкиной. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 276–339.
- Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. семинара Диалог-2004. М. : Наука, 2004. С. 292–297.
- Минаева Е.В. Методика обучения дискурсивным словам в условиях языковой среды (уровни А2–В1) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2021. 26 с.
- Мошков М.Е. Дискурсивные слова и частицы в авторском переводе // Русская речь. 2021. № 5. С. 108–117. <https://doi.org/10.31857/S013161170017243-6> EDN: ZYVJXU
- Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г., Корбут А. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202. EDN: TRRRAJ
- Шилихина К.М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 121–126. EDN: TQYIUU
- Шляхов В.И., Саакян Л.Н. Текст в коммуникативном пространстве. М. : URSS, 2015. 234 с.

- Шмелева Т.В.* Мысли В.В. Виноградова о модальности и дальнейшее изучении этой семантической категории // *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjjevnosti*. Sveska 5. Нови-Сад, 1983. С. 73–81.
- Aijmer K.* Pragmatic Markers in Spoken Interlanguage // *Nordic Journal of English Studies*. 2004. Vol. 3. No. 1. Pp. 173–190.
- Aijmer K., Foolen A.P., Simon-Vandenberg A.-M.* Pragmatic markers in translation : a methodological proposal // *Approaches to Discourse Particles* / Ed. by K. Fischer. Oxford : Elsevier, 2006. Vol. 1. Pp. 101–114. https://doi.org/10.1163/9780080461588_007
- Beeching K.* Semantic change: evidence from false friends // *Languages in Contrast*. 2010. Vol. 10. No. 2. Pp. 139–165. <https://doi.org/10.1075/lic.10.2.03bee>
- Foolen A.* Pragmatic markers in a sociopragmatic perspective // *Pragmatics of Society* / Eds. by G. Andersen, K. Aijmer. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2012. Pp. 217–242. <https://doi.org/10.1515/9783110214420.217>
- Fraser B.* Pragmatic Markers // *Pragmatics*. 1996. Vol. 6. No. 2. Pp 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>
- Fuller J.M.* The influence of speaker roles on discourse marker use // *Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 35. No. 1. Pp. 23–45. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00065-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00065-6)
- Givón T.* Functionalism and Grammar. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1995. 486 p. <https://doi.org/10.1075/z.74>
- Lewis D.M.* Discourse Markers in English: a Discourse-Pragmatic View // *Approaches to Discourse Particles* / ed. by K. Fischer. Amsterdam : Elsevier, 2006. Vol. 1. Pp. 43–59. https://doi.org/10.1163/9780080461588_004
- Malyuga E.N., McCarthy M.* “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: in search of a functional equivalence // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. T. 25. № 2. С. 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
- Mesinioti P., Angouri J., Turner Ch.* Summarising in medical emergencies: the role of the discourse marker so // *Journal of Pragmatics*. 2024. Vol. 225. Pp. 20–33. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2024.03.006>
- Rubio-Fernandez P.* Pragmatic markers: the missing link between language and Theory of Mind // *Synthese*. 2021. Vol. 199. Pp. 1125–1158. <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02768-z>
- Schiffrin D.* Discourse marker research and theory: revisiting *and* // *Approaches to Discourse Particles* / ed. by K. Fischer. Amsterdam : Elsevier, 2006. Vol. 1. Pp. 315–338. https://doi.org/10.1163/9780080461588_018
- Schwenter S.* Discourse markers and the PA/SN distinction // *Journal of Linguistics*. 2002. Vol. 38. No. 1. Pp. 43–69. <https://doi.org/10.1017/S0022226701001232>
- Shmelev A.* Russian language-specific words in the light of parallel corpora // *Meaning, life and culture: in conversation with Anna Wierzbicka* / eds. by H. Bromhead, Zh. Ye. Canberra : Australian National University. 2020. Pp. 403–420. <https://doi.org/10.2307/j.ct-v1d5nm0d.27>
- Shourup L.* Discourse Markers // *Lingua*. 1999. Vol. 107. No. 3-4. Pp. 227–265. [https://doi.org/10.1016/S0024-3841\(96\)90026-1](https://doi.org/10.1016/S0024-3841(96)90026-1)
- Taboada M.* Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations // *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38. No. 4. Pp. 567–592. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.09.010>
- Traugott E.* Expressions of stance-to-text: discourse management markers as stance markers // *Language Sciences, Investigating Stance in English: Synchrony and Diachrony*. 2020. Vol. 82. P. 101329. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101329>

Сведения об авторах

Белов Вадим Алексеевич, доктор филологических наук, доцент высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

(СПбПУ), Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, литера Б. *Сфера научных интересов*: лексическая семантика, психолингвистика. ORCID: 0000-0002-4173-2000. SPIN-код: 2545-5676. ResearcherID: K-6047-2018. ScopusID: 57194606539. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Белова Валентина Михайловна, кандидат филологических наук, заместитель директора института, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Российская Федерация, 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А. *Сфера научных интересов*: семантика дискурсивных слов, медиатекст. ORCID: 0000-0002-6057-1580. SPIN-код: 2038-6847. E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224

EDN: FDCBNF

Research article

Functional approach to Russian discourse markers description

Vadim A. Belov¹, Valentina M. Belova²

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

²Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, *Saint Petersburg, Russian Federation*

belov.vadim.a@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is in the fact that modern Russian linguistic science has not developed a full-fledged description of Russian discursive words despite their frequency in Russian speech. The aim of the study is to describe the pragmatic functions of discursive words in the text. Frequent Russian discursive words expressing the degree of certainty (конечно ‘certainly’, естественно ‘naturally’, действительно ‘indeed’, безусловно ‘undoubtedly’, очевидно ‘obviously’, разумеется ‘of course’, etc.) served as the material for the study. The study is based on corpus data that allows us to analyze the discursive words frequency in different styles and speech genres and to draw conclusions about the functional features of these units. The data from different (sub)corpora of Russian National Corpus were used in the article. The hypothesis of the study is that the discursive words in the text perform not only their main function (expression of confidence) but also various peripheral pragmatic functions. Peripheral functions are divided into two blocks; the first block helps to conduct a hidden dialog between the speaker and the listener (introduce a new topic, establish contact with the addressee, control the interlocutor’s attention, etc.), and the second block expresses emotions (including irony). The variety of functions is ensured by the semantic variability of discursive words. Based on corpus data, the authors give functional characteristics of this group of discursive words in terms of their frequency in different speech styles. The study substantiates the functional approach to describing discursive words. The subjective semantics of these discursive words, a hidden dialog between the speaker and the listener, is described. The theoretical result of the study is a scheme for describing the discursive words functionality. The scheme distinguishes the main and peripheral functions for different groups of discursive words. A promising direction is a detailed study of the functional features of other groups of discursive words in the

aspect of their main and peripheral functions. The study is useful to all those who study or teach Russian language.

Keywords: semantics, pragmatic markers, pragmatic functions, functionalism, linguo-specific words, dialogization, listener, semantic derivation, linguistic corpus

Contribution: Belov V.A. — literature analysis, idea, research, processing of research results, text preparation; Belova V.M. — methodology, selection of primary material, data collection, analysis of data, text editing.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 05.10.2024; accepted 18.02.2025.

For citation: Belov, V. A., & Belova, V. M. Functional approach to Russian discourse markers description. *Russian Language Studies*, 23(2), 206–224. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224>

References

- Aijmer, K. (2004). Pragmatic Markers in Spoken Interlanguage. *Nordic Journal of English Studies*, 3(1), 173–190.
- Aijmer, K., Foolen, A. P., & Simon-Vandenberg, A.-M. (2006). Pragmatic markers in translation: a methodological proposal. In K. Fischer (Ed.). *Approaches to Discourse Particles*. Vol. 1 (pp. 101–114). Amsterdam: Elsevier Publ. https://doi.org/10.1163/9780080461588_007
- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *Guide to discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovskii i partnery Publ. (In Russ.).
- Beeching, K. (2010). Semantic change: Evidence from false friends. *Languages in Contrast*, 10(2), 139–165. <https://doi.org/10.1075/lic.10.2.03bee>
- Borisova, E. G. (2018). Understanding management: Language units as indicators of message comprehension. *Lomonosov Philology Journal*, (6), 34–50. (In Russ.). EDN: YSQIGD
- Dobrushina, N. R. (2000). A study of back-channel items in American linguistics. *Voprosy yazykoznaniiya*, (1), 135–140. (In Russ.).
- Ermakova, O. P. (2008). Active processes in vocabulary and semantics. In *Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX–XXI centuries* (pp. 33–99). Moscow: Languages of Slavic culture Publ. (In Russ.).
- Foolen, A. (2012). Pragmatic markers in a sociopragmatic perspective. In G. Andersen, K. Aijmer (Eds). *Pragmatics of Society* (pp. 217–242). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110214420.217>
- Fraser, B. (1996). Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>
- Fuller, J. M. (2003). The influence of speaker roles on discourse marker use. *Journal of Pragmatics*, 35(1), 23–45. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00065-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00065-6)
- Givón, T. (1995). *Functionalism and grammar*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing. <https://doi.org/10.1075/z.74>
- Grishina, E. A. (2011). Да ‘yes’ in dialogue in spoken Russian. *Russian Linguistics*, (35), 169–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z>
- Kibrik, A. A., & Plungyan, V. A. (2002). Functionalism. In *Modern American Linguistics: Fundamental Directions* (pp. 276–339). Moscow: URSS Publ. (In Russ.).
- Kiseleva, K., & Payra, D. (Eds.) (1998). *Discursive words of the Russian language: experience of contextual-semantic description*. Moscow: Metatext. (In Russ.).

- Kobozeva, I. M., & Zakharov, L. M. (2004). Why do we need a sounding dictionary of discursive words of the Russian language. In *Computer linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international seminar 'Dialogue-2004'* (pp. 292–297). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Lewis, D. M. (2006). Discourse markers in English: a discourse-pragmatic view. In K. Fischer (Ed.). *Approaches to Discourse Particles*. Vol. 1 (pp. 43–59). Amsterdam: Elsevier. https://doi.org/10.1163/9780080461588_004
- Malyuga, E. N., & McCarthy, M. (2021). “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
- Mesinioti, P., Angouri, J., & Turner, C. (2024). Summarising in medical emergencies: The role of the discourse marker so. *Journal of Pragmatics*, 225, 20–33. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2024.03.006>
- Minaeva, E. V. (2021). *Methodology of teaching discursive words in a language environment (levels A2-B1)*. [Author's abstr. cand. ped. diss.]. Moscow. (In Russ.). EDN: ZYVJXU
- Moshkov, M. E. (2021). Discursive words and particles in the author's translation. *Russian Speech*, (5), 108–117. (In Russ.). 10.31857/S013161170017243-6.
- Rubio-Fernandez, P. (2021). Pragmatic markers: the missing link between language and theory of mind. *Synthese*, 199, 1125–1158 <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02768-z>
- Saks, H., Schegloff, E., Jefferson, G., & Korburt, A. (2015). A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Russian Sociological Review*, 14(1), 142–202. (In Russ.). EDN: TRRAJ
- Schiffrin, D. (2006). Discourse marker research and theory: Revisiting *and*. In K. Fischer (Ed.). *Approaches to Discourse Particles*. Vol. 1 (pp. 315–338). Amsterdam: Elsevier. https://doi.org/10.1163/9780080461588_018
- Schwenter, S. (2002). Discourse markers and the PA/SN distinction. *Journal of Linguistics*, 38(1), 43–69. <https://doi.org/10.1017/S0022226701001232>
- Shilihina, K. M. (2015). Corpus-based study of discourse markers. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, (3), 121–126. (In Russ.).
- Shlyakhov, V. I., & Sahakyan, L. N. (2015). *Text in the communicative space*. Moscow: URSS Publ. (In Russ.). EDN: TQYIUU
- Shmelev, A. (2020). Russian language-specific words in the light of parallel corpora. In H. Bromhead, Zh. Ye (Eds.). *Meaning, life and culture: In conversation with Anna Wierzbicka* (pp. 403–420). Canberra: Australian National University Publ. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1d5nm0d.27>
- Shmeleva, T. V. (1983). Vinogradov's thoughts on modality and further study of this semantic category. In *Proceedings of the Institute for Foreign Languages and Literatures*. Vol. 5 (pp. 73–81). Novi Sad. (In Russ.).
- Shourup, L. (1999). Discourse Markers. *Lingua*, 107(3-4), 227–265. [https://doi.org/10.1016/S0024-3841\(96\)90026-1](https://doi.org/10.1016/S0024-3841(96)90026-1)
- Taboada, M. (2006). Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations. *Journal of Pragmatics*, 38(4), 567–592. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.09.010>
- Traugott, E. (2020). Expressions of stance-to-text: Discourse management markers as stance markers. *Language Sciences, Investigating Stance in English: Synchrony and Diachrony*, 82, 101329. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101329>
- Vezhbtskaya, A. (2001). *Understanding cultures through keywords*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russ.).
- Viktorova, E. Yu. (2014). Functioning of discourse markers with indefinite meaning. *Tomsk State University Journal*, (383), 27–34. (In Russ.). EDN: SMCKDT

Bio notes:

Vadim A. Belov, Assistant Professor, Doctor of Philology, assistant professor at Graduate School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Politekhnikeskaya st., bldg. B., Saint Petersburg, 195251, Russian Federation. *Research interests*: lexical semantics, psycholinguistics. ORCID: 0000-0002-4173-2000. SPIN-code: 2545-5676. ResearcherID: K-6047-2018 ScopusID: 57194606539. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Valentina M. Belova, Candidate of Philology, Deputy Director of the Institute, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovsky Av., bldg. A., Saint Petersburg, 190020, Russian Federation. *Research interests*: semantics of discursive words, media text. ORCID: 0000-0002-6057-1580. SPIN-code: 2038-6847. E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-225-240

EDN: FHVPNE

Научная статья

Заемствование в русском языке новейшего периода: сопутствующие языковые процессы

Н.В. Габдреева^{ID}✉, А.В. Агеева^{ID}Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*✉n.gabdreeva@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные лингвистические процессы, сопутствующие заимствованию в русском языке новейшего периода. Актуальность исследования определяется современными взглядами на языковую систему как на сложное синергетически организованное целое, находящееся в постоянном контакте с внешними ресурсами и характеризующееся динамичным развитием. Цель исследования — систематизация процессуальных характеристик всестороннего включения иноязычной лексики в лексическую систему русского языка на современном этапе. Материалом работы выступают данные онлайн-версий русскоязычных периодических изданий, включающие журнальные статьи и комментарии читателей. Методология работы основана на применении модели динамической синхронии, позволяющей зафиксировать и описать в развитии основные лингвистические процессы, сопровождающие трансфер языковых единиц. Установлены основные тренды развития корпуса новейшей иноязычной лексики русского языка на основных ярусах языковой системы. Представлены общие и частные характеристики процессов становления фонемно-графемного облика иноязычий, включая наиболее распространенные типы вариативности и факторы, их актуализирующие. Проведен анализ структурных модификаций лексических единиц в процессе заимствования, позволяющий сделать вывод об интенсификации процессов гибридизации и композитообразования по модели языков аналитического типа. Зарегистрирован рост аналитизма в оформлении субстантивных и адъективных грамматических категорий. Приведены закономерности перераспределения семантических связей в сфере иноязычной и исконной лексики, среди которых выделяются рост продуктивности семантического калькирования, выстраивание ассоциативных (формирование синонимических рядов, антонимических пар) и иерархических отношений (развитие гиперо-гипонимических парадигм), «геймификация» разговорной речи. Репрезентация и экспликация подобных процессов, многие из которых впервые фиксируются для столь обширного фактологического материала, бесспорно, являются одним из приоритетов современного научного знания.

Ключевые слова: Казанская лингвистическая школа, иноязычная лексика, гибридизация, деэтимологизация, опрощение, переразложение, композит, семантическая калька, геймификация

Вклад авторов: Габдреева Н.В. — сбор материала, концепция и руководство исследованием, верификация данных, написание текста; Агеева А.В. — сбор материала, анализ и обработка данных, осуществление и дизайн исследования.

© Габдреева Н.В., Агеева А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 05.09.2024; принята к печати 18.11.2024.

Для цитирования: Габдреева Н.В., Агеева А.В. Заимствование в русском языке новейшего периода: сопутствующие языковые процессы // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 225–240. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-225-240>

Введение

Тезис об изменчивости любого живого языка является программным положением Казанской лингвистической школы, на долгие годы предвосхитившим развитие языкознания. Изменчивость эта, по мнению представителей объединения, может отвечать внутриязыковой логике или быть привнесенной извне (Бодуэн де Куртенэ, 1963; Богородицкий, 1915; Булич, 1886; Крушевский, 1883). При этом спорадический характер лингвистических процессов, сопутствующих «смешению языков», лишь кажущийся, поскольку для правильного понимания и интерпретации этих процессов требуется подробный диахронический анализ лексических Big Data. В последних работах российских и зарубежных специалистов, посвященных основным факторам развития иноязычной терминологии русского языка мы отмечаем обращение к комбинаторным (дигитально-аналоговым) методам обработки обширных языковых данных, позволяющим выявить функционально-квантитативные параметры языковых единиц в различных дискурсивных практиках (Бобырева, Агеева, 2024; Изюмская, Меликова, 2023), установить законы их грамматического развития (Маринова, 2024), создать базовые лингвокогнитивные модели терминологических систем (Мацкевич, Щитова, 2023; Трофимова, Щитова, 2022), определить меру и степень влияния экстралингвистических факторов на протекание языковых процессов (Гречухина, 2023; Yuhan et al., 2024).

Актуальность нашей работы основана, таким образом, на современном видении языка как сложной, активно функционирующей системы открытого типа. Важнейшей характеристикой открытой системы является постоянный обмен данными с внешней средой (в нашем случае это само человеческое общество, в отрыве от которого язык не функционирует) или смежными системами — другими языками. Соответственно динамика социальной жизни, культурных воззрений и научно-технический прогресс оказывают давление на языковые системы, задавая их эволюции конвергентные векторы: так, например, усложнение научного знания требует стандартизации и унификации терминологического аппарата, что в свою очередь практически всегда ведет к интенсификации трансфера лексических единиц.

Очевидным становится, что при массовом заимствовании в язык-рецептор переносятся не только слова, но некий фрагмент действительности (Агеева, 2019: 62; Шмелев, 1973: 103), вследствие чего деэтимологизация не может полноценно выполнять свою функцию и выработка языком ассимиляционных моделей требует большего времени и усилий. Подобные условия весьма благоприятны для активизации различных процессов, возникающих в зоне не-

посредственных языковых контактов и вызванных алломорфизмом взаимодействующих систем.

Научную новизну нашей работы следует определить как с точки зрения специфики языкового материала, значительная часть которого не фиксируется русской лексикографией и впервые включается в поле лингвистического анализа, так и с позиций совершенствования методологии современного языкознания, которое оперирует огромными массивами неструктурированных данных, требующих сбалансированного сочетания традиционных и дигитальных методов обработки.

Концептуальную базу нашего исследования формируют труды ученых Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, С.К. Булича, Н.В. Крушевского), которые заложили основы современной трактовки языка как постоянно изменяющейся системы взаимоотнословленных единиц разных уровней и разработали методику динамической синхронии, диалектически объединяющей синхронные и диахронические исследования в рамках комплексного анализа языковых явлений и процессов. К задачам лингвистической контактологии динамическая синхрония успешно применялась в трудах таких специалистов в области заимствования, как Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина, Н.В. Габдреева, Р.М. Светлова, Г.М. Лисина, Л.П. Крысин, Л. Мэн, А.В. Курьянович, Ж. Цао, М.Г. Соколова (Биржакова, Войнова, Кутина, 1972; Габдреева, Светлова, Лисина, 2024; Крысин, 2018; Мэн, Курьянович, Цао, 2023; Соколова, 2024).

Таким образом, основной **целью** нашего **исследования** выступает установление и системное описание языковых процессов, сопутствующих заимствованию иноязычной лексики и проявляющихся на всех основных ярусах языковой системы.

Методы и материалы

Решение задач представленного исследования предполагает обращение к сопоставительному методу, который позволил нам определить ключевые точки конвергенции контактирующих языков. Метод семно-семемного и контекстуального анализа лексических единиц использовался для объяснения эволюции означаемых, необходимого для понимания семантических процессов. Реконструкция актуальных на современном этапе трендов развития русского языка производилась на основе метода моделирования лингвистических процессов. Оценка фактической базы потребовала применения корпусных методов, описания и формализации.

Материал исследования представлен данными сплошной выборки из он-лайн-версий русскоязычных СМИ, среди которых издания общей направленности (Коммерсантъ¹, Сноб², Forbes Russia³, Вокруг света⁴), тематиче-

¹ Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 01.09.2024).

² Сноб. URL: <https://snob.ru> (дата обращения: 04.10.2024).

³ Forbes Russia. URL: <https://www.forbes.ru> (дата обращения: 01.09.2024).

⁴ Вокруг света. URL: <https://www.vokrugsveta.ru> (дата обращения: 22.11.2024).

ские ресурсы (VOICEMAG⁵, Marie Claire⁶, The Symbol⁷, Спортс.ру⁸, N+1⁹, Naked Science¹⁰, RB.RU¹¹, Мел¹², Ferra.ru¹³, Хабр¹⁴ и др.). Иллюстративную базу составили порядка 700 неологизмов иностранного происхождения, подавляющее большинство которых не нашли еще фиксации в лексикографических источниках. Изучение семантики указанных лексем, их коллокативного потенциала и вариативности стало возможным благодаря использованию Национального корпуса русского языка¹⁵.

Результаты

Иноязычное слово — это не только графемно-фонемный шифр, который можно легко воссоздать элементами принимающей системы. Оно является элементом системы чуждой, и его функционирование обусловлено множеством вертикальных и горизонтальных — парадигматических и синтагматических — связей. Когда заимствования окказиональны, деэтимологизация успешно избавляет иноязычное слово от прежних отношений, а ассимиляция выстраивает вокруг него новые структуры как в рамках отдельных языковых уровней, так и между ними. Массовый характер заимствования дестабилизирует принимающую систему, активизируя конвергентные процессы на всех языковых уровнях, включенных в ассимиляцию.

Среди наиболее значимых процессов в развитии иноязычного пласта в русском языке новейшего периода фиксируются:

1) возникновение и взрывной рост новых тематических групп иноязычной лексики, а также заполнение лакун в устоявшихся тематиках. Подавляющее большинство новейших единиц не отражено в словарях иностранных слов. При этом регистрируются новые максимумы частотности употребления ранее зафиксированных неологизмов иностранного происхождения, которые постепенно входят в общеязыковой фонд;

2) на фоне транскрипции как единственного средства оформления фонетико-графических параметров иноязычий в новейшее время отмечаются случаи устойчивой транслитерации. Наблюдается интенсификация фонемной, графемной и фонемно-графемной вариативности единиц, являющаяся показателем выработки ассимиляционных моделей, учитывающих как влияние языка-донора, так и требования языка-рецептора;

3) оформление словоизменительной и словообразовательной парадигм иностранных слов отмечено несколькими разнонаправленными векторами,

⁵ VOICEMAG. URL: <https://www.thevoicemag.ru> (дата обращения: 06.03.2024).

⁶ Marie Claire. URL: <https://www.marieclaire.ru> (дата обращения: 02.03.2024).

⁷ The Symbol. URL: <https://www.thesymbol.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁸ Спортс.ру. URL: <https://www.sports.ru> (дата обращения: 12.06.2024).

⁹ N+1. URL: <https://nplus1.ru> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁰ Naked Science. URL: <https://naked-science.ru> (дата обращения: 14.11.2024).

¹¹ RB.RU. URL: <https://rb.ru> (дата обращения: 01.09.2024).

¹² Мел. URL: <https://mel.fm> (дата обращения: 12.09.2024).

¹³ Ferra.ru. URL: <https://www.ferra.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁴ Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/> (дата обращения: 21.11.2024).

¹⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

среди которых по-прежнему сохраняет свое значение опрощение как ведущий тренд, позволяющий чужой единице приспособиться к морфологии языка-рецептора, тогда как влияние переразложения сказывается лишь окказионально. Широко распространена гибридизация, выражающаяся как в оформлении иностранных основ исконными словообразовательными формантами, так и исконных основ — иноязычными. Высокая словообразовательная активность регистрируется в сфере аналитического композитообразования, модели которого могут быть полностью или частично заимствованными;

4) включение иноязычий в морфологическую систему языка осложняется ростом аналитизма в плане выражения именных грамматических категорий, среди которых по-прежнему значительно число несклоняемых существительных и прилагательных;

5) становление структуры значений иноязычной лексики испытывает сильнейшее влияние семантики прототипов, что способствует сохранению между заимствуемыми единицами отношений ассоциативного и иерархического типа и актуализирует процессы семантического калькирования. Абсолютно новым феноменом является геймификация разговорной речи, обусловленная генерализацией значения единиц, относящихся к некогда узкой практике — индустрии видеоигр.

Обсуждение

В своих научных трудах И.А. Бодуэн де Куртенэ неоднократно возвращается к смешению языков, полагая его «началом всякой жизни как физической, так и психической», т.е. универсальным фактором развития любого национального языка: русского, польского, английского, армянского, латышского (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 363). Именно смешение и обеспечивает языку его своеобразие, граня его сущность на протяжении многих столетий. Смешение — процесс амбивалентный: оно дестабилизирует систему, обогащая ее новыми лексическими, грамматическими и фонетическими элементами; смешение же рационализирует и обедняет ее, устраняя избыточность в выражении грамматических значений. Смешение является катализатором аналогии, приводящей формы к общему знаменателю, оно может воздействовать на структуру языка, например, провоцируя рост аналитизма или смену акцентологического типа (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 366).

О возможных нарушениях внутриязыковых законов рассуждает в своем «Очерке науки о языке» Н.В. Крушевский, представляя заимствование основным фактором потенциальных девиаций. Анализируя фонетические законы, он упоминает о «двойных формах», напр., фр. *champs* ‘поле’ — *camp* ‘лагерь’, первая из которых «первично-народная», вторая же является результатом внешнего воздействия (Крушевский, 1883: 57). Говоря о генезисе морфем, он выделяет «переинтеграцию», особенно подчеркивая, что иноязычные слова подвержены ей не менее исконных (Крушевский, 1883: 107). И, наконец, на пересечении семантики и морфологии казанский ученый утверждает особую

роль «сглажения следов происхождения и состава слова», позволяющего единице «эманципироваться от своих родичей, сузить свое значение и превратиться в настоящее имя данной вещи» (Крушевский, 1883: 135).

Основные тезисы Казанской лингвистической школы в области словообразования и морфологии развивал другой видный представитель объединения — В.А. Богородицкий. В частности, именно ему принадлежат укоренившиеся в российском языкознании термины *опрочение* и *переразложение*, причем первое он также рассматривает как явление, где слияние «морфологических частей» ведет к утрате словом способности «пониматься относительно своего состава» при сохранении смысла лишь в целостности (Богородицкий, 1881: 81–82). Под переразложением он подразумевает такое «перемещение морфологических границ», которое заставляет слово по-иному разлагаться на морфемы (Богородицкий, 1915: 61).

Возвращаясь к утверждению И.А. Бодуэна де Куртенэ об универсальном характере заимствования, мы не можем оставить без внимания две ключевые его характеристики:

– экстенсивный рост числа иноязычий, среди которых фигурируют как знаменательные слова, так и единицы других уровней (звуки, морфологические компоненты, элементы синтаксиса) (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 93);

– интенсивное развитие лексической системы за счет повышения частотности вхождений иноязычной лексики в русские тексты, в результате чего формируются новые синтагматические и парадигматические связи.

Таким образом, характеризуя специфику заимствования как процесса пополнения русской лексической системы новыми элементами, следует учитывать множество факторов, обуславливающих языковые трансформации на всех основных языковых ярусах. Проиллюстрируем данный тезис посредством анализа разноуровневых процессов, сопутствующих заимствованию на временном этапе развития русского языка.

Функционирование иноязычной лексики

В первую очередь следует рассмотреть функционально-квантитативные параметры заимствования, которые выражаются несколькими тенденциями.

1. Появление новых тематических групп, ранее отсутствующих в общественной практике (информационные технологии, бьюти-сектор, гейм-индустрия и т.п.). В знаковых для описания состояния словарного состава русского языка трудах отечественных ученых (Ю.С. Сорокина, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, Е.Т. Черкасовой, К.П. Смолиной, Е.С. Копорской, Р.Р. Яхиной, Н.С. Андриановой) приводится подробный анализ формирования вокабуляра таких сфер, как мода, кулинария, искусство, политика, наука и техника и др. (Сорокин, 1965; Биржакова и др., 1972; Черкасова, Смолина, Копорская, 1981; Яхина, 2011; Андрианова, 2009). Период 2010–2024 гг. отмечен активизацией новых «окон» межъязыкового трансфера. В первую очередь здесь следует отметить сферу IT, ядерная лексика которой сформиро-

влась еще на рубеже столетий (*браузер, консоль, файл, домен, адрес, принтер, сервис, ноутбук адаптер, гаджет, десктоп, джойстик, дисплей, лэптоп, модем, монитор, пиксель, кулер, слайд, трафик, файл, драйвер, интерфейс сайт, сервер, сканер, провайдер и т.д.*). Некоторая часть фиксировавшихся ранее единиц успела выйти из обихода, пополнив пассивный лексикон в связи с устареванием технологий (*флoppi-диск/дискета, пейджер, факсимиле, компакт-диск, CD/DVD-ROM, пентиум, слайдер, плеер*). Динамика языковых изменений в данной сфере настолько высока, что новые единицы фиксируются буквально ежедневно. Так, например, бурное развитие социальных сетей стало источником таких единиц, как *блог, тег, стрим, аккаунт, логин, влог, суперчат, донат, подкаст, фолловер, хэштег, скрипт, монетизация* и т.п. Совершенствование «железа» — физических носителей информации — подарило нам *планшет, ультрабук, нетбук, смартфон*, а разработка и глобальное распространение новых виртуальных технологий обеспечило активизацию таких слов как *мессенджер, роутер, старлинк, нейросеть, VR-очки, дипфейк*. Всего в данной группе нами фиксируется более 200 иноязычий, находящихся на разных стадиях ассимиляции: от окказионально употребленных единиц и вкраплений до полноценных терминов со стабильной формой, уникальной семантической структурой и реализованным деривационным потенциалом.

Интенсивный рост индустрии видеоигр способствовал внедрению в русский язык таких терминов как *гайд, геймплей, кат-сцена, локация, шутер*, а также многочисленных сленгизмов, фигурирующих как внутри гейм-дискурса, так и далеко за его пределами: *ачивка, нуб, левел, хил / хилка, баф, мид, тилт, пуш, читер*. Общее число единиц, принадлежащих к данной категории достигает, по разным подсчетам, около 200 единиц и не перестает увеличиваться, причем не столько за счет новых иноязычий, сколько благодаря высокой производительности основ: *хил – хилка – хилер – хилить – отхилить – отхилиться; чит – читер – читерить – читернуть – читерский – античит; нуб – нубас – нубяра – нубятник* и т.п.

Лишь немногим уступая предыдущим сферам (порядка 180 единиц), бьюти-индустрия представлена такими тематическими категориями, как косметические продукты: *бейкинг, кушон, хайлайтер, нюд, праймер, антисерн, бустер, глиттер, скульптор, бронзер*; бьюти-сервис: *спа, нейл-арт, микроблейдинг, макияж, визаж*; косметология: *ботокс, радиесс, филлер, лифтинг, пилинг, биоревитализация, мезотерапия, кавитация, лимфодренаж, аквафорез, электропорация, эмомент, сквалан, ретинол, ниацинамид, коллаген, гиалурон, глутатион*. Особняком стоит группа терминов сферы пластической хирургии: *ринопластика, блефаропластика, фейслифтинг, липосакция, панникулэктомия, липофилинг*.

В то же время продолжают пополняться новыми словами области, терминология которых устоялась:

политика и дипломатия: *атлантизм, баил ин, бипатрид, брифинг, визаран, глобализм, деглобализация, нарратив, омбудсмен, профайлинг, троллинг, убунту, хайли-лайкли, шерпа, этатизация*;

экономика и финансы: *банкинг, волатильность, геофинансы, деплатформинг, депозитарий, краудфандинг, криптовалюта, кэшбек, оффшор, питч, релокация, стагфляция, трейд-ин, френдишоринг, фримиус, франшиза, франчайзинг, хеджирование, шеринг, юанизация;*

юриспруденция: *биполид, деликт, гемблинг / гэмблинг, демередж, дисклеймер, драфтинг, интерpellант, инсайд, контрагент, муткорт, пират, плидинг, сабстенс, редомициляция, экоцид;*

мода: *бра, сабо, деграде, угги, десу, бандо, баллон, балконет, бюстье, ботильоны, винтаж, кутюрье, лоферы, прет-а-порте, меланж, челси, свитшот, лонгслив, джеггинсы, момсы, скинни, багги, баллон, буткат, бойфренды, тоут, кросс-боди, мессенджер, оксфорды, дерби, броги, слипоны, кроп-топ, пейсли, слинг, шэкет, биспок, бомбер, капсула, коллаб, лукбук, биркенистоки, кафа, кейп, мерч, мюли, оверсайз, оммаж, палаццо, пончо, худи, ривьера, чокер, тренч;*

искусство: *акционизм, арте-повера, ассамбляж, визуализация, деконструкция, кинетизм, куратор, месседж, мимесис, минимализм, нет-арт, перфоманс, реди-мейд, трансавангард, финисаж, хэппенинг, эдишн, эстимейт, коллаж, маршан;*

медиа и журналистика: *ивент, инфографика, лайв, лид, лонгрид, медиаквинтет, паркет, пейвол, подкаст, программатик, пилот, плазма, рендеринг, рэпераунд, скриншот, слаг-лайн, стендап, сторрителлинг, тайм-код, фактчекинг, фактоид, фейк, дипфейк, фид, хромокей;*

медицина и здравоохранение: *гало, глэр-эффект, гониоскопия, ласик, фемтоласик, микрокератом, лапароскопия, ковид, эбола, оземпик;*

лингвистика и филология: *интертекст, лингвоцид, пиджсин, анаколуф, конкордансер, дуратив, парантез, фрейм, скрипт, сленг;*

строительство и архитектура: *глорietta, миксбордер, пиллар, билборд, бохо, бродери, буазери, лофт, клэши, моссариум, боллард, армстронг, декинг, прованс, топпинг, сайдинг, флэшинг;*

спорт: *бане, бракаж, бутфитинг, вальсет, сноуборд, стреп, кант, карвинг, хоки-стоп, фрирайд, плей-офф, плуг, ратрак, слалом, скипасс, телемарк, эйс, дерби, лякросс, пелотон;*

кулинария и ресторанная сфера: *снек, сувид, вок, рамен, спатула, моти, голландез, лъезон, пашот, нисуаз, агар-агар, ганаши, меренга, тримоллин, стейк, конфи, фламбе, бирьяни, брезаола, дрессинг, каре, кесадилья, киноа, коулсло, кефте, рамен, мисо, том-ям, фо-бо, чиабатта, латте, капучино, сушеф, суши, ролл, паста, парфе.*

Понятно, что рамки исследования не позволяют нам продемонстрировать полную картину неисконной лексики, в силу чего мы умышленно исключили единицы, которые фиксировались предыдущими исследователями новейших иноязычий (включая и наши собственные работы). Тем не менее анализ даже новейшего материала позволяет внимательному исследователю сделать вывод, что этимология единиц весьма разнородна и варьирует в зависимости от тематики: предсказуемое и, более того, ожидаемое доминирование

англицизмов небесспорно и отдельные категории по-прежнему сохраняют тесные связи с романскими языками (французским и итальянским), а также активно заимствуют лексику из языков ориентальных (японского, корейского, вьетнамского).

2. Рост частотности употребления лексем в миноритарных группах. Согласно данным Национального корпуса русского языка, большинство лексических единиц, заимствованных русским языком в XVIII – XIX вв., равно как и значительное количество иноязычий конца XX – начала XXI в., фиксируют восходящие тренды в графиках частотности вхождений в русскоязычный текст (Агеева, 2019: 54–175).

3. Активизация значительного пласта иноязычных единиц, не зафиксированных современными словарями иностранных слов.

Специфика плана выражения и языковой трансфер

Вопросы становления формального облика иноязычной лексики также неоднократно рассматривались в трудах ученых (Агеева, Абдуллина, Габдреева, 2023; Маринова, 2024; Мацкевич, Щитова, 2023; Трофимова, Щитова, 2022; Яхина, 2019). На наш взгляд, большую наглядность процессуальной стороне адаптации иноязычной лексики сообщает поуровневое рассмотрение системы языка-рецептора.

1. С точки зрения фонемно-графемной организации иноязычных единиц мы наблюдаем:

а. Абсолютное преобладание транскрипции как механизма оформления устного и письменного облика иноязычий. Данная тенденция установилась на рубеже XVIII–XIX вв. и сохраняет актуальность поныне. Однако в устной разговорной речи фиксируются единицы, форма которых была воссоздана транслитерацией, напр., *кринге* (также *кринж*, от англ. *stinge* ‘сжегиться’), *итем* (от англ. *item* ‘предмет’), *ласик* (от англ. *LASIC*). Число данных единиц мало, однако частотность их употребления сравнительно высока, что не позволяет сделать однозначный вывод об окказиональном характере их активизации.

б. Вариативность графемного, фонемного и фонемно-графемного типов. К первому типу следует отнести все возможные варианты оформления графики иноязычной единицы, не затрагивающие напрямую ее звуковой облик, например, симультанное функционирование транслитерированных, нетранслитерированных и контаминированных единиц: *Момс джинс* / *Moms Jeans* / *Moms джинс* / *Момс Jeans*. К данной категории мы также относим единицы, где фиксируются колебания в оформлении слитной / раздельной / дефисной форм (*кроп-топ* / *кроп топ* / *кроп-топ*, *гайдлайн* / *гайд лайн* / *гайд-лайн*), стечений идентичных согласных (*дафлкот* — *даффлкот*, *джеггинсы* — *джегинсы*, *блоггер* — *блогер*) и нефункциональных чередований э/е (*гемблинг* — *гэмблинг*). Вторая группа включает в себя чередования твердых и мягких согласных перед [э]: *читер* [тэ] / [т’э], *конкордансер* [сэ] / [с’э]. Третья группа

представлена функциональными альтернативами графем, обусловленными неверным прочтением оригинала (*ламборгини* / *ламборджини*, *чабатта* — *чабатта*, *этлийжер* — *атлейжер*), параллельным влиянием нескольких языков (*макарон* — *макарун*) или разницей транскрипционных систем (напр., для передачи японских слов в русском языке используется система Поливанова, тогда как англоязычный мир передает японскую лексику по системе Хэпбёрна, что способствует активизации вариантов *суси* — *суши*, *Мицубиси* — *Мицубииси*).

2. Деривационный потенциал иноязычной лексики русского языка стремительно расширяется в силу действия нескольких факторов.

а. Дезтимологизация. Следствием ее является оформление иноязычных единиц исконными словоизменительными аффиксами, что способствует ускоренному включению единицы в парадигмы рода / числа / склонения для именных частей речи и спряжения для глагольных. Опрошение, как отмечалось выше, довольно характерный для русского языка процесс, неоднократно описанный на материале иноязычной лексики (Андрианова, 2009; Яхина, 2011), при этом особое распространение по сравнению с предыдущими периодами в актуальную эпоху получает оформление иноязычных существительных Рl. tantum исконными аффиксами числа: *чипс-ы*, *момс-ы*, *джеггинс-ы*, *сторис-ы*, *шортс-ы*. Фактическая редупликация аффиксов не воспринимается носителями языка избыточной и, более того, для некоторых единиц окказионально фиксируется полная парадигма числа, где в роли Sing. выступает иноязычная форма Рl.: *чипс* — *чипсы*, *сторис* — *сторисы*, *шортс* — *шортсы*.

б. Переразложение — более глубокий морфологический процесс, требующий длительного времени для развития, поэтому он намного реже представлен в рамках иноязычной лексики и характерен лишь для суб- и нонстандарта, где мы регистрируем единичные случаи перераспределения финальной гласной основы в пользу флексии: *подними жалюзи* — *не играй жалюзьями*, *принт пейсли* — *платье в пейслях*.

в. Гибридизация. Если опрошение и переразложение затрагивают в основном словоизменительные характеристики иноязычий и имеют целью встроить единицу в довольно жесткие рамки существующей парадигмы, то словообразовательные модели гибридного типа, напротив, представляют собой широчайшее поле языковых экспериментов. Тем не менее всю эту бесконечную палитру вариантов возможно свести к двум типам: оформление иноязычных единиц исконными аффиксами и оформление исконных единиц иноязычными аффиксами.

Гибридные модели первого типа следует в свою очередь разделить на номинативные, адъективные и вербальные. Для субстантивов характерна суффиксальная деривация $N + \text{суффикс} = N$, наиболее продуктивными суффиксами являются деминутивы: -ик (*файлик*, *сайтик*, *треник*, *бложик*, *макияжик*), -ок (*нетбучок*, *лучок*), -чик (*кремчик*, *топчик*); феминитивы, напр., -к-, оформляющий как одушевленные (*блогерка*, *директорка*, *редакторка*, *геймерка*), так и неодушевленные существительные женского рода (*хилка*, *бардотка*,

митенки), а также суффиксы с абстрактным значением (*крипто*). Адъективное словообразование реализуется по модели $N + \text{суффикс} = A$, где самыми частотными формативами выступают -ов- (*кринжовый, крипный, фреймовый, сленговый, фейковый*) и -н- (*капсульный, сасный, кульный, офшорный*). В рамках глагольного словообразования реализуются две деривационные модели. Сообщение иноязычной единице категориальных признаков глагола оформляется по модели $N + \text{суффикс} = V$, где доминируют исконные аффиксы -и- (*чилить, стопить, банить, байтить, дебажить*), -а- (*дефать, лайкать, бафать*), -ну- (*ультануть, хелпануть, бомбануть*) в отличие от предыдущих периодов, где основным категориеобразующим суффиксом иноязычных глаголов выступал заимствованный суффикс -ирова- (*манкировать, телефонировать, визировать, дезавуировать, парировать*). Модель префикс + $V = V$ сообщает уже существующей глагольной единице новые значения (*забайтить, забанить, отдефать, отхилить*). Следует также отметить консонантные чередования, функционально обусловленные комбинаторными факторами: г в ауслауте / ж перед -и, напр., *блог — бложик, влог — вложик, дебаг — дебажить*; к в ауслауте / ч перед -ок, -ик: *лук — лучок, бук — бучок*.

Гибриды второго типа представлены в основном именами существительными и прилагательными, оформленными иноязычными суффиксами. На современном этапе мы наблюдаем снижение продуктивности суффиксов -ист и -изм (равно как и глагольного суффикса -ирова-). Напротив, восходящий тренд частотности регистрируют суффиксы -ант (*отливант, подписант, контенжант, отъезжант, попуант, выбирант, отвалянт*) (Сенько, Цакалиди, 2017); -инг (*избинг, деревнинг, жабогадюкинг*); -аж (*листаж, погонаж, сенаж, подхалимаж*); -абельн- (*читабельный, играбельный, узнавабельный, стрелябельный*); -ибельн- (*носибельный, ходибельный, смотрибельный, исполнимельный*) и даже -ическ (*богический*).

г. Композитообразование. На фоне активного функционирования композитов самой разной природы регистрируется появление новых моделей словосложения, которые условно можно разбить на две группы: заимствованные (оба компонента представляют собой иноязычные единицы: *активист-шик, стейк-фриз, смарт кэжуал, стритстайл, пауэр-сьют, концепт стор, чат-бот, румтур, клоуз-тест, парфюм-бар, порт-куто*) и контаминированные (один из компонентов иноязычный, второй исконный: *смарт-часы, быutti-новинка, интим-услуги, диско-звучание, дипфейк-образ, ню-снимок*). Важно отметить, что единицы, отнесенные к первой группе, могут быть заимствованными «в готовом виде» (*дастер-коут, стритстайл, шатдаун*), либо сложиться в композит на базе русского языка (*ретро-ниша, кейс-чемпион, копинг-стратегия, барбекю-зона, магазин-бар, эго-документ*).

На фоне накопления лексики, структура которых содержит одинаковые элементы, отмечается процесс вычленения партикул (Габдреева, Хабибрахманова, Кочурова, 2023), напр., префиксоидов овер- (*оверсайз, овердрафт, овертайм*), быutti- (*быutti-лафхак, быutti-модель, быutti-индустрия*), ивент- (*ивент-менеджмент, ивент-дизайн, ивент-продакшн*) и суффиксоидов -кор

(хардкор, софткор, метал-кор, френчкор), -стайл (стритстайл, спортстайл) и последовательного их включения в композиты, образованные на базе языка-рецептора (овер- в значении «сверх»: *овер много, овертупой, овергрубо*; бююти- в значении «уход»: *бьюти-новинка, бьюти-математика, бьюти-рутина*; ивент- в значении «мероприятие»: *ивент-анализ, ивент-агентство, ивент-идея*; -кор в значении «эстетика»: *раин кор, балеткор, традвайф кор, Анна Каренина кор*; -стайл в значении «стиль»: *оптстайл, студент-стайл*).

3. С точки зрения морфологии мы по-прежнему фиксируем заметное число несклоняемых имен существительных (*латте, эспresso, эль ниньо, багги палатцо, угги*) и прилагательных (*бургунди, таун, вери пери, диско*). Что характерно, для данных единиц практически не отмечается родовой вариативности, грамматическая категория рода (как и числа) присваивается аналитическим формам семантически.

Актуальные семантические тренды в сфере иноязычной лексики

Что же касается плана содержания, то предметный анализ означаемого возможен лишь в условиях большей или меньшей устойчивости семантической структуры лексических единиц, которая далека от стабилизации, в силу чего мы лишь наметим некоторые тренды, которые кажутся нам перспективными для изучения.

1. Семантическое калькирование, предполагающее присвоение исконным единицам иноязычной семемы (*сыворотка, молочко, облако, сеть*) либо пословный перевод сложного иноязычного термина (*умные часы, умный дом, тихая роскошь, бежевые мамы, дедушкин стиль, стеклянная кожа, лисьи глазки, испанский стыд, укол красоты*).

2. Формирование синонимических рядов в рамках иноязычной терминологии (*консилер — корректор, хайлайтер — люминайзер, геймпад — джойстик, брендбук — гайдбук — логобук*); антонимических пар (*баф — дебаф, лонг — шорт*); логико-иерархических парадигм (*кофе: эспresso, латте американо, ристретто, раф; пальто: тренч, дафлкот, шинель, поло, пардесю*).

3. Геймификация разговорной речи. В отличие от вышеприведенных процессов, выступавших предметом лингвистического исследования (Агеева, Абдуллина, Габдреева, 2023; Маринова, 2024), данная тенденция ранее не фиксировалась российскими учеными. В работе «Современные тенденции словообразования веб-сленга (на материале французского языка)» Н.Р. Дементьев отмечает ограниченность коммуникативных интенций сленга видеоигр, упоминая тем не менее о переходе отдельных единиц в «общеустановленные формы разговорной и литературной речи» (Дементьев, 2022: 4048). Мы же констатируем довольно массовый характер трансфера лексики видеоигр (практически полностью иноязычной) в разговорную речь. Среди подобных единиц значительное количество имен существительных (*скилл* ‘умение’, *ульта* ‘суперспособность’, *чит* ‘нечестное преимущество’, *имба* ‘нечто

превосходное', *дроп* 'выброшенные вещи') и глаголов (*доджить* 'избегать', *дефать* 'защищать', *хелпануть* 'помочь', *сейвить* 'сохранять', *пушить* 'оказывать усиленное давление', *ультануть* 'сделать невообразимое', *спидранить* 'делать что-л. с максимальной скоростью'). Подобный тренд может быть обусловлен как широким распространением видеоигр, ставших основным средством досуга молодежи, так и англо-русским билингвизмом в среде молодых людей, которые больше не воспринимают англицизмы как нечто чужеродное.

Заключение

Более века назад, 21 сентября (4 октября по новому стилю) 1900 г. во вступительной лекции к курсу «Сравнительной грамматики славянских языков в связи с другими языками ариоевропейскими», который Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ будет читать в Санкт-Петербургском университете, прозвучало революционное заявление великого лингвиста о том, что «языковой чистоты» не существует. Критикуя обычное для того времени рассмотрение лингвистической эволюции в отрыве от межъязыковых контактов, И.А. Бодуэн де Куртенэ призывал слушателей заглянуть в любой словарь и убедиться в широкой представленности в нем слов «просто усвоенных или же загадочных и темного происхождения». В этой же лекции основатель двух школ российской лингвистики с иронией отзывался о своих коллегах, возводящих «неизменную природу» языка в абсолют.

Сегодня мы понимаем, что основная природа языка, его самобытность и специфика созданы происходящими в нем изменениями. Изменения эти могут быть определены внутренними его законами, но могут быть спровоцированы внешним влиянием. Будучи сложной, живой и открытой системой, язык последовательно и творчески включает в себя чужие элементы, пропуская их через фонологическое, морфологическое и семантическое «сито», по меткому выражению еще одного ученика И.А. Бодуэна де Куртене — Л.В. Щербы. В настоящей работе мы попытались показать, как функционирует это сито и наметить те актуальные тенденции, которые, возможно, в той или иной мере будут составлять природу русского языка в будущем.

Эти попытки лингвистического прогнозирования и определяют его перспективы. Иноязычная лексика русского языка требует подробного диахронического изучения на всех языковых уровнях, что позволило бы зафиксировать и описать системные характеристики лингвистических процессов, сопровождающих заимствование, их формирование и эволюцию во времени. В данном контексте авторы представленной работы возлагают большие надежды на проект Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН — Национальный словарный фонд, который обещает стать уникальным инструментом диахронического анализа языка. Ждут своего часа также сопоставительные исследования с привлечением данных других языков, прошедших массовое заимствование на разных этапах своего существования — или проходящих его сейчас.

Прикладным аспектом подобных исследований может стать изучение эффективности государственной политики языкового пуризма и практик регулирования иноязычной лексики, характерных для прошлого и настоящего многих государств.

Список литературы

- Агеева А.В. Конвергентно-дивергентные характеристики романского пласта в языке русской художественной литературы XIX – XXI вв. : дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2019. 409 с. EDN: BAFJEL
- Агеева А.В., Абдуллина Л.Р., Габдреева Н.В. Функционал и семантика иноязычной лексики бьютис-сферы в современном русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 393–405. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405> EDN: GBAYSQ
- Андрианова Н.С. Военная и научно-техническая терминология французского происхождения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 235 с. EDN: QENQXH
- Биржакова Е.Э., Войнова Л.А. Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. Л. : Наука, 1972. 431 с.
- Бобырева Н.Н., Агеева А.В. Интернационализмы французского происхождения в русской терминологии спорта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 10. С. 3644–3649. <https://doi.org/10.30853/phil20240515>
- Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1915. 333 с. EDN: SAMDKH
- Богородицкий В.А. Лингвистические заметки. Вып. I : О морфологической абсорбции // Русский филологический вестник. 1881. Т. VI. № 3. С. 58–92.
- Бодуэн де Куртэнэ И.А. О смешанном характере всех языков. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 томах. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 1. С. 362–372.
- Булич С.К. Заимствованные слова и их значение для развития языка. Варшава : Тип. Михала Земкевича, 1886. 18 с.
- Габдреева Н.В., Светлова Р.М., Лисина Г.М. Арабские заимствования в русском языке, вошедшие в язык при посредстве французского // Филология и культура. 2024. № 3 (77). С. 12–18. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-77-3-12-18> EDN: UTGGRM
- Габдреева Н.В., Хабибрахманова А.Р., Кочурова С.В. Словарь композитов: новые эмпирические данные // Филология и культура. 2023. № 3 (73). С. 14–20. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-73-3-14-20> EDN: ZWRGGY
- Гречухина З.Р. Влияние внешних и внутренних законов языка на значение терминов в синхроническом аспекте (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3. № 4 (12). С. 16–28. <https://doi.org/10.29039/2712-9519-2023-4-16-28> EDN: PPVWYW
- Дементьев Н.Р. Современные тенденции словообразования веб-сленга (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 4047–4053. <https://doi.org/10.30853/phil20220660> EDN: GQHCPH
- Изюмская С.С., Меликова О.С. Современный газетный дискурс и англицизмы: коммуникативно-функциональный статус // Научное обозрение. Педагогические науки. 2023. № 1. С. 42–46. <https://doi.org/10.17513/srps.2469> EDN: HRHUFO
- Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань : Унив. тип., 1883. 151 с.
- Крысин Л.П. Словообразовательная активность иноязычного слова: структурный и функциональный аспекты // Современное русское языкознание и лингводидактика : сб. науч. тр., посв. 95-летию Н.М. Шанского. М. : МФЮА, 2018. С. 285–289. EDN: XRIPEP

- Маринова Е.В. Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неографии // Русистика. 2024. Т. 22. № 2. С. 225–241. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-2-225-241> EDN: SESKAP
- Мацкевич Н.А., Щитова О.Г. Ксеногенность в русской архитектурно-дизайнерской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 4 (228). С. 43–51. <https://doi.org/10.23951/1609-624x-2023-4-43-51> EDN: FOPWLM
- Мэн Л., Курьянович А.В., Цао Ж. Заимствованная лексика как фрагмент русской языковой картины мира в аспекте лингвокультурологического описания // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 406–423. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-406-423> EDN: GBGUYS
- Сенько Е.В., Цакалиди Т.Г. Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса -ант в современном русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78) : в 4 частях. Ч. 1. С. 150–154. EDN: ZREEJZ
- Соколова М.Г. «Фреш или не фреш?» (лингвистическое портретирование слова фреш в современном публицистическом дискурсе) // Русская речь. 2024. № 1. С. 49–59. <https://doi.org/10.31857/S0131611724010042>
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
- Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в русском языке XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (219). С. 65–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-65-75> EDN: JHZUPF
- Черкасова Е.Т., Смолина К.П., Копорская Е.С. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М. : Наука, 1981. 374 с.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973. 278 с.
- Яхина Р.Р. Англо-русские языковые контакты конца XX – начала XXI вв. в сравнительном освещении. Казань : Яз, 2011. 147 с. EDN: QWKOSP
- Яхина Р.Р. Языковая адаптация англоязычных технических терминов в русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 3. С. 18–24. <https://doi.org/10.14529/ling190303> EDN: FNZHEB
- Yuhan, Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T. Peculiarities of formation of the term system of international trade: linguocultural and ecolinguistic aspects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-92-474> EDN: OLJZNY

Сведения об авторах:

Габдреева Наталия Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: историческая и описательная лексикология, языковые контакты, семантика. Автор более 270 работ. ORCID: 0000-0003-0816-2672. SPIN-код: 292398. Scopus ID: 57191980069. E-mail: n.gabdreeva@mail.ru

Агеева Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры европейских языков и культур, Высшая школа иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: историческая и описательная лексикология, языковые контакты, социолингвистика, неология и неография. Автор более 150 работ. ORCID: 0000-0002-2046-2865. SPIN-код: 518277. Scopus ID: 56033254700. Researcher ID: D-9364-2015. E-mail: anastasia_ageeva@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-23-2-225-240

EDN: FHVPNE

Research article

Borrowing in modern Russian language: related linguistic processes

Natalia V. Gabdreeva, **Anastasia V. Ageeva**

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

n.gabdreeva@mail.ru

Abstract. The study examines the main linguistic processes accompanying borrowing in modern Russian language. The relevance of the work is defined by actual views on the language system as a complex synergistically organized whole being in constant contact with external resources and dynamic evolution. The aim of the study is to systematize the procedural characteristics of the comprehensive inclusion of foreign vocabulary in the lexical system of the modern Russian language. The material of the work is the data of online versions of Russian-language periodicals, including both journalistic materials and readers' comments. The methodology of the work is based on the dynamic synchrony model, which allows us to record and describe the development of the main language processes accompanying language transfer. The key development trends of latest foreign-language vocabulary corpus in the Russian language at its main linguistic levels are established. General and specific characteristics in the formation of phonemic-graphemic appearance of foreign units are presented, including the most common types of variability and their factors. Structural modifications of lexical units in the process of borrowing are analyzed, and this allows us to draw a conclusion about the intensification of hybridization and composition according to the model of analytical languages. The growth of analyticism in substantive and adjectival grammatical categories is recorded. The patterns of redistribution of semantic links among foreign-language and native words are given. They include the growing productivity of semantic loan translation, the formation of associative relations (synonymous series, antonymic pairs, and hyper-hyponic paradigms), and the “gamification” of colloquial speech. The aim to represent and explain those processes, many of which are recorded for the first time in such an extensive factual material, is undoubtedly one of the priorities of modern science.

Keywords: Kazan linguistic school, foreign-language vocabulary, de-etymologization, re-decomposition, hybridization, a composite, loan translation, gamification

Contribution: Gabdreeva N.V. — collection of material, concept and supervision of the study, data verification, writing text; Ageeva A.V. — collection of material, data analysis and processing, implementation and design of the study.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: Received: 05.09.2024. Accepted: 18.11.2024.

For citation: Gabdreeva, N. V., & Ageeva, A. V. (2025). Borrowing in modern Russian language: related linguistic processes. *Russian Language Studies*, 23(2), 225–240. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-225-240>

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-241-256

EDN: DTESPW

Научная статья

Динамика изменения глагольной парадигмы под влиянием вторичной имперфективации в русском языке

Т.И. Галеев^{id}✉, В.В. Бочкарев^{id}, В.Д. Соловьев^{id}

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ tigaleev@kpfu.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что вариативность аспектуальных аффиксов в русском языке не полностью изучена, а благодаря появившимся сверхбольшим диахроническим корпусам текстов стало возможным детальное количественное описание процессов эволюции глагольных аффиксов. Цель исследования — выявление объективных синтагматических и парадигматических факторов (внутрислоговой сингармонизм, эволюция морфологического строения слова, лексическая сочетаемость, стиль), которые определяют выбор одного из конкурирующих суффиксов на примере вариативных глаголов избыточной парадигмы со вторичной имперфективацией *-а-(-я-)/-ыва-(-ива-)*. В качестве материала исследования использован подкорпус русского языка корпуса Google Books Ngram, в т.ч. данные по частотности словоформ за последние 200 лет. Методы исследования: корпусный анализ и квантитативный анализ в диахроническом аспекте. Выявлены психофонетические, морфологические, семантические и стилистические факторы, влияющие на языковые изменения избыточных глагольных парадигм. Сделан вывод: вопреки распространенному мнению, в большинстве случаев замещения прежнего варианта на *-а-(-я-)* формой на *-ыва-(-ива-)* не происходит, и, согласно частотной динамике, после временного роста популярности форм вторичных имперфективов в целом в последние десятилетия отмечается возврат к первичным формам несовершенного вида. В меньшинстве случаев, когда все же утверждается форма с суффиксом, некогда обозначавшим итеративность, на выбор формы повлияли корневая гласная, *l-epenteticum* и глагольные префиксы. Частотность и распространенность глагола, гипотетически препятствующие возникновению вариантов или унификации, не оказали влияния на языковые изменения. Развитый подход может быть применим к изучению эволюции конкурирующих словоформ в широком диапазоне случаев.

Ключевые слова: морфология, глагол, вторичный имперфектив, видовые пары, парадигма, частотность, языковая норма, лексическая сочетаемость.

Вклад авторов: Галеев Т.И., Соловьев В.Д. — концепция и разработка методов исследования; Бочкарев В.В. — сбор и обработка материалов; Галеев Т.И., Бочкарев В.В. — анализ полученных данных, подготовка текста статьи.

© Галеев Т.И., Бочкарев В.В., Соловьев В.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров «Приоритет – 2030».

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12.09.2024; принята к печати 28.12.2024.

Для цитирования: *Галеев Т.И., Бочкарев В.В., Соловьев В.Д.* Динамика изменения глагольной парадигмы под влиянием вторичной имперфективации в русском языке // *Русистика*. 2025. Т. 23. № 2. С. 241–256. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-241-256>

Введение

В годы преподавания в Казанском университете И.А. Бодуэн де Куртенэ разработал курс лекций, в которых обозначает законы «равновесия» и «исторического движения» языка, указывает на необходимость междисциплинарного подхода при их изучении: «исследуемые языки должны подвергаться всестороннему поэлементному анализу во всех возможных направлениях»; «нужно чаще применять в языкознании количественное математическое мышление и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным»; «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией», «понятие развития и эволюции языка должно стать основой мышления» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 17).

Видные представители Казанской лингвистической школы (КЛШ) (Крушевский, 1883; Анастасиев, 1898; Богородицкий, 1911) развили эти идеи в учение о статике и динамике, которое приобрело особую актуальность в работах современных российских исследователей языковой нормы (Розенталь, 1988; Бондарко, 2002; Граудина, 2004; Дорофеев, Журавлева, 2023; Здорикова, Абызов, Макарова, 2022; Жданова, Рацибурская, 2024). Вопросы исторической динамики актуальны и вызывают интерес во многих областях современной лингвистики, поскольку в вариативности проявляется эволюция языковой системы. Частный случай проявления эволюции языка — наличие в синхронии грамматических вариантов одной формы слова, один из которых изначально считается предпочтительнее, а второй — нарушающим стилистические нормы. Эти нарушения зачастую представляют собой прообраз будущей нормы: «развитие языков вообще складывается прежде всего из изменений, которые вначале с точки зрения действующей нормы воспринимались как ошибки» (Матезиус, 1967: 360).

Вслед за А.В. Бондарко под нормой мы понимаем «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» (Бондарко, 2002: 14). С развитием информационных технологий значительно упростилась работа по количественному описанию в книжной речи избыточных и «конкурирующих» ва-

риантов парадигмы. Речь идет о таком стечении обстоятельств вследствие исторических изменений грамматической системы, при котором языковая инновация, ранее считавшаяся ошибкой или просторечием, по частоте сравнивается с устоявшейся формой, которая воспринимается как правило (Горбачевич, 2009: 240; Смирнов, 2010: 272–298; Татевосов, 2013: 42–89; Горбова, 2016: 149–158).

Зарубежной лингвистике также свойственно «количественное и математическое мышление» (Бодуэн де Куртенэ, 1963), например, при изучении процесса унификации неправильных глаголов в английском языке. В работе «Quantifying the evolutionary dynamics of language» (Lieberman et al., 2007: 716–723) выявлено, что нерегулярные глагольные формы постепенно уступают место формирующемуся языковому правилу, а также определено, как скорость унификации зависит от частоты использования слова-исключения. Также доказано, что высокочастотные английские глаголы реже подвергаются регуляризации, т.е. переходу из группы неправильных глаголов в группу правильных, по сравнению с низкочастотными.

Подобное исследование было выполнено и на основе анализа конкуренции немецких глаголов сильного (регулярного) и слабого (нерегулярного) спряжения зарубежными (Carroll, Svare, Salmons, 2012: 153–172) и российскими лингвистами (Пиперски, 2014: 821–831), которые количественно подтверждают «интуитивно понятное предположение о том, что более высокочастотные слова обычно сохраняют свою форму спряжения, а менее распространенные слова могут изменяться» (Пиперски, 2014: 821–831) под влиянием аналогичных форм, переходя из разряда слабых в сильные.

В русском языке можно встретить несколько сходных явлений глагольной вариативности: личные формы с колебанием продуктивности/непродуктивности глагольного класса в настоящем (*алчет / алкает, колеблет / колебает*) и прошедшем (*возник / возникнул*) времени, двувидовые глаголы и их неомонимичные суффиксальные корреляты (*организовать / организовывать*), вторичные имперфективы (*накоплять / накапливать*), а в категории вторичных имперфективов — альтернации уже корневой гласной (*обуславливает / обуславливают*). Имея опыт в исследовании первого, второго, третьего и пятого типов (Galeev, Solovyev, 2016: 177–180; Galeev, Habibulina, 2017: 90–98; Galeev, Shevlyakova, Bochkarev, 2020: 145–154), мы бы хотели остановиться на четвертом типе вариативности (*накоплять / накапливать, изготавливать / изготавливать*).

Обратимся к причинам возникновения данной избыточности.

В результате переразложения глагольных основ в начале XII в. появился продуктивный суффикс *-ыва/ива-*. Служивший изначально как показатель незавершенности глагольного действия, в среднерусский период суффикс приобретает значение итеративности (*хаживал, посматриваю*) (Климонов, 2015: 155–164). С начала XVIII в. маркер итеративности сохраняется только в разговорной речи (*видывал*) и просторечиях (*позваниваю*), что позволило говорить о «многокомпонентной концепции вида» (Падучева, 2013). В XX в. в результате

либерализации книжной речи и ослабления редакционной деятельности складывается ситуация вариативности форм с суффиксами *-ыва/ива-* // *-а/я-* у префиксальных глаголов (Граудина, 2004). Языковая эволюция привела к тому, что уже в последние 70 лет личные формы глагола *накапливать* стали частотнее, чем глагола *накоплять* (Зельдович, 2014; Козера, 2018).

Цель исследования — выявить объективные синтагматические и парадигматические факторы (внустрислоговой сингармонизм, эволюция морфологического строения слова, лексическая сочетаемость, стиль), определяющие выбор одного из конкурирующих суффиксов на примере вариативных глаголов избыточной парадигмы со вторичной имперфективацией *-а/я-* и *-ыва/ива-*.

Материалы и методы

Для описания «спонтанеического процесса» трансформации звуков и морфем в истории языка мы продолжим вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Н.В. Крушевским придерживаться строгих статистических методов с привлечением подходов точных наук (Бодуэн де Куртенэ, 1963; Крушевский, 1883).

Для анализа конкуренции глагольных вариантов был использован *корпусный и количественный методы* с элементами *корреляционного и регрессионного анализа*.

Материалом исследования послужили данные русскоязычного подкорпуса библиотеки Google Books объемом 67 млрд словоупотреблений (Lin et al., 2012). На основе указанной библиотеки создан сервис Ngram Viewer.

Для составления списка вариативных глаголов был применен *метод словообразовательного моделирования*. Желая расширить найденный в справочниках, в т.ч. (Граудина, 2004: 557), список из 39 глаголов, мы задали поисковую модель глагольных пар «N + ива + X // N + я + X» и «N + ыва + X // N + а + X», где N — общая для двух форм глагольная основа, а X — одинаковая у двух форм флексия, обнаружив указанным способом еще 48 пар глаголов, ранее не включенных в прескриптивные издания, таким образом использовав корпус текстов как источник скрытых данных о языке и средство пополнения словарей.

Сравнение форм проводилось на протяжении всей парадигмы: личные формы глагола, прошедшее время, причастия, деепричастия и императив сравнивались попарно (до 15 элементов).

Для определения семантических факторов, влияющих на конкуренцию глагольных форм нами применен анализ сочетаемости, которую мы рассматриваем как количественную репрезентацию семантики глагола в соответствии с дистрибутивной гипотезой (Sahlgren, 2008: 33–53).

Результаты

Для оценки языковой динамики 87 глагольных парадигм (1305 пар) были построены 882 графика частотности словоупотребления на материале текстов русскоязычной части корпуса Google Books за период 1800–2008 гг. и описаны основные паттерны изменения частоты употребления глагольных

пар. Данные графики позволяют судить о характере конкуренции форм на протяжении более двух веков, классифицировать полученные случаи и выявлять сходства у схожим образом ведущих себя вариативных пар по формальным признакам: фонетика, сочетаемость, стилистика. Классификация полученных результатов позволила описать картину «конкуренции» избыточных форм.

Проведенный анализ сочетаемости показал, что в случае, когда одна доминирующая форма меняется, а вторая не уходит из речи полностью (например, в 1940-х гг. форма *накапливать* превосходит по частотности форму *накоплять*), у обоих глаголов наблюдается расхождение в плане лексической сочетаемости: с глаголом *накапливать* употребляются абстрактные существительные (... *энергию, знания, опыт, информацию, силы, средства*), а с глаголом *накоплять* — конкретные, обычно с семантикой «материальные ценности» (*богатства, деньги, долги, силы, материал, капиталы, запасы*).

Выявлено, что тексты в корпусе, послужившем материалом исследования, относятся к крупным жанрам художественной литературы и публицистики, именно это делает получившуюся подборку примеров стилистически однородной. Следовательно, некоторые экстралингвистические факторы, такие как уровень грамотности автора и наличие редактуры, не окажут существенного влияния на характер конкуренции. Таким образом, при обсуждении результатов исследования мы смогли подробно остановиться на анализе фонетического и морфологического уровней языка в различные временные отрезки, в которых наблюдается засилье той или иной формы либо ее уход. Это позволило судить о корреляции языковых изменений именно с нормоформирующей деятельностью литераторов и публицистов.

Обсуждение

Сформировав выборку и составив графики динамики частотности словоформ, соотнесем количественный показатель употребительности каждой глагольной пары на протяжении 200 лет (1) и распространенность каждого из вариантов в книжной речи (2) с поведением конкурирующих пар перед тем, как перейти к фонетическому и морфологическому анализу конкурирующих вариантов (3–6).

1. Динамика конкуренции избыточных форм

В 33,9 % случаев встречена только одна из форм: *-а/я-* (рис. 1). Как было сказано выше, формы на *-а/я-* (*вымеряешь*) считаются более древними относительно возникшего вторичного имперфектива *вымериваешь*, что отражается и в книжной речи XIX–XX вв.

В остальных 66,1 % случаев на двухвековом временном отрезке прослеживается конкуренция различной динамики. Разделим случаи конкуренции по частотной динамике вариантов на несколько групп:

1. Частотность варианта с суффиксом *-а/я-* падает при соответствующем росте вторичного имперфективата (например, *приспособлять* → *приспосабливать*) в 13,9 % случаев (рис. 2).

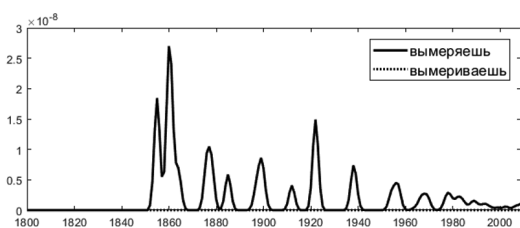

Рис. 1. Встречен только один из вариантов
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

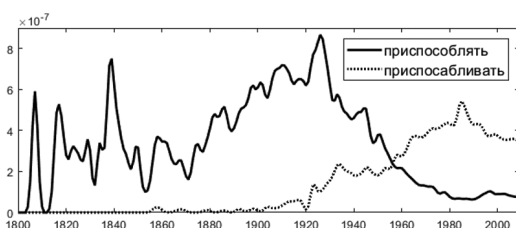

Рис. 2. Смена нормы
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

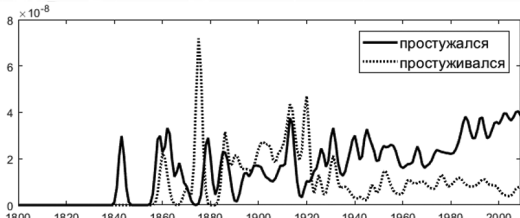

Рис. 3. Конкуренция с «победой» одной из форм
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

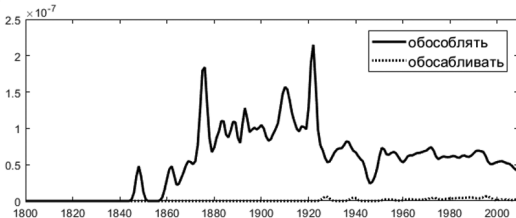

Рис. 4. Доминирование одного из вариантов
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

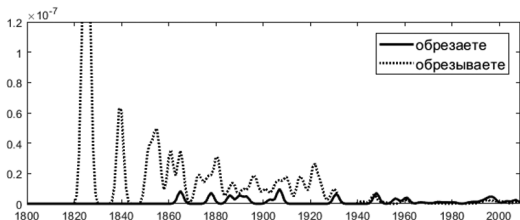

Рис. 5. Снижение частотности глагола
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

Рис. 6. Одинаковая распространенность форм
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

Рис. 7. Начало смены нормы
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

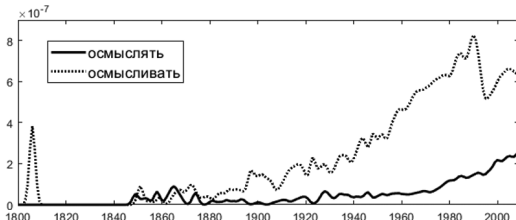

Рис. 8. Рост частотности одной из форм
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

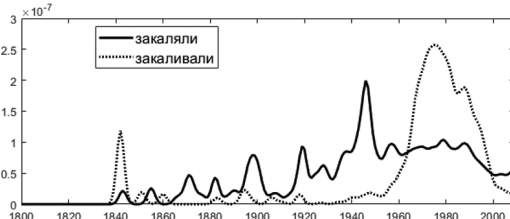

Рис. 9. Двукратная смена доминирующей формы
Источник: выполнено В.В. Бочкаревым.

2. Обе формы одинаково частотны в течение исследуемого периода и только в конце XX в. начинает преобладать форма на *-а/я-* (например, *простужался* вместо *простуживался*) в 13,2 % случаев (рис. 3).

3. Доминирование формы на *-а/я-* при стабильном, нократно меньшем использовании формы на *-ыва/ива-* (например, обычно использовалось *обособлять*, но встречается и форма *обосабливать*) в 10,8 % случаев (рис. 4).

4. Снижение частотности обеих форм глагола к концу XX в., что не дает возможности говорить об изменении нормы (например, в XIX в. более частот-

ной была форма *обрезываете*, на современном же этапе она уравнилась с формой *обрезаете*) в 10,1 % случаев (рис. 5).

5. Обе формы одинаково частотны в течение всего периода наблюдения (например, пара *примеряться* / *примериваться*) в 7,9 % случаев (рис. 6).

6. После продолжительного периода высокой частотности обеих конкурирующих форм в начале XXI в. один из вариантов начинает превосходить по частотности другой аналогично начальному этапу типа с суффиксом *-а/я-* (например, *оздоравливать* начинает употребляться чаще, чем *оздоравливать*), в 6,9 % случаев (рис. 7).

7. Стабильный рост частотности одной из конкурирующих форм (например, *осмысливать* стала преобладать над *осмыслять*) на протяжении длительного периода в 2,1 % случаев (рис. 8).

8. Доминирующая форма меняется дважды в 1,2 % случаев (*закаляли* в XIX в. и до 1960-х гг. XX в. → *закаливали* во второй половине XX в. → *закаляли* в XXI в.) (рис. 9).

2. Влияние частотности на исход конкуренции

Для определения влияния частотности форм избыточных глагольных парадигм на тенденцию к выбору суффикса вслед за исследователями неправильных глаголов английского языка (Lieberman et al., 2007) применим метод ранжирования, сопоставив наиболее (90–280 тыс. словоупотреблений) и наименее (до 10 тыс.) распространенные глаголы в рейтинге частотности (табл.).

Выявлена тенденция к утверждению суффикса *-а/я-* аналогично графикам 3 и 8 в парадигмах наименее частотных глаголов *вымер(я/ива)ть*, *засор(я/ива)ть*, *накал(я/ива)ть*, *обмер(я/ива)ть*, *опорожн(я/ива)ть*, *простуж(я/ива)ть* и их возвратных формах. В XIX в. оба варианта были одинаково распространены.

В наиболее распространенных же глаголах (*вырезать*, *приготовлять*, *срезать*, *сужаться*, *ускорять* и их возвратных формах) в середине XX в. наблюдается тенденция к замещению доминировавшего в XIX в. варианта с *-ива/ыва-* вариантом с *-а/я-* аналогично графику (рис. 2).

Перечислим остальные случаи, в которых вариант с *-ыва/ива-* начинает преобладать над более частотным ранее вариантом на *-а/я-*: *изготавливать*, *накапливать*, *надломлять*, *оздоравливать*, *приспосабливаться*.

Таким образом, распространенность глагола в книжной речи в случае с вариативностью, связанной со вторичной имперфективацией, на исход конкуренции не влияет: превалирование форм с *-а/я-* после длительной конкуренции одинаково как среди частотных, так и среди редких глаголов.

Обратимся к собственно лингвистическим факторам, способным повлиять на утверждение варианта и приведем случаи конкуренции вариативных форм глаголов с морфологическими и фонетическими параметрами (табл.).

**Случаи конкуренции вариативных форм глаголов с морфологическими
и фонетическими параметрами**

№	Глаголы	Пре-фикс	Кор-невой глас-ный звук	Чередо-вание в корне	Ста-тус «Л»	Пост-фикс	Средняя частот-ность за 208 лет, % от общ. объема корпуса Google Books Ngram	Результат конкуренции
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	вкраплять / вкрапливать	в-	а	–	корне-вой	–	0.000005	утвердился -я-
2	вкрапляться / вкрапливаться	в-	а	–	корне-вой	+	0.0000086	начинает утвер-ждаться -я-
3	втравливать / втрапливать	в-	а	–	корне-вой	–	0.00000375	утвердился -ива-
4	вылеплять / вылепливать	вы-	е	–	корне-вой	–	0.000003	долговременная конкуренция
5	вылепляться / вылепливаться	вы-	е	–	корне-вой	+	0.000001	преобладает -ива-
6	вылуплять / вылупливать	вы-	у	–	l-epent.	+	0.0000255	преобладает -я-
7	вымерять / вымеривать	вы-	е	–	–	–	0.0000125	преобладает -я-
8	вырезать / вырезывать	вы-	е	–	–	–	0.00023	преобладает -а-
9	вытравливать / вытрапливать	вы-	а	–	l-epent.	–	0.000022	начинает утвер-ждаться -ива-
10	вытраплять / вытрапли-ваться	вы-	а	–	корне-вой	–	0.000005	утвердился снача-ла -ива-, затем -я-
11	выхвалить / выхваливать	вы-	а	–	корне-вой	–	0.000025	преобладает -а-
12	выхвалиться / выхваливаться	вы-	а	–	–	+	0.0000075	преобладает -я-
13	забелять / забеливать	за-	е	–	корне-вой	–	0.0000015	преобладает -ива-
14	заготовлять / заготовливать	за-		о/а	l-epent.	–	0.00013	начинает утвер-ждаться -ива-
15	заготовляться / заготовли-ваться	за-		о/а	l-epent.	+	0.0000625	частотность срав-нялась, растет частотность -ива-
16	закалять / закаливать	за-	а	–	корне-вой	–	0.0000550	преобладает -я-
17	закаляться / закаливаться	за-	а	–	корне-вой	+	0.000054	преобладает -я-
18	замерять / замеривать	за-	е	–	–	–	0.000024	встречен -я-
19	запаять / запаяивать	за-	а	–	–	–	0.000013	утвердился снача-ла -ива-, затем -я-
20	засорять / засаривать	за-		о/а	–	–	0.00001	преобладает -я-
21	засоряться / засариваться	за-		о/а	–	+	0.0000030	преобладает -я-
22	затоплять / затапливать	за-		о/а	l-epent.	–	0.00005	начинает утвер-ждаться -ива-

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
23	изготавливать / изготавливать	из-		o/a	l-epent.	–	0.0005	начинает утвер- ждаться -ива-
24	изготавливаться / изготавли- ваться	из-		o/a	l-epent.	+	0.000404	начинает утвер- ждаться -ива-
25	измерять / измеривать	из-	е	–	–	–	0.00055	встречен только -я-
26	надломлять / надламывать	над-		o/a	l-epent.	–	0.000006	встречен только -ива-
27	надломляться / надламываться	над-		o/a	l-epent.	+	0.0000057	долговременная конкуренция
28	накалять / накаливать	на-	а	–	корне- вой	–	0.000024	утвердился -ива-
29	накаляться / накаливаться	на-	а	–	корне- вой	+	0.000011	утвердился -ива-
30	накоплять / накапливать	на-		o/a	l-epent.	–	0.000080	утвердился -ива-
31	накопляться / накапливаться	на-		o/a	l-epent.	+	0.00053	утвердился -ива-
32	намеряться / намериваться	на-	е	–	–	–	0.000006	утвердился -ива-
33	натравлять / натравливать	на-	а	–	l-epent.	–	0.000045	утвердился -ива-
34	натравляться / натравливаться	на-	а	–	l-epent.	+	0.00000225	утвердился -ива-
35	обмерять / обмеривать	о-	е	–	–	–	0.000013	долговременная конкуренция, утверждается -ива-
36	обособлять / обособливать	об-		o/a	l-epent.	–	0.00003	преобладает -я-
37	обособляться / обособли- ваться	об-		o/a	l-epent.	+	0.0000225	преобладает -я-
38	обрезать / обрезывать	о-	е	–	–	–	0.00009	утвердился -а-
39	огранять / огранивать	о-	а	–	–	–	0.0000016	утвердился -ива-
40	ограняться / ограниваться	о-	а	–	–	–	0.00000040	утвердился -ива-
41	одарять / ода- ривать	о-	а	–	–	–	0.00005	форма с -а- со- хранила прежнюю частотность, но форма с -ива- ее превзошла
42	одаряться / одариваться	о-	а	–	–	+	0.0000015	утвердился -ива-
43	оздоравливать / оздоравливать	о-		o/a	l-epent.	–	0.000014	утвердился -ива-
44	оздоравливаться / оздоравли- ваться	о-		o/a	l-epent.	+	0.0000032	утвердился -ива-
45	окормлять / окармливать	о-		o/a	l-epent.	–	0.000012	преобладает -я-
46	опалать / опа- ливать	о-	а	–	корне- вой	–	0.000013	долговременная конкуренция
47	опалаться / опаливаться	о-	а	–	корне- вой	–	0.0000042	преобладает -я-

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
48	опорожнять / опоражнивать	о-	о	–	–	–	0.000016	утвердился -я-
49	опорожняться / опоражни- ваться	о-		о/а	–	+	0.00000300	утвердился -я-
50	опылять / опы- ливать	о-	ы	–	корне- вой	–	0.000022	утвердился -я-
51	опыляться / опыливаться	о-	ы	–	корне- вой	+	0.0000153	утвердился -я-
52	осмыслять / осмысливать	о-	ы	–	?	–	0.00014	преобладает -ива-
53	остужать / остуживать	о-	у	–	–	–	0.000014	преобладает -а-
54	отмерять / отмеривать	от-	е	–	–	–	0.000052	утвердился -я-
55	отмеряться / отмериваться	о-	е	–	–	+	0.0000112	преобладает -я-
56	отравлять / отравливать	о-	а	–	l-epent.	–	0.00017	утвердился -я-
57	перебелять / перебеливать	пере-	е	–	корне- вой	–	0.0000028	долговременная конкуренция
58	перемерять / перемеривать	пере-	е	–	–	–	0.0000048	утвердился -я-
59	переосмыс- лять / пере- осмысливать	пере-	ы	–	?	–	0.000043	утвердился -ива-
60	переосмыс- ляться / пере- осмысливаться	пере-	ы	–	?	+	0.0000307	долговременная конкуренция
61	подготовлять / подготавли- вать	под-		о/а	l-epent.	–	0.0003	утвердился -ива-
62	подготовлять- ся / подготавли- ваться	под-		о/а	l-epent.	+	0.00017	утвердился -ива-
63	подменять / подменивать	под-	е	–	–	–	0.00022	преобладает -я-
64	подменяться / подмениваться	под-	е	–	–	+	0.0001014	преобладает -я-
65	примерять / примеривать	при-	е	–	–	–	0.000085	утвердился -я-
66	похваляться / похваливаться	по-	а	–	корне- вой	+	0.000088	преобладает -я-
67	приготовлять / приготавли- вать	при-		о/а	l-epent.	–	0.00035	преобладает -я-
68	приготовлять- ся / приготавли- ваться	при-		о/а	l-epent.	+	0.00044	преобладает -я-
69	приспосо- бляться / приспособли- ваться	при-		о/а	l-epent.	+	0.00029	утвердился -ива-
70	приспособ- лять / приспо- сабливать	при-		о/а	l-epent.	–	0.00011	утвердился -ива-
71	промерять / промеривать	про-	е	–	–	–	0.0000055	утвердился -я-

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
72	примеряться / примериваться	при-	е	–	–	+	0.00004	долговременная конкуренция
73	простужать / простуживать	про-	у	–	–	–	0.0000024	долговременная конкуренция
74	простужаться / простуживаться	про-	у	–	–	+	0.0000128	утвердился -а-
75	раскалять / раскаливать	рас-	а	–	корне- вой	–	0.000008	утвердился -я-
76	растравлять / растравливать	рас-	а	–	l-epent.	–	0.000031	утвердился -я-
77	растравляться / растравливаться	рас-	а	–	l-epent.	+	0.0000015	долговременная конкуренция
78	скоплять / скапливать	с-		о/а	l-epent.	–	0.000021	долговременная конкуренция
79	скопяться / скапливаться	с-		о/а	l-epent.	+	0.000187	утвердился -ива-
80	срезать / сре- зывать	с-	е	–	–	–	0.00012	утвердился -а-
81	сужать / сужи- вать	с-	у	–	–	–	0.00015	утвердился -а-
82	сужаться / суживаться	с-	у	–	–	+	0.00035	утвердился -а-
83	узаконять / узаконивать	у-	о	–	–	–	0.0000151	утвердился -ива-
84	умалить / ума- ливать	у-	а	–	корне- вой	–	0.0002	утвердился -я-
85	урезать / уре- зывать	у-	е	–	–	–	0.000055	утвердился -а-
86	ускорять / ускоривать	у-	о	–	–	–	0.0004	утвердился -я-
87	ускоряться / ускориваться	у-	о	–	–	+	0.00016	утвердился -я-

Источник: выполнено Т.И. Галеевым.

На основе полученных из корпуса результатов замечено, что перечисленные И.А. Бодуэном де Куртенэ языковые условия, которые будут описаны в п. 3–5, оказали определенное влияние на выбор суффикса.

3. Корневая гласная

По признаку наличия **корневой гласной** глаголы можно разделить на две группы: с чередованием гласной *о/а* в корне (*надломляться/надламываться*) и глаголы без чередования с гласными *е, о, а, у, ы* в корне (например, *вырез(а/ыва)ть, умал(я/ива)ть, осмысл(я/ива)ть, отравл(я/ива)ть, переосмысл(я/ива)ть, подмен(я/ива)ть, узакон(я/ива)ть, ускор(я/ива)ться*).

В ходе исследования выделено 62 пары глаголов с различными гласными *е, у, ы*, а также *а, о* без чередования в корне. В этих глаголах вариант с суффиксом *-а/я-* всегда является доминирующим. В 25 парах с чередованием (*о/а*) в корне наблюдается тенденция к утверждению суффикса *-ива/ыва-*.

Так, по характеру графиков с динамикой частотности в сопоставлении с морфологической структурой слова, можно сделать вывод о том, что наличие чередующейся гласной (*о/а*) влияет на выбор суффикса *-ива/ыва-*.

4. L-epeneticum

У некоторых глаголов при формообразовании возникает **вставная согласная Л** (перед суффиксом). L-epeneticum — это звук [l], развившийся после губных согласных в позиции перед [j] в праславянский период. Этот процесс является одним из проявлений действия закона слогового сингармонизма. Глаголы с Л-корневым, такие как *вкрапл(я/ива)ться*; *вылепл(я/ива)ться*; *заготовл(я/ива)ть*; *изготовл(я/ива)ться* к этой группе не относятся.

Наличие l-epeneticum обуславливает переход к суффиксу *-ива/ыва-*. Парадигмы, в которых такое явление отсутствует, тяготеют к частотности варианта *-а/я-*. На основе полученных результатов в GBN можно заключить, что в XIX в. и в первой половине XX в. в большинстве этих случаев форма *-а/я-* часто используется с большой частотностью, а форма *-ива/ыва-* с малой частотностью, даже около нуля. Однако в конце XX в. форма *-ива/ыва-* часто становится доминирующей или начинает обходить по частотности конкурирующий вариант.

5. Префикс

Чтобы выяснить, связана ли частотность глаголов с тем или иным **префиксом**, были выделены отдельные подгруппы по каждому из них.

В однокоренных глаголах с разными префиксами могут превалировать разные варианты. Проанализировав префиксы и сопоставив их наличие с «эволюционным» поведением глаголов, мы пришли к некоторым выводам.

Во-первых, префикс может влиять на поведение глаголов и их конкуренцию. Так, в группе глаголов с префиксом *на-* всегда происходит смена нормы и утверждается вариант с *-ива/ыва-*.

В глаголах с префиксом *у-* и *с-* всегда происходит суффиксальный сдвиг *-ива/ыва-* → *-а/я-*: *срез(а/ыва)ть*; *суж(а/ыва)ть*, *умал(я/ива)ть*, *урез(а/ыва)ть* *ускор(я/ыва)ться*; *ускор(я/ива)ть* и возвратные формы.

В глаголах с префиксом *при-* и *под-* происходит суффиксальный сдвиг *-а/я-* → *-ива/ыва-* (*Под-*: *подготовляться* / *подготавливаться*; *подготовлять* / *подготавливать*. *При-*: *приспособлять* / *приспосабливать*; *приспособляться* / *приспосабливаться*).

При этом в других глаголах с теми же корнями, но другими префиксами, данные тенденции не всегда повторяются и проявляются слабее.

Во-вторых, префикс глагола коррелирует с его частотой.

Префикс *из-* отличается высокой продуктивностью в глагольной системе, и почти всегда глаголы с этим префиксом являются самыми частотными. Пары глаголов *измерять* / *измеривать*, *изготовлять* / *изготавливать*, *изготавливаться* / *изготавливаться* по очереди занимают первое, третье и пятое место в рейтинге частотности. В этих трех парах вариант с суффиксом *-я-* всегда доминирует.

Глаголы с префиксами *при-*, *с-*, *у-*, *под-* отличаются высокой частотностью и продуктивностью.

Глаголы с префиксами *вы-*, *и-*, *рас-*, *пере-*, *над-* менее частотные, и часто находятся в конце рейтинга.

6. Постфикс

Возвратными в нашем исследовании являются 30 пар глаголов с постфиксом *-ся*, т. е. треть всех исследуемых глагольных пар. Например: *вылупл(я/ива)ться*, *надломл(я/ива)ться*; *простуж(а/ива)ться*, *растравл(я/ива)ться*.

Отметим, что фактор возвратности не влияет на частотность глаголов и на исход конкуренции. Возвратные глаголы повторяют тенденции их невозвратных производных.

Заключение

Проанализировав графики конкуренции словоформ, мы пришли к закономерному выводу о приоритетном влиянии на выбор того или иного суффикса сочетания собственно лингвистических факторов, таких как ударение + альтернатива гласных в корне, чередование согласных на стыке морфем + фоносемантика. Сочетания этих признаков обуславливают выбор суффикса и возможные семантические оттенки избыточных форм.

Распространенность же глагола в языке на исход конкуренции вариантов со вторичными имперфективами не влияет, однако некую роль играет хронологический фактор, о чем свидетельствует тот факт, что в XIX в. преобладали варианты с суффиксом *-а/я-*, в то время как XX в. отличался преобладанием словоформ с суффиксом *-ыва/ива-*, но к началу XXI в. в большинстве случаев отмечается возврат к форме на *-а/я-*.

Семантическое размежевание конкурирующих вариантов, т.е. появление разных оттенков значений у двух конкурирующих глаголов приводит к самостоятельному существованию двух форм глагола как независимых друг от друга слов. Формы одной парадигмы с разной сочетаемостью в частотном плане могут вести себя независимо друг от друга, так как перестают быть конкурентами, актуализируя дифференциальные семы.

Итак, полученные результаты демонстрируют, что такие лингвистические факторы, как корневая гласная, ударение, сонантная альтернатива, *l-epenteticum* и глагольные префиксы оказывают определенное влияние на предпочтительность одного из вариантов в избыточной глагольной парадигме с вторичной имперфективацией. Перечисленные причины, как мы видим, связаны с удобством произношения и благозвучием, что указывает на прямое, хотя и отложенное во времени влияние особенностей устной речи на публицистику и художественную литературу, а, следовательно, и на систему языка.

Список литературы

- Анастасиев А.И. Методика обучения начальной грамматике. Казань, 1898. 54 с.
Богородицкий В.А. Лекции по общему языкознанию. Казань, 1911. 246 с.
Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 томах. М. : АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с. EDN: RBAZID

- Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. 240 с.
- Горбова Е.В. Вторичная имперфективация русского глагола по данным корпусного исследования // *Język i metoda*. 2016. Т. 3. С. 149–158. EDN: YFPIJD
- Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М. : АСТ : Астрель, 2004. 557 с.
- Дорофеев Ю.В., Журавлева Е.А. Функциональная парадигма в русистике: от функционирования единиц к регулятивной концепции языка // *Русистика*. 2023. Т. 21. № 1. С. 49–63. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-49-63> EDN: ZELCNW
- Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 3. С. 350–362. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362> EDN: RRNCCG
- Здорицова Ю.Н., Абызов А.А., Макарова Е.Н. Вариативность акцентуации имен существительных в речи современной молодежи // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 1. С. 68–83. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-68-83> EDN: CZULTS
- Зельдович Г.М. Видовые тройки : Вторичный имперфектив как показатель высокой индивидуализированности ситуаций // *Русский язык в научном освещении*. 2014. № 28. С. 9–57.
- Климонов В.Д. Инновации в видовой системе русского языка // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2015. Т. 40. № 1. С. 155–164. <https://doi.org/10.14746/strp.2015.40.1.15>
- Козера И. Семантика и прагматика вторичной имперфективации в современном русском языке на основании корпусного анализа. Краков, 2018. 340 с.
- Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. 151 с.
- Матезиус В.О необходимости стабильности литературного языка // *Пражский лингвистический кружок*. М. : Прогресс, 1967. С. 378–399.
- Падучева Е.В. Русский имперфектив : инвариант и частные значения // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7–18.
- Пиперски А.Ч. Чередование в корне как залог устойчивости: из истории сильных глаголов в немецком языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 821–831.
- Розенталь Д.Э. А как лучше сказать? М. : Просвещение, 1988. 176 с.
- Смирнов И.Н. Избыточность в сфере глагольного слово- и формообразования // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. 2010. Т. VI. Ч. 2. С. 272–298. EDN: PXHRAJ
- Татевосов С.Г. Множественная префиксация и ее следствия. Заметки о физиологии русского глагола // *Вопросы языкознания*. 2013. № 3. С. 42–89.
- Carroll R., Svare R., Salmons J. Quantifying the evolutionary dynamics of German verbs // *Journal of Historical Linguistics*. 2012. No 2. Pp. 153–172. <https://doi.org/10.1075/jhl.2.2.01car>
- Galeev T., Shevlyakova A., Bochkarev V. The behaviour of Russian competing verbs: a computer-assisted approach // *CEUR Workshop Proceedings*. 2020. Vol. 2780. Pp. 145–154. EDN: GJBSQM
- Galeev T., Habibulina E. Frequency of verbal forms and language standard // *Journal of History Culture and Art Research*. 2017. № 6. Pp. 90–98. <http://doi.org/10.7596/taksad.v6i5.1250>
- Galeev T.I., Solovyev V.D. Methods of application of modern text corpora in the study of the morphological system of Russian verbs unification of i productive (irregular) class of verbs. Quantitative model based on Google Books // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2016. Spec. Is. Pp. 177–180.
- Lieberman E., Michel J.-B., Jackson J., Tang T., Nowak M.A. Quantifying the evolutionary dynamics of language // *Nature*. 2007. № 449. Pp. 723–716. <https://doi.org/10.1038/nature06137>

- Lin Y., Michel J.B., Lieberman E.A., Orwant J., Brockman W., Petrov S. Syntactic annotations for the Google Books Ngram Corpus // Proceedings of the ACL 2012 system demonstrations. 2012. Pp. 169–174.
- Sahlgren M. The distributional hypothesis // The Italian Journal of Linguistics. 2008. № 20. Pp. 33–54.

Сведения об авторах:

Галеев Тимур Ильдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420021, Казань, ул. Татарстан, д. 2. *Научные интересы:* вариативность, семантика, корпусная лингвистика. ORCID: 0000-0002-7322-6225. SPIN-код: 2632-2071. E-mail: tigaleev@kpfu.ru

Бочкарев Владимир Владимирович, научный сотрудник НИЛ «Лингвистика и искусственный интеллект», Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420021, РФ, Казань, ул. Татарстан, д. 2. *Научные интересы:* квантитативная лингвистика, компьютерная лингвистика, лексикология. ORCID: 0000-0001-8792-1491. SPIN-код: 2596-9131. E-mail: vbochkarev@mail.ru

Соловьёв Валерий Дмитриевич, доктор физико-математических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420021, Казань, ул. Татарстан, д. 2. *Научные интересы:* квантитативная лингвистика, когнитивная наука, компьютерная лингвистика. ORCID: 0000-0003-4692-2564. SPIN-код: 5791-3820. E-mail: maki.solovyev@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-241-256

EDN: DTESPW

Research article

Dynamics of changes in Russian verbal paradigm under the influence of secondary imperfectivization

Timur I. Galeev[✉], Vladimir V. Bochkarev^{ORCID}, Valery D. Solovyev^{ORCID}

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

✉E-mail: tigaleev@kpfu.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the fact that the variability of aspectual affixes in the Russian language has not been fully studied. Meanwhile, super-large diachronic corpora of texts provide the opportunity of a detailed quantitative description of verbal affixes evolution. The aim of the study is to identify objective syntagmatic and paradigmatic factors (extrasyllabic synharmonicity, word morphological structure evolution, lexical compatibility, style) that determine the choice of one of the competing suffixes among variable verbs with the redundant paradigm with secondary imperfectivization *-a(-ya-)/-yva(-iva-)*. The authors used the Russian language corpus of the Google Books Ngram corpus, including data on the word forms frequency over the past 200 years. The authors used methods of corpus analysis and diachronic quantitative analysis. The study revealed psychophonetic, morphological,

semantic, and stylistic factors affecting the linguistic changes of redundant verbal paradigms. The authors came to the conclusion that, contrary to popular belief, the former *na -a-(-ya-)* variant is not replaced with the *-iva-(-yva-)* form in most cases; according to frequency dynamics, a temporary increase in the popularity of forms of secondary imperfection in general was followed by a return to the primary forms of Imperfect in recent decades. In rare cases, where a form with a suffix denoting iteration is approved, the form was chosen because of the root vowel, “l-epenteticum”, and verb prefixes. The frequency and prevalence of the verb hypothetically preventing the emergence of variants or unification had no effect on language changes. The developed approach can be applied to study evolution of competing word forms in a wide range of cases.

Keywords: morphology, verb, secondary imperfective, verbal aspect pairs, frequency, linguistic norm, lexical compatibility

Contribution: *Galeev T.I., Solovyev V.D.* — research concept and design; *Bochkarev V.V.* — collection and processing of materials; *Galeev T.I., Bochkarev V.V.* — analyzing the obtained data, writing the text.

Funding. The work was done at the expense of the subsidy allocated within the framework of the state support of Kazan (Volga Region) Federal University increasing its competitiveness among the world’s leading scientific and educational centers “Priority – 2030”.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 12.09.2024; accepted 28.12.2024.

For citation: Galeev, T.I., Solovyev, V.D., & Bochkarev, V.V. (2025). Dynamics of changes in Russian verbal paradigm under the influence of secondary imperfectivation. *Russian Language Studies*, 23(2), 241–256. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-241-256>

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274

EDN: DVDOMC

Научная статья

Конфиксальные дериваты с начальным *без-* в языке древнерусских летописей

И.В. Ерофеева^{id}✉, Ю.К. Лукьянова^{id}

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ erofeeva89@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены конфиксальные дериваты с начальным *без-* в оригинальных памятниках древнерусского языка — летописях. Актуальность исследования определяется важностью анализа путей формирования новых словообразовательных типов в истории русского языка, обогативших впоследствии словообразовательную систему новыми моделями. Цель исследования — разносторонний структурно-семантический, функциональный и концептуальный анализ конфиксальных именных форм с начальным *без-* в древнерусском языке. Исследование проведено на материале коллекции летописных текстов X–XIV вв., представленных в историческом корпусе НКРЯ. Используются следующие методы: исторический, лингвотекстологический, метод компонентного анализа семантики, когнитивный. С опорой на труды казанских лингвистов в области исторического словообразования доказаны функциональный статус единой двухэлементной словообразовательной морфемы и ее деривационный потенциал в истории русского языка. Установлено, что в летописных текстах конфиксальные дериваты с начальным *без-* представлены тремя основными словообразовательными типами: существительными со значением действия/состояния со вторым элементом *-ие*, с личным значением со вторым элементом *-ьникъ* и прилагательными со вторым элементом *-ьныи*. При использовании модели на *без-* осуществляется новый принцип познания — через диалектическое отрицание противоречий. В начальный письменный период данные формы характеризуются стилистической маркированностью, обусловленной их сложной морфемной структурой, связью с кальками из греческого языка и заимствованным из старославянского языка характером. Первоначально в качестве производящих основ для конфиксальных дериватов использовались имена отвлеченной семантики, поэтому к числу наиболее употребительных в древнерусских летописях относятся такие производные с начальным *без-*, как *беззаконьныи*, *беззаконие*, *беицисленныи*, *безбожьныи*. Перспективы исследования заключаются в рассмотрении путей дальнейшего развития конфиксальных дериватов с начальным *без-* в старорусский период с XV по XVII вв. как в плане появления новых моделей, так и в плане расширения словообразовательной базы за счет включения в нее имен конкретного значения.

Ключевые слова: конфикс, словообразование, древнерусский язык, исторический корпус, стилистическая маркированность, языковая картина мира

© Ерофеева И.В., Лукьянова Ю.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: Ерофеева И.В. — формирование идеи, формулировка и развитие ключевых целей и задач, проведение исследования, сбор данных, анализ и интерпретация полученных данных, составление статьи; Лукьянова Ю.К. — подготовка и редактирование текста.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 02.11.2024; принята к печати 16.02.2025.

Для цитирования: Ерофеева И.В., Лукьянова Ю.К. Конфиксальные дериваты с начальным *без-* в языке древнерусских летописей // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 257–274. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274>

Введение

Представители современной Казанской лингвистической школы внесли значительный вклад в разработку теоретических вопросов словообразовательной науки. Среди важных положений, отстаиваемых казанскими учеными, было признание конфикса как единой двухэлементной словообразовательной морфемы. В.М. Марков убедительно доказывал необходимость использования термина *конфикс* вместо принятого с середины XX в. обозначения соответствующего способа образования слов как приставочно-суффиксального (Марков, 2001). Для доказательства своей точки зрения ученый приводил убедительные примеры типа *заречье*, в которых нельзя выделить часть *речье* путем отсечения элемента *за-*, что подтверждает морфологическое единство элементов *за...ье* и невозможность признания *за-* в данном случае приставкой.

Ученики В.М. Маркова продолжили изучение данного феномена и доказывали правомерность выдвинутых ученым идей. Так, Г.А. Николаев подробно рассмотрел пути формирования конфикации в истории русского языка. В его монографии «Русское историческое словообразование» впервые был систематизирован материал о процессе развития деривационной системы древнерусского языка, получили разработку идеи В.М. Маркова о путях возникновения новых морфем, несвойственных прежде славянскому словообразованию (Николаев, 1987). К числу новых для славян способов словообразования Г.А. Николаев относит и конфикацию, четко обозначая причины ее формирования: изменение словообразовательных отношений в определенных суффиксальных и префиксальных словообразовательных типах в связи с развитием глагольно-именных и субстантивно-адъективных отношений, переориентация связей производных единиц, возникших на базе исходных форм слов, на исходные, калькирование и, наконец, взаимодействие морфологического и семантического способов словообразования (Николаев, 1987: 43–44). Наиболее часто конфикация формировалась на базе суффиксации предложно-падежных форм слов в результате переразложения (Габдеева, Агеева, Тимиргалеева, 2019), а существенную поддержку новому способу образования производных слов оказало калькирование с древнегреческого языка.

Ученики и последователи В.М. Маркова применили разработанные им положения в практических исследованиях, посвященных развитию конфиксации в словообразовании различных частей речи: существительных (Николаев, 1987; Гунько, 2012), прилагательных (Балалыкина, 2015; Косова, Уханова, 2016), глаголов (Аминова, 1979; Bubekova, Churpyakova, 2014).

С конца XX в. все большее количество ученых признают статус конфиксальной морфемы, учитывая изыскания казанских лингвистов, даже если придерживаются традиционного подхода. Так, известный российский дериватолог Е.А. Земская, полемизируя с Марковым, считает нецелесообразным выделять конфикс как особую морфему в русском языке, так как «наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка» (Земская, 2011: 32). В.В. Немченко, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов придерживаются такого же мнения и используют термин «префиксально-суффиксальный способ», относя его к числу смешанных, комбинированных способов аффиксального словообразования (Немченко, 1984; Лопатин, Улуханов, 2016). При этом ученые признают факт одновременного присоединения приставки и суффикса к производящей основе и единичность акта словообразования, что входит в систему доказательств В.М. Маркова относительно использования в таких случаях именно единой конфиксальной морфемы.

О терминологической близости понятий свидетельствует и определение конфиксации в словаре лингвистических терминов: «конфиксация (от лат. *configere* — сколачивать, скреплять). То же, что префиксально-суффиксальный способ словообразования» (Розенталь, Теленкова, 1976). Однако все больше российских ученых, изучая различные языковые факты и на историческом материале, и на материале современного русского языка, с опорой на аргументы В.М. Маркова и его учеников, доказывают единство прерывистой морфемы и считают целесообразным называть способ словообразования с помощью такой морфемы конфиксальным (Камчатнов, 2022; Дмитриева, Левицкая, 2010; Гунько, 2012; Косова, Уханова, 2016; Осильбекова, 2020 и др.). Зарубежные ученые также применяют термин *конфикс* при характеристике способов образования новых слов в различных языках мира, что свидетельствует об универсальности данного дериватологического понятия (Ermanto et al., 2024; Dotsenko, 2022; Dal Maso, Piccinin, 2023).

В современном языкознании осуществляется переход к динамическому подходу в изучении словообразования, который позволяет преодолеть разрыв между синхроническим и диахроническим словообразованием и подойти к исследованию словообразовательных отношений с исторических позиций (Рабибурская, 2019: 279). При таком подходе за синхроническим словообразованием признается функциональный аспект, а вскрытие механизмов словообразовательных процессов осуществляется в результате динамических исследований, которые позволяют выявить конкретные пути формирования различных конфиксальных моделей в истории русского языка (Левицкая, 2012: 150). Современные ученые применяют к изучению конфиксации также

и новые подходы с ономаσιологических и когнитивных позиций, при учете которых особое внимание в деривационных процессах обращается на характер производящих основ и их социальную значимость (Косова, Уханова, 2016: 121–124).

При таком пристальном внимании к разным сторонам конфиксации как словообразовательного явления еще недостаточно изученными остаются вопросы формирования отдельных конфиксальных типов в истории русского языка. Так как именно формы на *без-* были в числе первых моделей, послуживших источником для возникновения прерывистых морфем, их изучение на материале древнерусских летописей представляется особенно актуальным.

В связи с этим **цель исследования** — разносторонний структурно-семантический, функциональный и концептуальный анализ конфиксальных именных форм с начальным *без-* в древнерусском языке.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили тексты древнерусских летописей, в которых нашел отражение первый этап формирования конфиксации в истории русского языка. Он связан и с переразложением внутри осложненных суффиксом предложно-падежных форм, и с переориентацией производных единиц на соотнесенность с исходными формами слов, и с переосмыслением калькированных из греческого языка образований. Этот процесс начался одновременно с возникновением и распространением письменности в Древней Руси, и, по мнению ученых, уже к XIII в. в русском языке сформировались конфиксальные структуры (Гуныко, 2012: 35).

Исследование проводится на материале летописных текстов XI–XIV вв., входящих в исторический корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Будучи оригинальными произведениями, летописи, несмотря на компилятивный характер, в большей степени, чем другие памятники, отразили тенденции в развитии русского языка начала письменного периода. Анализ языковых фактов, извлеченных из разновременных летописных источников, позволяет реконструировать элементы языковой картины мира того времени (Ерофеева, Пильгун, 2024), а также пронаблюдать за динамикой производных форм и осуществить их количественную и качественную интерпретацию.

Специфика использованного материала определила выбор методов для исследования. Прежде всего применялся исторический метод, позволяющий проанализировать языковые факты в диахроническом аспекте и проследить за зарождением и утверждением в русском языке нового словообразовательного средства. Лингвотекстологическим методом комплексно изучали языковые факты с учетом жанровых и стилистических особенностей летописных текстов и составляющих их частей. С помощью культурологического метода оценивали историческую и культурную ситуацию эпохи создания памятников. Метод семантико-когнитивного анализа был направлен на анализ отражения

результатов мыслительной деятельности человека в языке. Методом компонентного анализа лексической семантики исследовали функционирование отдельных языковых единиц в контексте.

Результаты

Выявлено, что к числу наиболее распространенных образований, которые могут быть интерпретированы как конфиксальные, в составе летописей относятся формы с начальным элементом *без-*. В производных единицах с этим элементом выражается представление о противоположности, противоречии, в котором заключается новое, значимое для социума утверждение.

Доказано, что утверждению нового для славян конфиксального способа словообразования способствовал ряд факторов. Во-первых, калькирование, в результате которого было образовано большинство дериватов с начальным *без-*. Эти формы органично встроились в русскую словообразовательную систему, в которой возникли как семантические, так и словообразовательные предпосылки для выделения в их составе единых двухэлементных морфем. Во-вторых, появление у форм с начальным *без-* общего значения «отсутствие того, что названо производящей основой» привело к их соотнесенности с корневыми существительными, а не с предложно-падежными формами. Во-третьих, четкое структурное членение таких дериватов с выделением в их составе аффиксальных элементов в пре- и постпозиции по отношению к производящей основе, которые стали восприниматься как участвующие в акте словопроизводства одновременно.

Определено, что именные формы с начальным *без-* представлены в языке древнерусских летописей тремя основными моделями: существительными с общим значением отвлеченного действия или состояния со вторым элементом *-ие*, существительными с личным значением с конечным элементом *-ьникъ* и прилагательными со вторым элементом *-ьнии*.

Установлено, что признак отсутствия того, что названо мотивирующей основой, приобрел концептуальную и социальную значимость в когнитивном механизме словопроизводства в славянских языках. Первоначально с помощью конфикса с начальным *без-* образовывались имена от производящих основ отвлеченной семантики. Высокой частностью употребления в летописных текстах XI–XIV вв. отличались производные от трех основ: *законъ*, *Богъ* и *число*. Дериваты с этими корнями указывали на такие значимые для эпохи признаки, как несоблюдение закона как совокупности церковных и светских предписаний (*беззаконьнии*, *беззаконие*), отступление от христианского вероучения при описании борьбы с нехристианскими народами (*безбожьнии*) и количественные параметры, не поддающиеся исчислению, при передаче реальных событий (*бещисленнии*). Соответствующие производные отличались стилистической маркированностью, обусловленной как происхождением, так и особой, сложной структурой.

Обсуждение

Производные образования относятся к текстоориентированным языковым средствам, оказывающим влияние на семантику и структуру текста (Erofeeva, Barashev, Ariskina, 2020: 283). Особая роль конфиксальных моделей с начальным *без-* в организации древнерусского текста обусловлена новым принципом познания человека Древней Руси, суть которого, по мнению известного филолога, философа языка В.В. Колесова, заключается в диалектическом отрицании противоречий (Колесов, 2011: 295). Возникший еще в праславянском языке префикс *без-* с развитием письменности взял на себя функцию выражения действительного отрицания (Колесов, 2011: 297).

Анализ производящих основ для имен с начальным негативирующим префиксом *без-* с семантических, стилистических и когнитивных позиций позволяет охарактеризовать роль подобных номинаций в осмыслении человеком окружающего мира.

К числу концептуально значимых понятий древнерусского периода относится представление о законе. Соответствующая лексема *законъ* обладала синкретизмом семантики и отличалась высокой частностью употребления в текстах древнейших летописных сводов. О значимости привативной оппозиции по отношению к понятию о законе свидетельствует тот факт, что формы на *без-* от основы этого слова представлены в древнерусских летописях тремя наиболее распространенными моделями: *беззаконие*, *беззаконьнии*, *беззаконьникъ*. Этимологически существительное *законъ*, связанное с *конъ* «граница, начало, конец», обозначало «то, что было изначально, определяется традицией»¹. Из данного общего значения в древнерусском языке выделяются более конкретные: по отношению к религии *законъ* выступает как «вера, вероисповедание совокупность правил поведения, предписываемых религией», по отношению к социальной жизни — как «установления, предписания светской власти, закон» и реже *законъ* предстает в широком значении «общепринятое правило, обычай»².

В соответствии со спецификой средневекового мировоззрения конфиксальные дериваты с элементом *без-* выражали прежде всего религиозное значение: так, образование *беззаконье* обозначало «действие, противное христианской этике, законам церкви»³. Идея неминуемости наказания за нарушение законов церкви пронизывает все летописные тексты: в «Повести временных лет» летописцы объясняют нашествие половцев сквозь призму христианских представлений как наказание за грехи людей: «*Бысть плачь великъ оу городѣ грѣхъ ради наших великихъ, за умноженьє беззаконии нашихъ*»⁴. В Новгородской I летописи, отличавшейся большим документализмом содержания

¹ Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. М. : Дрофа, 2004. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 07.11.2024).

² Словарь русского языка XI–XVII. Т. 5. М. : Наука, 1978. С. 217–218.

³ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 109–110.

⁴ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

и однородностью языка, эта же идея выражается с использованием конструкции формульного характера, включающей градацию форм на *-ие* с негативизирующими элементами *без-* и *не-*. При этом образование *беззаконие* совмещает как религиозное, так и светское содержание: «*Того же богъ видя наша беззакония и братоненавидение и непокорение друугъ къ друугу и зависть...и за то богъ на насъ поганыя навѣдѣ и землю нашу пусту положиша*»⁵.

В случае отнесенности к отдельному персонажу, образование *беззаконие* выражает значение резко отрицательного состояния: так, в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» 1015 г.: «*Святополкъ же исполнися беззакония, Каиновъ смыслъ приимъ*»⁶. В «Похвальном слове Феодосию Печерскому» 1091 г. *беззаконие* также выражает значение негативного состояния, связанного с плотскими стремлениями, противоречащими религиозным правилам: «*Умертвивъ плотскую похоть, источникъ беззаконью и мятеежь, преподобне, и бѣсовскихъ кознѣй избѣгъ и от сѣтии его*»⁷. Развитие значения состояния у деривата *беззаконие* — свидетельство его переосмысления в сторону соотношенности непосредственно с производящим существительным *законъ* и выделения вследствие этого конфикса *без...ие*.

Прилагательное *беззаконьный* также играло важную идеологическую роль в системе ценностных представлений древнерусского социума. Совокупность значений данного адъектива четко коррелировала с двумя семантическими сторонами мотивирующей основы. Образование *беззаконьный* выражало как значение несоответствия христианской вере, так и отрицания принадлежности к данной вере, воспринимаемой как нарушение закона. Именно система значений образования *беззаконьный* «нарушающий закон», «противоречащий христианскому закону» и «связанный с нехристианской верой»⁸ подтверждает факт переосмысления его структуры в сторону выделения единой прерывистой морфемы *без...ьный*, а не префикса *без-*. В Новгородской I летописи, памятнике документального содержания, данное образование употребляется при описании нашествия Батыя в значении «связанный с нехристианской верой»: «*Беззаконьный же измаилъти, приближишиа къ градуу, и остоупиша градъ силоу*»⁹, часто в субстантивном употреблении: «*Оттолѣ же придоша беззаконьный, и оступиша торжекъ на сборъ чистоу недѣли*»¹⁰ и под.

В «Повести временных лет», как произведении, содержащем отрывки разной жанровой отнесенности, актуализируются разные компоненты значения образования *беззаконьный*: в историко-этнографическом введении, при описании обычаев языческих народов, актуализируется светская семантика

⁵ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

⁷ Там же.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 110–111.

⁹ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁰ Там же.

в составе тавтологического сочетания: «Въ Британии же мнози мужи съ единою женою спяць, тако же и многыя жены съ единымъ мужемъ похотѣють и **безаконная** законъ отецъ творять»¹¹. При описании борьбы с кочевниками слово употребляется с религиозным оттенком значения «связанный с иной нехристианской верой»: «Нынѣ же плачь по всимъ оулицамъ умножися избьеныхъ ради, иже избиха **безаконнѣи** половцѣ»¹².

К числу конфиксальных дериватов от основы *законъ* относится и книжное слово со значением лица *беззаконникъ*, заимствованное из старославянского языка. В значении данного деривата также отражены две значимые для древнерусского периода семантические стороны производящего субстантива: «тот, кто нарушает закон, преступник» и «человек иной (нехристианской) веры, грешник»¹³. В словообразовательной соотнесенности слова *беззаконникъ* обнаруживается общая тенденция развития суффиксальных образований на *-ьникъ*. Исторически имена на *-ьникъ* были мотивированы прилагательными на *-ьн-* и выделяли в своем составе суффикс *-икъ*. Структурно *беззаконникъ* ближе с прилагательным *беззаконьныи*, однако семантически оно соотносится непосредственно со словом *законъ*, и, как и в истории имен на *-ьникъ* вообще, в данном случае наблюдается переразложение в основе и вычленение конфиксальной модели *без...ьникъ* с общим значением «лицо, характеризующееся отсутствием того, что названо производящей основой».

Вышедшее в дальнейшем из употребления слово *беззаконникъ* отмечается в летописных текстах 7 раз, что показывает значимость данного образования в идеологическом контексте средневековья. Например, в погодной статье «Повести временных лет» 1015 г. оно используется для характеристики Святополка, коварно убившего братьев: «Оканьнии же убици придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, **беззаконьници**. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловичь, Ляшкко, отецъ же ихъ сотона»¹⁴.

О близости форм *беззаконникъ* и *беззаконьныи* свидетельствует возможность их замены в одном контексте в разных списках летописи: так в отрывке из «Хроники Георгия Амартола» в Лаврентьевском списке летописи используется существительное, в Ипатьевском — соответствующее прилагательное в субстантивном употреблении: «Ибо комуждо языку овѣмъ законъ исписанъ есть, другимъ же обычая, зане **безаконнымъ** отечествиемъ мнится»¹⁵.

В «Волынской летописи» однокоренные дериваты с начальным *без-* (*беззаконие*, *беззаконьныи*, *беззаконьникъ*) представлены в одном ряду в составе риторической фигуры, характерной для средневекового текста и используемой для подчеркивания, выделения необходимого содержания в структуре синтагмы: «Нача княжити в Литвѣ, оканьныи и **беззаконьньныи** прокляты

¹¹ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹² Там же.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 110.

¹⁴ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁵ Там же.

*немилостивыи Троидеи, егоже **беззаконья** не могохомъ писати срама ради, такъ бо бѣшетъ **беззаконникъ** яко и Антиохъ Соурьскыи»*¹⁶.

Согласно данным НКРЯ, лексема *беззаконныи* в летописных текстах употребляется значительно чаще, чем в других жанрах древнерусской письменности. Слово *беззаконникъ*, как книжное образование, чаще отмечается в текстах житий. Количественные различия в употреблении слова *беззаконие* в разных жанрах незначительны. Частотность употребления образований с начальным *без-* с основой *законъ* в процентах в разных жанрах древнерусской письменности приведена на рисунке.

К числу распространенных в древнерусских летописях дериватов изучаемого типа относится образование *безбожьныи* в значении «языческий, нехристианский», «нечестивый, связанный с вероотступничеством»¹⁷, зафиксированное в летописях 53 раза. Данное прилагательное не имеет соответствующей беспрефиксной формы, которая могла бы позволить интерпретировать форму *безбожьныи* как префиксальную модель, как в случае *безгрѣшныи* – *грѣшныи*. Поэтому данный дериват может осмысляться в структурном отношении только как соотносительный с существительным *Богъ*, однако в семантическом плане его связь со словом *Богъ* практически утрачивается, и оно выступает как деэтимологизированное образование.

Так как «словообразовательно маркируется то, что социально, культурно или биологически значимо в сознании народа» (Вендина, 2000: 26) и в фактах словообразования отражается система ценностных воззрений древних славян, то и негативирующий префикс *без-* в составе производного слова указывает на то, что важно в картине мира средневекового человека. В частности, отношение к Богу как наиболее значимой сущности с позиций основополагающего религиозного вероучения. В морализаторских отступлениях летописных текстов, которые носят публицистический характер, в эмоциональной форме летописец не только выражает отношение к завоевателям русской земли, но и объясняет причины различных бедствий нарушением божественных предписаний.

В качестве устойчивого эпитета образование *безбожьныи*, отличавшееся семантическим синкретизмом и тяготевшее к развитию качественных оттенков в семантике, использовалось для характеристики конкретных исторических персонажей, а также целых народов — завоевателей Русской земли: литовцев, половцев, монголо-татар, печенегов: «*Прииде второе Бонякъ **безбожьныи**, шолоудивыи, отаи, хыщникъ, къ Киеву внезапноу*»¹⁸; «*Безбожнии же сынове Измаилеви высѣкоши врата манастирю и устромишася по кѣльямъ*»¹⁹; «*Се бысть первое зло на Руськую землю от поганыхъ **безбожьныхъ** врагъ*»²⁰.

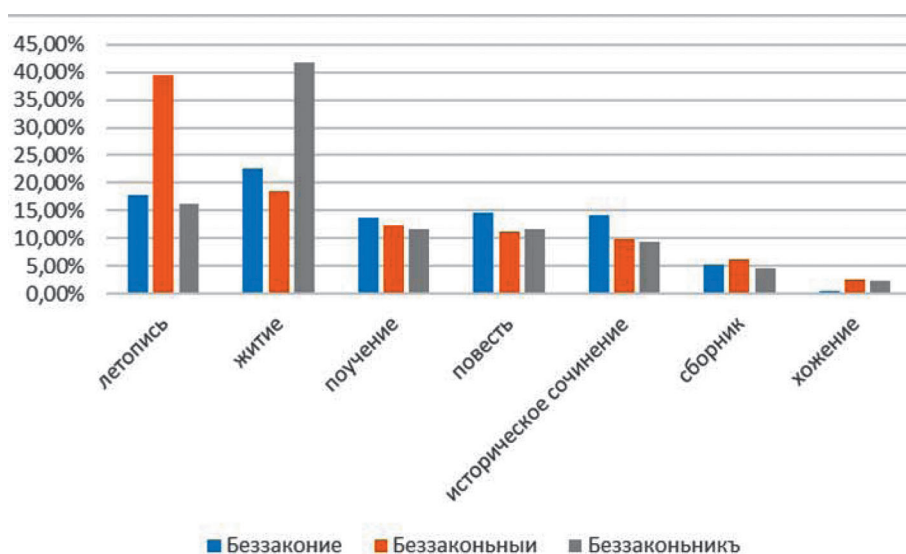
¹⁶ НКРЯ // Волинская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 93.

¹⁸ НКРЯ // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

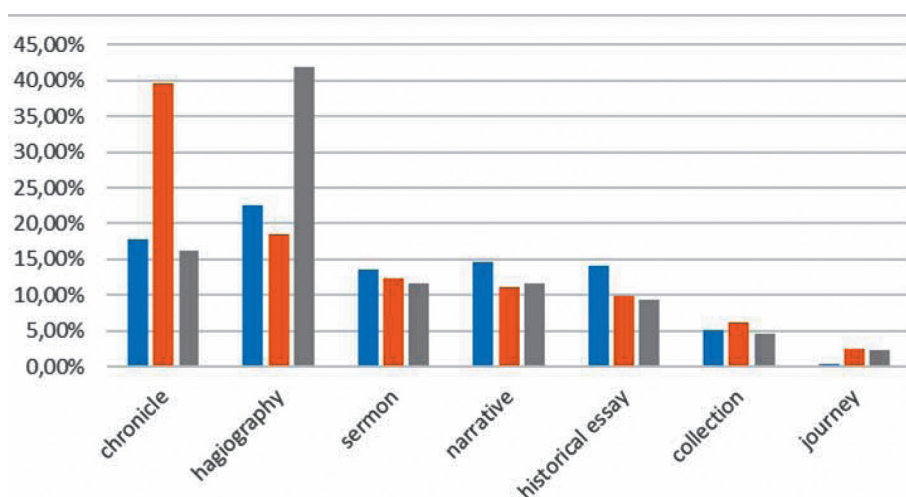
¹⁹ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁰ Там же.

Распределение лексем *беззаконие*, *беззаконный*, *беззаконник* по жанрам древнерусской письменности, %

Источник: составлено И.В. Ерофеевой, Ю.К. Лукояновой по информации из Национального корпуса русского языка.

Distribution of the lexemes *беззаконие*, *беззаконный*, *беззаконник* by genres of Old Russian writing, %

Source: compiled by I.V. Erofeeva, Yu.K. Lukoyanova based on information from National Corpus of the Russian Language.

Образование *безбожьный* часто отмечается и в субстантивном употреблении, поэтому соответствующее образование со значением лица *безбожьникъ* относится к числу единичных и отмечается в древнерусском подкорпусе НКРЯ всего один раз, в примере из Новгородской I летописи «Тогда же ганяшася оканьнии *безбожници*, от торжкоу серегърьскимъ поутемъ»²¹.

²¹ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL : <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения : 28.11.2024).

Подавляющее большинство примеров употребления прилагательного *безбожьными* в древнерусском языке приходится на тексты летописного жанра (табл.).

Распределение лекси́мы *безбожьнии* по жанрам древнерусской письменности, %

Жанр древнерусской письменности	Доля от общего числа употреблений в древнерусских текстах, %
Летопись	77,94
Житие	13,24
Историческое сочинение	4,41
Повесть	4,41

Источник: составлено И.В. Ерофеевой, Ю.К. Лукояновой по информации из Национального корпуса русского языка.

Distribution of the lexeme *безбожьнии* by genres of Old Russian writing, %

The genre of ancient Russian writing	Share of the total number of uses in Old Russian texts, %
Chronicle	77.94
Hagiography	13.24
Historical essay	4.41
Narrative	4.41

Source: compiled by I.V. Erofeeva, Yu.K. Lukyanova based on information from National Corpus of the Russian Language.

Образования *безумьными* – *безумие* являются достаточно частотными в древнерусском языке, хотя в языке летописей употребляются редко (4 и 7 словоупотреблений). Они распространены прежде всего в переводных памятниках или церковных текстах, связанных с книжно-славянской письменной традицией. В семантике данных дериватов заложено представление об отсутствии ума, однако ум в Древней Руси, по мнению В.В. Колесова, воспринимался несколько иначе, чем в современном мире: и как «собственно интеллектуальная сторона познания», и как «духовная сила души» (Колесов, 2011: 80–81). Именно в таком смысле прилагательное *безумьными* используется при характеристике князя Святополка, убившего братьев Бориса и Глеба и совершившего немало других злодеяний: «*Безумьнии же Святополкъ рече: „Елико же ляховъ по городомъ, избиваите я“*»²². В Суздальской летописи *безумьными* отмечается в субстантивированном употреблении в цитате из Соломона: «*Яко же пророкъ Соломонъ глаголетъ...кажа злыя приемлетъ собѣ досаженъе обличить безумнаго поречеть тя*»²³.

Образование *безумье*, соотносившееся исторически с формой *безумь* (Николаев, 1987: 42), переосмысливается как связанное с исходным *умъ*. В летописных текстах *безумье* реализует значение «безрассудство, сумасбродство»²⁴ при соотнесенности с семантически синкретичным *умъ* в значении

²² НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²³ НКРЯ // Суздальская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 127.

«рассудок»²⁵ и обозначает состояние как отдельного исторического персонажа: «Бысть же по сихъ Болеславоу князю, Ъще исполнишюся своего **безоумья**, и не престаяшеть злое творя»²⁶, так и народа в целом, например, в историко-этнографическом введении «Повести временных лет» при описании разделения языков вследствие Вавилонского столпотворения: «Адамовъ же языкъ бысть не отъять у Авера: то бо единъ не приложися къ **безумью** ихъ»²⁷.

В древнерусском языке фиксируется существительное *безумникъ* в значении «безумный, безрассудный человек»²⁸, но только в текстах поучений и житий, в летописях этого периода не отмечается.

Производные от основы *смерть* формы *бессмертье* – *бессмертныи* также более характерны для книжных жанров, в летописных текстах древнерусского периода отмечаются по 2 раза. Прилагательное *бессмертныи* развивает качественные оттенки в семантике, выражая не только значение «бессмертный», но и «вечный, бесконечный»²⁹. Данный адъектив выступает в роли устойчивого атрибута Бога, будучи обозначением качества, относящегося к высшей сущности или же к духовной внутренней сущности человека. Например, при описании кончины князя Владимир Васильковича: «И възрѣвъ на небо и въздавъ хвалу Богу, глаголя: „**Бесмъртныи** Боже, хвалю тебе о всемъ!“»³⁰.

Субстантив *бессмертье* употребляется в «Похвальном слове княгине Ольге», первой принявшей христианство. Смысл бессмертия праведника объясняется тем, что он признается и Богом, и людьми: «„Похваляему правѣдному възвеселятся людѣ“, **бесмертье** бо есть память его, яко от Бога познавается и от чловѣкъ»³¹.

К числу устойчивых атрибутов Бога относится и образование *безначальныи* в значении «существующий извечно, вне времени (о Боге)»³². В смысловой структуре данного адъектива содержится отсылка к философской концепции сущности Бога: «Отець, Богъ Отець, присно сии пребываетъ въ отечествѣ, нероженъ, **безначаленъ**, начало и вина всѣмъ»³³.

Только адъективной формой представлен конфиксальный дериват от основы *коньць*. Образование *бесконьчныи* входит в состав устойчивой формулы *радость бесконьчная*, связанной с описанием загробной жизни.

²⁵ Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка : в 3 томах. М., 1958. Т. III. С. 1213.

²⁶ НКРЯ // Волынская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁷ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁸ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 128.

²⁹ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 170.

³⁰ НКРЯ // Волынская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

³¹ НКРЯ // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 24.11.2024).

³² Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 120.

³³ НКРЯ // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

В древнейших текстах фиксируется образование *безгрѣшныи*, хотя частотность его употребления в изучаемый период, по данным НКРЯ, невысока как в летописях (2 примера), так и в других памятниках письменности (2 примера). Данное образование может осознаваться как префиксальное при адъективе *грѣшныи*, однако аналогия с другими формами, структурная и семантическая связь непосредственно с существительным *грѣхъ* способствуют его переосмыслению как образованного по модели на *без...ьныи*. Утверждение через отрицание понятия о грехе придает образованию высокую позитивную оценку. Только адъективными формами представлены производные образования *бессловесьныи* в значении «не владеющий речью, подобный животным»³⁴, *бесстыдныи* в значении «не знающий стыда, заслуживающий осуждения»³⁵:

Производное *бесцѣньныи* используется в летописных текстах в качестве определения к именам конкретного значения, обозначающим предметы церковного обихода: «*Яко не можемъ числа повѣдати съ праздничьными съсуды бесцѣньными*»³⁶. Образование *безмѣрьныи* соотносится со словом *мѣра*, в значении которого заключается отвлеченное представление о размере, количестве, мере; *безмѣрьныи* фиксируется в ранних летописях 1 раз в значении «чрезмерный, огромный»³⁷. Единичными примерами представлены формы *бесстрашныи* — «не внушающий страха, безопасный»³⁸, *безвиныи* — «неповинный, невиновный»³⁹, *беззлобие* — «незловивость, кротость»⁴⁰. Исключением для древнерусского периода является соотнесенность имен изучаемой структуры с основами конкретной семантики, например, *бездожгье* — «отсутствие дождя, засуха»⁴¹.

К числу частотных форм в летописном жанре относится образование *бесчисленьныи* (37 словоупотреблений), выступающее в виде *беицисленныи* в результате ассимиляции на стыке префикса и основы слова *число*. Оно образовано по модели *без...енн(ыи)*. В основном употребляется в составе устойчивой формулы *беицисленное множество*, которая может быть использована для характеристики как совокупности людей, так и большого количества предметов материального мира.

Заключение

Таким образом, к началу письменного периода в древнерусском языке формируется новый способ словообразования — конфикация. В материалах летописных сводов регулярно и последовательно употребляются именные

³⁴ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 169.

³⁵ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 174.

³⁶ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 115.

³⁸ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 173.

³⁹ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 97.

⁴⁰ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 111.

⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 107.

производные формы данного типа. Особое место среди них занимают образования с начальным *без-*, которые используются для номинации концептуально значимых для эпохи Древней Руси понятий, называемых через их отрицание и вследствие этого приобретающих важный аксиологический статус в картине мира средневекового периода.

В древнерусских летописях XI–XIV вв. производящими основами для образований с начальным *без-* были имена отвлеченной семантики. К числу самых частотных конфиксальных дериватов относились *беззаконными*, *беззаконие*, *бецисленными* и *безбожьными*. Другие образования с элементом *без-* в летописных источниках представлены небольшим количеством словоупотреблений. Однако уже в древнерусский период отмечается тенденция к расширению круга их производящих основ за счет включения в него имен конкретизированной семантики. Дальнейшее развитие языковой системы подтвердило жизнеспособность моделей с начальным *без-*, уже в старорусский период количество таких производных значительно увеличилось.

Исследование конфиксальных моделей в последующие периоды развития русского языка представляется перспективным направлением дальнейшего изучения производных имен с начальным *без-*, в процессе которого будет осуществлен анализ как путей формирования новых моделей, так и тенденций развития и расширения их словопроизводственной базы.

Список литературы

- Аминова А.А. О некоторых путях развития глагольной конфикации // Актуальные проблемы грамматики и лексикологии. Ч. 1. Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 1979. С. 126–134.
- Балалыкина Э.А. Конфиксальные образования с начальным *без-* в русском, польском и литовском языках // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 22–26. EDN: UGAWTR
- Вендина Т.И. Языковое сознание средневековья и возможности его реконструкции // Славяноведение. 2000. № 4. С. 25–32.
- Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалиева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М. : Флинта, 2019. 328 с. EDN: WLMXUP
- Гулько О.Г. Формирование и развитие конфикации в сфере русского субстантивного словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 63. № 5. С. 34–38. EDN: PJBBLR
- Дмитриева О.И., Левицкая А.Д. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 511–514. EDN: NCVLAN
- Ерофеева И.В., Пильгун М.А. Реконструкция этико-философского представления о любви в древнерусском языке (на материале летописного текста) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. № 2 (18). С. 94–105. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105> EDN: OQXEVG
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Флинта : Наука, 2011. 328 с.
- Камчатнов А.М. Введение в изучение русского исторического словообразования. М. : Директ-Медиа, 2022. 300 с. EDN: OVGCGG
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 книгах. Кн. 4. Мудрость слова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2011. 480 с. EDN: QWXHAV

- Косова В.А., Уханова Т.В. Конфиксальные прилагательные как маркер социальной значимости реалии // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 1 (43). С. 121–126. EDN: VVHYBP
- Левицкая А.Д. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфикация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 2 (16). С. 150–153. EDN: PUAPUJ
- Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с. EDN: ZCJWLF
- Марков В.М. Замечания о конфикации в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. Казань : ДАС, 2001. С. 104–109.
- Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М. : Высшая школа, 1984. 255 с.
- Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 1987. 152 с.
- Осильбекова Д.А. Семантика конфиксов // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1. С. 90–94. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-90-94> EDN: PKCPMY
- Рабибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XXI веке // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 276–299. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299> EDN: VTOOTD
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1976. URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/> (дата обращения: 11.11.2024).
- Bubekova L.B., Chupryakova O.A. Confixal verbs of Russian language: typology and paradigms // World Applied Sciences Journal. 2014. Vol. 30. № 11. Pp. 1562–1565. <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2014.30.11.14213> EDN: SKNMJH
- Dal Maso S., Piccinin S. Zero-derived forms in the mental lexicon: experimental evidence from Italian // Zeitschrift Fur Sprachwissenschaft. 2023. Vol. 42. № 1. Pp. 133–151. <https://doi.org/10.1515/zfs2022-2015> EDN: SNCGHZ
- Dotsenko O. Confixal word-formation rows with the suffix *-ment* // Ostrava Journal of English Philology. 2022. Vol. 14. № 1. Pp. 5–15. <https://doi.org/10.15452/OJoEP.2022.14.0001> EDN: MVNFUQ
- Ermanto E., Triwira Dhika V., Ardi H., Juita N. The use of confixes per-/an and pen-/an in the novel “Laskar Pelangi”: a corpus linguistic analysis // International Journal of Society, Culture & Language. 2024. Vol. 12. № 1. Pp. 239–255. <https://doi.org/10.22034/ijscl.2023.2011740.3175>
- Erofeeva I.V., Barashev A.K., Ariskina O.L. Derivative substantives in the media system of text-formation // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. ACO : 25. Extra 7. Pp. 282–288. <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009719> EDN: GEDBUM

Сведения об авторах:

Ерофеева Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: история русского языка, историческое словообразование, этимология, лингвокультурология. ORCID: 0000-0002-6702-9129. SPIN-код: 8921-7370. AuthorID: 319562. ResearcherID: AAO-3232-2020. ScopusID: 56260827900. E-mail: erofeeva89@mail.ru

Лукоянова Юлия Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008,

Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: историческая лексикология, историческое словообразование, языковая картина мира, культура русской речи. ORCID: 0000-0003-0229-2855. SPIN-код: 3497-2563. ResearcherID: D-6683-2015. ScopusID: 57213814456. E-mail: lukyulia@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-23-2-44-62

EDN: DVDOMC

Research article

Confixal derivatives with initial *bez-* in Old Russian chronicles

Irina V. Erofeeva^{}, Yulia K. Lukoyanova^{}

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

erofeeva89@mail.ru

Abstract. The study considers confixal derivatives with the initial *bez-* in the original monuments of the Old Russian language, chronicles. The relevance of the study is in the importance of analyzing history of new word-formation types in the Russian language, which subsequently enriched the word-formation system with new models. Based on the research of Kazan linguists in the field of historical word formation, the authors prove the functional status of a unified two-element word-formation morpheme and its derivational potential in the history of the Russian language. The aim of the study is a comprehensive structural-semantic, functional, and conceptual analysis of confixal nominal forms with the initial *bez-* in the Old Russian language. The material of the study is the collection of the 11th-14th century chronicle texts in the historical corpus of Russian National Corpus. The aim was achieved with the following methods: historical, linguistic-textological, cognitive methods, the method of component analysis of semantics. As a result, we established that chronicle texts contain confixal derivatives with the initial *bez-* in three main word-formation types: (a) nouns with the meaning of action/state with the second element *-ie*; (b) nouns with the meaning of person with the second element *-bnikъ*, and (c) adjectives with the second element *-bnyi*. The model with *bez-* implements a new principle of cognition, through dialectical negation of contradictions. In the initial written period, these forms had stylistic marking due to their complex morphemic structure, connection with Greek calques, and their Old Church Slavonic nature. Initially, nouns and adjectives with abstract semantics were used as productive bases for confixal derivatives. Therefore, the most common in Old Russian chronicles were derivatives with the initial *bez-* (*bezzakon'nyi* 'unlawful', *bezzakonie* 'lawlessness', *beschislennyi* 'innumerable', *bezbozh'nyi* 'godless'). The prospects of the research consist in examining the ways of further development of confixal derivatives with the initial *bez-* in the Old Russian period from the 15th to the 17th centuries both in terms of the new models and of expanding the word-formation base with names of a specific meaning.

Keywords: confix, word formation, the Old Russian language, historical corpus, stylistic marking, linguistic picture of the world

Contributions: Erofeeva I.V. — idea formation, formulation and development of key goals and objectives, conducting research, collecting data, analyzing and interpreting the data obtained, drafting the article; Lukoyanova Yu.K. — text preparation and editing.

Conflict of interest. The authors have no conflicts of interest to declare.

Article history: received 02.11.2024; accepted 16.02.2025.

For citation: Erofeeva, I. V., & Lukoyanova, Yu. K. (2025). Confixal derivatives with initial bez- in Old Russian chronicles. *Russian Language Studies*, 23(2), 241–256. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274>

References

- Aminova, A. A. (1979). On some ways of development of verbal confixation. In *Actual problems of grammar and lexicology*. Pt. 1 (pp. 126–134). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.).
- Balalykina, E. A. (2015). Confixal formations with initial bez- in Russian, Polish and Lithuanian. *Philology and Culture*, 3, 22–26. (In Russ.). EDN: UGAWTR
- Bubekova, L. B., & Chupryakova, O. A. (2014). Confixal verbs of Russian language: Typology and paradigmatics. *World Applied Sciences Journal*, 30(11), 1562–1565. <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2014.30.11.14213> EDN: SKNMJH
- Dal Maso, S., & Piccinin, S. (2023). Zero-derived forms in the mental lexicon: Experimental evidence from Italian. *Zeitschrift Fur Sprachwissenschaft*, 42(1), 133–151. <https://doi.org/10.1515/zfs2022-2015> EDN: SNCGHZ
- Dmitrieva, O. I., & Levickaja, A. D. (2010). Dynamics of semantic-word-formation subsystems of the Russian language. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 511–514. (In Russ.). EDN: NCVLAH
- Dotsenko, O. (2022). Confixal word-formation rows with the suffix -ment. *Ostrava Journal of English Philology*, 14(1), 5–15. <https://doi.org/10.15452/OJoEP.2022.14.0001>. EDN: MVNFUQ
- Ermanto, E., Triwira Dhika JR, V., Ardi, H., & Juita, N. (2024). The use of confixes Per-/an and PeN-/an in the Novel Laskar Pelangi: A corpus linguistic analysis. *International Journal of Society, Culture & Language*, 12(1), 239–255. <https://doi.org/10.22034/ijscel.2023.2011740.3175>
- Erofeeva, I. V., Barashev, A. K., & Ariskina, O. L. (2020). Derivative substantives in the media system of text-formation. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 25(7), 282–288. <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009719>. EDN: GEDBUM
- Erofeeva, I. V., & Pil'gun, M. A. (2024). Reconstruction of the ethical and philosophical idea of love in the Old Russian language (based on the material of the chronicle text). *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, (2), 94–105. <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105> (In Russ.). EDN: OQXEVG
- Gabdreeva, N. V., Ageeva, A. V., & Timirgaleeva, A. R. (2019). *Foreign vocabulary in the Russian language of the modern period*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.). EDN: WLMXUP
- Gun'ko, O. G. (2012). Formation and development of confixation in the sphere of Russian substantive word formation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 63(5), 34–38. (In Russ.). EDN: PJBBLR
- Kamchatnov, A. M. (2022). *Introduction to the study of Russian historical word formation*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russ.). EDN: OVGCG
- Kolesov, V. V. (2011). *Ancient Russia: heritage in the words*: in 5 vols. Vol. 4. *Wisdom of the word*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPBGU; Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.). EDN: QWXHAV
- Kosova, V. A., & Uhanova, T. V. (2016). Confixal adjectives as a marker of social significance of reality. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, (1), 121–126. (In Russ.). EDN: VVHYBP
- Levitskaya, A. D. (2012). Dynamics of word-formation processes: verb prefixation and confixation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, (2), 150–153. (In Russ.). EDN: PUAPUJ

- Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (2016). *Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russ.). EDN: ZCJWLF
- Markov, V. M. (2001). Notes on confixation in modern Russian. In *Markov V.M. Selected works on the Russian language* (pp. 104–109). Kazan: DAS Publ. (In Russ.).
- Nemchenko, V. H. (1984). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ.).
- Nikolaev, G. A. (1987). *Russian historical word formation*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.).
- Osil'bekova, D. A. (2020). The semantics of the confix. *Russian language at school*, 81(1), 90–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-90-94> EDN: PKCPMY
- Ratsiburskaya, L. V. (2019). Word-building science in Russia in the XXI century. *Russian Language Studies*, 17(3), 276–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299> EDN: VTOOTD
- Rozental', D. E., & Telenkova, M. A. (1976). *Dictionary and reference book of linguistic terms*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.). <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/>
- Vendina, T. I. (2000). Linguistic consciousness of the Middle Ages and the possibilities of its reconstruction. *Slavyanovedenie*, (4), 25–32. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2011). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Flinta : Nauka Publ. (In Russ.).

Bio notes:

Irina V. Erofeeva, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. *Research interests*: history of the Russian language, historical word formation, etymology, linguoculturology. ORCID: 0000-0002-6702-9129. SPIN-code: 8921-7370. AuthorID: 319562. ResearcherID: AAO-3232-2020. ScopusID: 56260827900. E-mail: erofeeva89@mail.ru

Yulia K. Lukoyanova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. *Research interests*: historical lexicology, historical word formation, linguistic picture of the world, culture of Russian speech. ORCID: 0000-0003-0229-2855. SPIN-code: 3497-2563. ResearcherID: D-6683-2015. ScopusID: 57213814456. E-mail: lukyulia@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-275-289

EDN: DVFEQL

Научная статья

Окказионализмы как средство создания языковой игры в мультипликационном сериале «Фиксики»

А.В. Спиридонов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*
 aleshandro@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что требуется детальное рассмотрение окказиональной лексики в современных российских мультипликационных сериалах и определение ее деривационной специфики. Цель исследования — дать структурно-семантическую характеристику окказионализмов в мультипликационном сериале «Фиксики» с позиций казанской лингвистической школы о способах словообразования, а также выявить роль данных единиц в языковой игре со зрителем. Материал исследования, впервые введенный в научный оборот, — индивидуально-авторские новообразования, функционирующие в мультипликационном сериале «Фиксики». В работе использованы описательно-аналитический метод и метод сплошной выборки, а также методы и приемы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа. Установлены узуальные (префиксация, суффиксация, сложение и его разновидности) и незуальные (гендиадис, конверсия, палиндром, диереза, контаминация, заменительная деривация) способы создания окказионализмов, выявлена их продуктивность. Определено, что окказионализмы с элементом «фикси» в мультипликационном сериале наиболее частотны, они образуют словообразовательное гнездо. Обнаружено, что возраст персонажа обратно пропорционален частотности употребления окказионализмов в речи. Показано, что индивидуально-авторское словотворчество позволяет сделать мультипликационный сериал «Фиксики» интересным для детей, привлечь их внимание. Доказано, что индивидуально-авторское словотворчество в данном мультфильме обусловлено в первую очередь языковой игрой. Перспективы работы состоят в увеличении исследовательской базы за счет сопоставления окказионализмов с другими языковыми единицами «Фиксиков», служащими целям языковой игры, а также в сопоставлении новообразований, представленных в данном мультфильме, с окказионализмами, функционирующими в других мультипликационных сериалах.

Ключевые слова: индивидуально-авторские новообразования, языковой эксперимент, структура, семантика, стилистика, современные российские мультфильмы, русский язык

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 04.10.2024; принята к печати 02.02.2025.

© Спиридонов А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Спиридонов А.В.* Окказионализмы как средство создания языковой игры в мультипликационном сериале «Фиксики» // *Русистика*. 2025. Т. 23. № 2. С. 275–289. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-275-289>

Введение

Языковая игра, как известно, представляет собой явление, когда говорящий «играет» с формой речи. Она может реализовываться в виде шуток, каламбуров, различных тропов. По мнению М.В. Радченко, «языковая игра — одна из форм лингвокреативной деятельности, представляющая собой творческое, неконвенциональное использование моделей и структур языка» (Радченко, 2024: 418). Данное явление реализуется в т.ч. в окказиональном словотворчестве.

Индивидуально-авторские новообразования встречаются в различных сферах жизни. Одни ученые изучают новации в интернет-коммуникации (Жданова, Рацибурская, 2024; Борисова, 2018; Алешина, 2014), другие — в сфере медиа (Рацибурская, Жданова, 2021; Никитина, Савченко, 2016), в т.ч. в публицистических текстах писателей (Степашкина, 2014; Шевченко, 2019), третьи — в художественных текстах (Зарипова, 2023; Никульцева, 2011).

Отдельно стоит выделить исследования, посвященные созданию окказионализмов детьми. Например, еще Лев Толстой считал, что «[ребенок] сознает законы образования слов лучше нас, потому что никто так часто не выдумывает новых слов, как дети» (Толстой, 1936: 70). Говоря о том, что «многие неологизмы ребенка нередко свидетельствуют лишь о его неспособности освоить на первых порах те или иные отклонения от норм грамматики, свойственные общепринятой речи», К.И. Чуковский отмечал, что при этом «несомненна огромная речевая одаренность ребенка» (Чуковский, 2001: 9). Можно сказать, что именно он первым стал анализировать детские новообразования, выделяя словообразовательные, лексические и морфологические неологизмы (Даниленко, 2010).

В современной лингвистической науке активно изучаются как индивидуально-авторские детские новообразования в целом (Кононова, 2011; Рожнова, 2011), так и окказионализмы, функционирующие в произведениях детских писателей (Банникова, Бодрова, 2024), мультфильмах и книгах для детей (Веселовская, 2022). Однако лингвисты достаточно редко обращаются к словотворчеству в мультипликации (Айтматова и др., 2022), в т.ч. в речи конкретных персонажей мультипликационных фильмов (Реброва, Гегелова, 2023).

Что касается языковых особенностей текстов «Фиксиков», то они практически не изучены. В качестве примера можно привести лишь статью Г.В. Мироновой и Т.В. Тороповой (Миронова, Торопова, 2019), которая посвящена особенностям перевода с русского языка на английский язык имен собственных, функционирующих в данном мультфильме.

Актуальность исследования состоит в том, что требуется решить ряд задач в области языковой игры и окказионального словообразования: определить наиболее частотные узусальные и неузусальные модели, выявить игровой потенциал и частеречную принадлежность указанных единиц, установить причины их создания.

Кроме того, существует необходимость более детально рассмотреть окказиональную лексику в современных российских мультипликационных сериалах и определить ее особенности. Актуальность исследования заключается также в выборе материала исследования — мультипликационном сериале «Фиксики», ранее не становившемся предметом специального анализа в указанном аспекте. Новообразования изучаются с учетом мнения казанской лингвистической школы о специфике словообразовательных моделей¹, поскольку КЛШ занимает важное место в российском и мировом языкознании, а ее представители до сих пор трудятся в Казанском (Приволжском) федеральном университете, сотрудником которого является автор данной статьи.

Цель исследования — дать структурно-семантическую характеристику окказионализмов в мультипликационном сериале «Фиксики» с позиций казанской лингвистической школы о способах словообразования, а также выявить роль данных единиц в языковой игре со зрителем.

Методы и материалы

Основные методы исследования — описательно-аналитический, а также сплошная выборка. Проанализированы индивидуально-авторские новообразования, извлеченные из речи персонажей мультипликационного сериала «Фиксики». Указанные единицы проверены на предмет окказиональности в различных словарях, в т.ч. в интернет-гlossариях, а также в поисковых системах Google и Яндекс.

Кроме того, в работе были использованы методы и приемы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа для выявления деривационной природы новообразований, уточнения выполняемых функций и определения стилистической окраски.

Материалом для анализа послужили тексты «Фиксиков» — одного самых популярных современных российских мультипликационных сериалов, созданного в 2010 г. по мотивам повести Э. Успенского «Гарантийные человечки». Всего на предмет наличия лексических новаций было проанализировано 250 серий «Фиксиков», а также два полнометражных мультипликационных фильма: «Фиксики: Большой секрет» и «Фиксики против крабатов». Обращение к данному мультсериалу объясняется его репрезентативностью, поскольку создатели «Фиксиков» активно используют языковую игру, в т.ч. окказиональное словотворчество, новообразования при этом звучат в речи детских персонажей.

Результаты

Установлено, что для создания окказионализмов сценаристы мультсериала «Фиксики» используют различные способы создания новообразований. Есть окказионализмы, образованные путем префиксации, в частности пре-

¹ Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1985. 184 с.

фиксоидации, суффиксации, сложения и его разновидностей (сложения с интерфиксацией, сложения с наложением и сложносуффиксального способа).

Выявлено, что авторы сценария для создания новообразований используют такие неузуальные способы, как гендиадис, конверсия, палиндром, диереза, контаминация и заменительная деривация. Одни из них являются фонетическими, незначительно трансформирующими исходные лексические единицы, другие объединяют между собой несколько узуальных единиц.

Определено, что окказионализмы звучат в речи детских персонажей, а их количество обратно пропорционально возрасту героя. Чаще всего индивидуально-авторские новообразования можно услышать в речи самого младшего из «фиксиков» — 5-летнего Нолика, реже — в речи более взрослых персонажей.

Наконец, в статье доказано, что каждый раз при использовании окказионализма мы имеем дело с языковой игрой, используемой сценаристами анализируемого мультипликационного сериала.

Обсуждение

Узуальные способы создания новообразований

1) Для создания окказионализмов в мультсериале используется **префиксальный** способ словообразования, причем к основе может присоединяться не только префикс, но и префиксоид:

— *Я Вам уже говорил про подарок на день рождения?* — спрашивает родителей Дим Димыч.

— *Говорил, но всего лишь тысячу раз!* — отвечает мама Дим Димыча.

— *Роботозоид R-300 радиоуправляемый с **мегазрением**!* — восклицает Дим Димыч. (Робот). Модель: *мега-* + *зрени(е)*. Скорее всего, речь идет о способности видеть в темноте. Это в целом соотносится с мнением Н.В. Крушевского о том, «что приставка в отличие от суффикса свободно присоединяется к словам разных частей речи и имеет более определенное значение» (Николина, 2015: 65).

В основном первым элементом в структуре новообразований является заимствованный англоязычный префиксоид «фикси». Это соотносится с мнением А.В. Агеевой о том, что среди «доминирующих языков-источников» в русском языке «в синхронном плане лидируют англицизмы» (Агеева, Абдуллина, Габдреева, 2023: 396–397).

Например, для обозначения специальной песни фиксиков для мобильного телефона используется следующий окказионализм:

*А сейчас **фикси-рингтон**!* (Сотовый телефон). Модель: *фикси-* + *рингтон*.

Чтобы назвать специальный планшетный компьютер, используется следующее новообразование:

— *Это мой **фикситаб**. Ой, это же у нас урок в школе, бежим!* — восклицает Симка. (Навигатор). Модель: *фикси-* + *таб*.

Для обозначения специальной летающей доски создается новое слово:

– Держи, Файер, свой **фиксиборд**, я в него подушку безопасности поставил, — говорит Дедус. (Подушка безопасности). Модель: *фикси-* + *борд*.

Наконец, даже для обозначения рода занятий может использоваться окказионализм с компонентом «фикси»:

– А Вы знаете, что мы с Гиком лучшие **фикси-парашютисты**? — спрашивает Флик.

– Не может быть! — отвечает Симка.

– Мы и Вас прыгать научим! — предлагает Гик. (Парашют). Модель: *фикси(к)* + *парашютист*.

2) Для создания новообразований авторами используется **суффиксация**. Этим способом создано наименование главных героев, с которыми нас знакомят в первой серии:

– Вот это да! А кто вы такие? — спрашивает Дим Димыч.

– **Фиксики!** — отвечают Симка и Нолик. (Винтики).

Модель: *фикс* (англ. *fix*) + *-ик*.

Суффиксация может использоваться для обозначения специального прибора, в котором находятся инструменты «фиксиков»:

– А ты где была? — спрашивает Дим Димыч.

– Я бегала за **помогатором** — отвечает Симка. (Пульс). Модель: *помога(ть)* + *-тор*.

Суффиксация может использоваться и в том случае, если герой не знает, как именно называется та или иная профессия. В основном такие слова относятся к речи Нолика — самого маленького из фиксиков. Например:

– Ну, ты прямо настоящий **чертильник!** — восклицает Нолик.

– Не **чертильник**, а чертежник! — поправляет его Дим Димыч. (Чертеж). Модель: *черти(ть)* + *-ник*.

В некоторых случаях звучит несколько вариантов наименования лица при отсутствии узуального наименования:

– У нас важное дело, маленьким туда нельзя! — говорит Симка.

– Почему? — спрашивает Нолик.

– Оно очень ответственное, но скучное, а ты нетерпеливый, будешь всем мешать! — отвечает Симка.

– Я? Да я самый главный **терпец, терпун, терпеливец!** — восклицает Нолик. (Вода). Модель: *терпе(ть)* + *-ец, -ун; терпелив(ый)* + *-ец*.

При помощи суффиксации могут создаваться и абстрактные имена существительные. Например, в следующем контексте Дим Димыч, похожий на безумного профессора, пытается создать эликсир роста для своей собаки Кусачки:

– Сперва добавим **углеродия**, теперь немного **бутербродия**, — говорит Дим Димыч. (Зубная щетка). Модель: *углерод / бутерброд* + *-иј*.

Наконец, суффикс может присоединяться к окказиональной основе, например:

– А! Мой подарок! **Роботозоид R-300!** Супер! — восклицает Дим Димыч. (Робот). Модель: **роботоз* + *-оид*. Либо здесь идет речь о вставке эле-

мента *-оз-* в разговорную основу *роботоид* (в значении *робот-андроид*). Здесь мы находим подтверждение словам ученых КЛШ о том, что морфемы подвижны, а их исторические границы изменчивы (Николина, 2015: 66–67).

3) **сложение** — один из распространенных узуальных способов создания новообразований в анализируемом мультипликационном сериале, как и в узусе в целом. Этот факт подтверждает Н.А. Николина, указывающая на то, что, «каждое третье новое слово образуется именно этим способом (Николина, 2024: 395). В данном случае мы имеем дело с принципом экономии, который, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «является одним из факторов изменений в языке», при этом он связан «со стремлением к удобству» (Бодуэн де Куртенэ, 1964: 268).

В мультсериале может использоваться сложение с интерфиксацией. Например, в следующем контексте, описывающем неизвестное науке животное:

- *Возраст образца 10000 лет, явно птица!* — говорит *Игрек*.
- *Рогатая птица? Брось!* — отвечает *Гик*.
- *Странно ... 100000? Похоже, змея,* — продолжает *Игрек*.
- *С крыльями?* — спрашивает *Шпуля*.
- *А здесь? Миллион? Тогда рыба!* — восклицает *Игрек*.
- *Змеерыбоптиц? Такое бывает?* — вновь спрашивает *Шпуля*. (Кости).

Модель: *зме(я) + -е- + рыб(а) + -о- + птиц(а)*.

Авторами может использоваться и сложение с наложением, когда повторяющийся элемент в окказионализме используется только один раз. Например, этим способом создан следующий окказионализм со значением ‘роботы, которые похожи на крабов’:

- *Внимание! Мои маленькие помощники — **кработы!*** — восклицает *Эрика*. (Фиксики против крабов). Модель: *краб + бот*.

Наконец, в качестве разновидности сложения может использоваться сложносuffixальный способ. Например, в следующем контексте, в котором Нолик не знает, какой предмет находится перед ним, поэтому начинает перечислять все предметы, в т.ч. придумывая несуществующее наименование:

- *Что это? Кофемолка? Мясорубка? **Пяткоческа?*** — спрашивает *Нолик*.
- *Что это?* — спрашивает в ответ *Дедус*.
- *Ну, чтобы ноги чесать,* — отвечает *Нолик*.
- *Нет, это музыкальная шкатулка!* — восклицает *Дедус*. (Музыкальная шкатулка). Модель: *чеса(ть) пятк(и) + -о- -к*.

Схожий пример встречаем и в другом контексте:

- *Добавим, ... наконец, **лохматобородия,*** — говорит *Дим Димыч* (Зубная щетка). Модель: *лохмат(ая) бород(а) + -о- -иј*.

Неузуальные способы создания новообразований

В речи героев мультсериала «Фиксики» нам встретилось большое количество окказионализмов, созданных неузуальными способами. Рассмотрим их подробнее.

1. В мультфильме «Фиксики против крабов» нам встретился окказионализм, образованный при помощи **гендиадиса**. Данный способ И.С. Улуханов

называет «заменой фоном или комбинацией неморфемного усечения с добавлением фоном» (Улуханов, 1996: 79). Так, главный антагонист Эрика говорит профессору Чудакову о том, что знает фиксиков, а профессор, в свою очередь, делает вид, что не понимает, о ком идет речь:

– Тебе помогли фиксики! — восклицает Эрика.

– Кто-кто? **Пиксики**? — переспрашивает Чудаков. (Фиксики против крабовов).

2. В мультсериале нам встретился единичный случай **конверсии**, заключающийся в переходе слов из одной части речи в другую (в указанном случае междометие начинает выполнять функцию имени существительного):

– Я к докладу готовился: птиц фотографировал. Вот тут, понятно, воробей. Тут сойка. Вот синица. Смешная, да? И самое главное, па-ба-ба-бам! Ой! — говорит Дим Димыч.

– Это что? — спрашивает Симка.

– Я снегирия хотел сфотографировать! — отвечает Дим Димыч.

– А получился какой-то **пабабабам**! — восклицает Нолик. (Сенсорный экран).

В данном контексте окказионализм **пабабабам** означает неприятности, неудачу, используется в ситуации, когда что-то пошло не по плану.

3. К неузуальным способам создания окказионализмов можно отнести **палиндром**, или «слова-перевертыши». Этот прием распространен в детской литературе, достаточно вспомнить советский мультфильм-сказку «Королевство кривых зеркал», в котором есть Оля и ее двойник Яло, а также такие персонажи, как Гурд, Нушрок, Анидаг, Абаж, Аксал и др. Если в этой сказке палиндром используется для того, чтобы показать истинный характер героев, то в нашем случае он необходим для того, чтобы скрыть информацию от посторонних и помочь создать детский «тайный» язык:

– Новенькие, что несем? — спрашивает Файер.

– Ничего! Ничего особенного, — отвечает Гик.

– Помочь? — снова спрашивает Нолик.

– Мы сами! Нам пора, а то не успеем **зирпрюс** доделать. Пока! — прощается Гик.

– Пока! — прощается в ответ Нолик.

– **Зирпрюс**? Первый раз слышу! А ты? — спрашивает Нолика Файер.

– **Котолом** взял? — спрашивает Флика Гик. (Шифр).

В данном контексте легко угадываются слова сюрприз и молоток, а их реверсивное написание позволяет Гику скрыть информацию от Нолика и Файера.

4. Еще одним способом создания окказионализмов является **диереза** — выпадение одного или нескольких звуков в слове. Например, в следующем контексте Нолик неосознанно создает новообразование, упрощая узуальное слово:

– Дим Димыч, друг, а вот и я, как дела? — спрашивает Нолик.

– *Какая тебе разница?* — спрашивает в ответ Дим Димыч.

– *Между прочим, я придумал, как послушать сердце. Нужна трубка такая: **фонескоп!*** — восклицает Нолик.

– *Фонендоскоп! Но у меня его нет,* — говорит Дим Димыч.

– *А я на что?* — задает вопрос Нолик. (Сердце). Модель: *фоне[ндо]скоп*.

5. К распространенным способам создания окказионализмов относится **контаминация** — объединение двух частично сходных элементов. Например, с ее помощью создан следующий окказионализм со значением ‘шариковая ручка, которая плохо пишет и портит бумагу’:

– *Это не ручка, а **рвучка** какая-то!* — восклицает Нолик (Шариковая ручка). Модель: *ручк(а) + рва(ть)*.

В другом случае путем контаминации создается название оружия:

– *Смотри, какую мы стрелялку нашли!* — восклицает Файер.

– *Эх ты, двоечник, даже названия не знаешь! Это катапульта,* — возражает Симка.

– ***Катапулька?*** — спрашивает Нолик.

– *Не **катапулька**, а катапульта!* — отвечает Симка. (Катапульта). Модель: *катапульт(а) + пульк(а)*. В этом примере мы имеем дело с народной этимологией, открытой И.А. Бодуэном де Куртенэ и называемой им также «народным словопроизводством» (Щуклина, 2017: 272).

Путем контаминации может быть создано слово, в семантике которого соединяются название предмета и наименование профессии:

– *Ну ты, Дим Димыч, просто **папарацци** какой-то!* — восклицает Симка.

– *Папарацци? Это кто по миллиону за один снимок зарабатывает?* — спрашивает Дим Димыч.

– *Ну да! И кому плевать на всех, кроме своих **фотоаппараций!*** — отвечает Симка. (Фотоаппарат). Модель: *фотоаппарат + папарацци*.

Наконец, путем контаминации может создаваться шуточное «королевское» обращение к персонажу:

– *Ваше **Вертичество!** Красную дорожку достали,* — сообщает Файер.

– *Ну, так стелите!* — приказывает Верта. (Звезда). Модель: *Верта (имя) + велиществ(о)*. Контаминация.

6. Еще один неузальный способ, к которому прибегают авторы «Фиксиков» при создании окказионализмов, — это **заменительная деривация**, также называемая деривацией по конкретному образцу. Е.А. Земская, говоря о данном способе, отмечает, что «в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза» (Земская, 2009: 194). О словообразовании по конкретному образцу говорит и М.А. Михайлов, выделяющий формальные критерии (фонетическое сходство с образцом) и семантические — наличие «семантического компонента ... составляющего постоянно идиоматическое приращение конкретного слова такой структуры» (Михайлов, 1989: 72). Отметим, что словообразова-

тельная структура индивидуально-авторского новообразования при этом отличается прозрачностью.

Рассмотрим следующий контекст, в котором речь идет о вымышленном существе, употребляющем в пищу фиксиков:

– *Ой! Здесь кто-то есть!* — с испугом говорит Нолик.

– *Это, наверное, **фиксоед**!* — пугает его Симка.

– *А кто такой **фиксоед**?* — спрашивает Нолик.

– *Это такое чудовище, которое ест фиксиков,* — отвечает Симка. (Вентилятор). Модель: *фиксик + -о- + ес(ть)*, ср. с *людоед*.

В другом случае прослеживается явная связь со словами космонавт и астронавт:

– *Первый в мире **фиксонавт** Нолик, готов ли ты к полету в космос?* — спрашивает Файер.

– *Готов!* — отвечает Нолик. (Катапульта).

Отдельно отметим, что окказионализмы с префиксоидом «фикси» — самые многочисленные в мультсериале, они встречаются чаще остальных, образуя целое словообразовательное гнездо. Е.М. Маркова говорит о компрессионной функции английских заимствований (Маркова, 2024: 379), которая в данном случае реализуется в полной мере, поскольку намного проще сказать заимствованное слово «фиксик», чем постоянно использовать словосочетание «гарантийные человечки». Некоторые такие окказионализмы уже были проанализированы выше, здесь же мы перечислим еще несколько примеров. Это могут быть новообразования, созданные путем префиксоидации, суффиксации и других способов. Часто можно встретить группу окказионализмов с элементом «фикси» в небольшом отрезке текста:

– ***Фиксифон** — это умный телефон **фиксиков**. По нему **фиксик** не только звонят друг другу, но и выходят в специальный **фиксиковый Интернет**. В **фиксифоне** есть и камера, и фонарик, и новости, и игры, и фильмы, и **фиксипелки** — любимые песенки **фиксиков**,* — рассказывает Симка. (Фиксифон).

На наш взгляд, данный факт в полной мере соотносится с мнением И.С. Улуханова о том, что «отсутствующие производные слова в русском языке ... могут быть заполнены новыми лексическими единицами, образованными по узуальным или окказиональным словообразовательным моделям» (Улуханов, 1996: 203–204).

Заключение

Таким образом, окказионализмы как часть языковой игры в мультсериале «Фиксики» созданы при помощи разных словообразовательных способов, деривационная структура большинства из них при этом прозрачная, поскольку данные лексические единицы должны быть правильно интерпретированы целевой аудиторией «Фиксиков» — детьми. Языковые особенности большин-

ства окказионализмов соответствуют представлениям КЛШ о языковых законах в целом и специфике морфем в частности.

Среди всех окказионализмов, встреченных нами в мультсериале, наиболее распространены неолексемы с префиксоидом «фикси», они образуют словообразовательное гнездо, что объясняется необходимостью описать целый мир этих волшебных существ. В основном такие единицы — имена существительные, поскольку чаще всего речь идет о различных предметах и устройствах, которыми пользуются данные герои.

Что касается остальных окказионализмов, то они также преимущественно являются именами существительными и используются детскими персонажами. Причины употребления окказионализмов могут быть различными: от незнания правильного варианта или отсутствия узуальной лексики в речи самых маленьких персонажей до попытки скрыть информацию от посторонних или сиронизировать в речи более взрослых героев.

Несмотря на многообразие причин создания окказионализмов авторами «Фиксиков», в целом они соответствуют основным принципам языковой игры, проявляющимися в установке на креативность и намеренном отступлении от языкового стандарта. Регулярное обращение сценаристов мультипликационного сериала к индивидуально-авторскому словотворчеству позволяет добиться главного — сделать «Фиксиков» интересными для детей, привлечь их внимание, включить в решение несложных, но увлекательных лингвистических головоломок. Возможно, в этом состоит одна из причин того, что данный мультипликационный сериал существует 15 лет, а его авторы каждый год продлевают жизнь экранных героев, выпуская все новые серии.

Перспектива исследования состоит в расширении исследовательской базы за счет сравнения окказионализмов с прочими языковыми единицами, представленными в «Фиксиках» и служащими целям языковой игры. В дальнейшем также планируется осуществить сопоставление рассмотренных единиц и неолексем, извлеченных из других современных российских и зарубежных мультипликационных сериалов: «Маша и медведь», «Смурфики», «Дракоша Тоша» и др.

Список литературы

- Агеева А.В., Абдуллина Л.Р., Габдреева Н.В. Функционал и семантика иноязычной лексики быти-сферы в современном русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 393–405. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405> EDN: GBAYSQ
- Айтматова Г.А., Мамытова Г.З., Бисерова А.Х., Каримова Т.У. Особенности окказионализмов в детских мультипликационных и анимационных фильмах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Л.А. Араевой. М. : Изд-во ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 94–102. EDN: XWARQP
- Алешина А.А. Словообразовательные окказионализмы в русском языке (на базе интернет-ресурса) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 163–165.

- Банникова П.В., Бодрова Е. В. Неологизмы и окказионализмы в произведениях детских писателей // Юный ученый. 2024. № 4 (78). С. 1–3. EDN: MRVDSU
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М. : Просвещение, 1964. С. 263–283.
- Борисова И.В. Современные тенденции процесса окказионального словообразования в интернет-общении // Litera. 2018. № 3. С. 281–288. EDN: YZITOP
- Веселовская А.С. Окказионализмы в мультфильмах и книгах для детей // Ratio et Natura. 2022. № 1 (5). EDN: KJMCOI
- Даниленко В.П. Типология детских неологизмов (на материале книги К.И. Чуковского «От двух до пяти») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 80–85. EDN: MUIMZH
- Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 350–362. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-348-362> EDN: RRNCCG
- Заринова Г.Т. Роль авторских неологизмов в русской художественной литературе // Ренессанс в парадигме новаций образования и технологий в XXI веке. 2023. № 1 (1). С. 285–286. <http://doi.org/10.47689/XXIA-TTIPR-vol1-iss1-pp285-286> EDN: WHYOMI
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с. EDN: RTDQPI
- Кононова Ю.Н. Детское окказиональное слово как единица неологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskoe-okkazionalnoe-slovo-kak-edinitsa-neologii> (дата обращения: 20.12.2024). EDN: OOFMNB
- Маркова Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 375–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391> EDN: SMXPSU
- Миронова Г.В., Торопова Т.В. Особенности адаптации имен собственных при переводе с русского на английский (на примере перевода имен персонажей мульт-сериала «Фиксики») // Филологический аспект: Методика преподавания языка и литературы. 2019. № (4). С. 97–101. EDN: THKXEO
- Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. Красноярск : Изд-во КГУ, 1989. 162 с.
- Никитина И.Н., Савченко Е.С. Функции окказиональных слов. Окказионализмы в системе образности публицистического стиля // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2016. С. 19–22. EDN: WXSETD
- Николина Н.А. Вопросы словообразования в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского // Русский язык в школе. 2015. № 7. С. 63–68. EDN: UYMPET
- Николина Н.А. Тенденции развития компрессивного словообразования в современном русском языке // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 392–405. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405> EDN: SJAWZD
- Никульцева В.В. Сравнительный анализ неолексиконов Игоря Северянина и Алексея Крученых // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 470–473.
- Радченко М.В. Языковая игра на русскоязычных интернет-форумах // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 417–432. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-417-432> EDN: TBQXYG

- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А. Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 466–480. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480> EDN: GFKECE
- Реброва А.Д., Гегелова Н.С. Словотворчество в речи героини мультипликационного сериала «Маша и Медведь» // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 170–184. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-171-184> EDN: NNYHCC
- Рожнова И.О. Окказионализмы в современной детской литературе // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2011. № 6. С. 210–214. EDN: WNDKRJ
- Степашкина Е.С. Экспрессия окказионализмов в публицистике А.И. Солженицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 179–182.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М., 1936. 698 с.
- Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М. : Астра семь, 1996. 224 с.
- Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 томах. Т. 2: От двух до пяти. М. : Терра – Книжный клуб, 2001. 640 с.
- Шевченко Т.С. Окказионализмы в русской эмигрантской прессе 1940-х годов (на материале публицистики Ильи Сургучева) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 2. EDN: XDUIIF
- Щуклина Т.Ю. И.А. Бодуэн де Куртенэ и вопросы словообразования // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : материалы Междунар. конф. Т. 2. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 270–273. EDN: ZTVRKH

Сведения об авторе:

Спиридонов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: лексикология, стилистика, окказиональное словообразование. ORCID: 0000-0003-1316-9027. SPIN-код: 4127-0295. E-mail: aleshandro@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-275-289

EDN: DVFEQL

Research article

Newly coined words as a means of creating a language game in the animated series “Fixiki”

Alexandr V. Spiridonov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
 aleshandro@mail.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the need for a detailed examination of occasional vocabulary in modern Russian animated series and the definition of its derivational specificity. The aim of the study is to provide a structural and semantic characteristic of occasionalisms in the animated series “The Fixies” taking into account the opinion of representatives of the Kazan linguistic school on the methods of word formation and to identify

the role of these units in the language game with the viewer. The research material, which is introduced into scientific circulation for the first time, is individual-authorial neologisms in the animated series “The Fixies”. The work uses the descriptive-analytical method and the method of continuous sampling, as well as methods and techniques of structural-semantic and functional-stylistic analysis. Usual (prefixation, suffixation, composition and its varieties) and non-usual (hendiadys, conversion, palindrome, dieresis, contamination, and substitutive derivation) methods of creating occasionalisms have been established; their productivity has been revealed. The author determined that occasionalisms with the element “fixie” in the animated series are the most frequent, they form a word-formation nest. The age of the character is inversely proportional to the frequency of using occasionalisms in speech. The individual author’s word creation makes the animated series “The Fixies” interesting for children and attracts their attention. Such word creation in this cartoon is primarily due to the language game. The prospects of the work consist in increasing the research base by comparing occasionalisms with other linguistic units of “The Fixies” in the language game, as well as in comparing the new formations presented in this cartoon with occasionalisms functioning in other animated series.

Keywords: occasionalisms, language play, structure, semantics, stylistics, modern Russian cartoons, Russian language

Conflict of interests. The author declares that they have no conflict of interests.

Article history: received 04.10.2024; accepted 02.02.2025.

For citation: Spiridonov, A. V. (2025). Newly coined words as a means of creating a language game in the animated series “Fixiki”. *Russian Language Studies*, 23(2), 275–289. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-275-289>

References

- Ageeva, A. V., Abdullin, L. R., & Gabdreeva, N. V. (2023). Functions and semantics of foreign language beauty vocabulary in the modern Russian language. *Russian Language Studies*, 21(4), 393–405. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405> EDN: GBAYSQ
- Aitmatova, G. A., Mamytova, G. Z., Biserova, A. H., & Karimova, T. U. (2022). Features of occasionalisms in children’s animated and animation films. In *Current issues in linguistics and literary studies: Proceedings of the International scientific conference dedicated to the memory of Professor L.A. Arayeva* (pp. 94–102). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Publ. (In Russ.). EDN: XWARQP
- Aleshina, A. A. (2014). Occasional words in the Russian language (based on the Internet-resources). *Scientific Notes of Orel State University. Series “Humanities and social sciences”*, (5), 163–165. (In Russ.).
- Bannikova, P. V. & Bodrova, E. V. (2024). Neologisms and occasionalisms in the works of children’s writers. *Yunyi uchenyi*, (4), 1–3. (In Russ.). EDN: MRVDSU
- Baudouin de Courtenay, I. A. (1964). Some general remarks on linguistics and language. *History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts*. Pt. 1. Moscow: Prosveshcheniye Publ. (In Russ.).
- Borisova, I. V. (2018). Modern trends in the process of occasional word formation in online communication. *LITERA*, (3), 281–288. (In Russ.). <http://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.3.27160> EDN: YZITOP
- Chukovskii, K. I. (2001). *Collected works in 15 Vol. Vol. 2: From Two to Five*. Moscow: Terra – Book Club Publ. (In Russ.).
- Danilenko, V. P. (2010). A Typology of childish neologisms (on the basis of K.I. Chukovsky’s book “From one to five”). *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, (3), 80–85. (In Russ.). EDN: MUIMZH

- Kononova, Yu. N. (2011). Children's occasional word as a unit of neology. *Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and Art Criticism*, (3). (In Russ.). EDN: OOFMNB
- Markova, E. M. (2024). Language form compression in modern Russian speech. *Russian Language Studies*, 22(3), 375–391. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391> EDN: SMXPSU
- Mikhailov, M. A. (1989). *Speech nomination and singularity of morphemes*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ. (In Russ.).
- Mironova, G. V., & Toropova T. V. (2019). Proper names adaptation peculiarities in Russian-English translation. *Philological aspect: Methods of teaching language and literature*, (4), 97–101. (In Russ.). EDN: THKXEO
- Nikitina, I. N., & Savchenko, E. S. (2016). Features occasional words. Occasionalism in shaped journalistic style. In *Actual problems of modern humanitarian science. Proceedings of the III international scientific and practical conference* (pp. 19–22). Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky Publ. (In Russ.). EDN: WXSETD
- Nikolina, N. A. (2015). Word formation issues in the works of I.A. Baudouin de Courtenay and N.V. Krushevsky. *Russian language at school*, (7), 63–68. (In Russ.). EDN: UYMPET
- Nikolina, N. A. (2024). Trends of compressive word formation in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 22(3), 392–405. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405> EDN: SJAWZD
- Nikultseva, V. V. (2011). Comparative analysis of neolexicons of Igor Severyanin and Alexey Kruchenykh. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (6), 470–473. (In Russ.).
- Radchenko, M. V. (2024). Language play on Russian-language Internet forums. *Russian Language Studies*, 22(3), 417–432. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-417-432> EDN: TBQXYG
- Ratsiburskaya, L. V., & Zhdanova, E. A. (2024). Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models. *Russian Language Studies*, 22(3), 348–362. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-348-362> EDN: RRNCCG
- Ratsiburskaya, L. V., & Zhdanova, E. A. (2021). The specificity of Russian media neoderivatives reflecting social realia. *Russian Language Studies*, 19(4), 466–480. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480> EDN: GFKECE
- Rebrova, A. D., & Gegelova N. S. (2023). Word creation in speech of animated series character “Nasha and the Bear”. *Nauchnyi dialog*, 12(1), 170–184. (In Russ.). <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-171-184> EDN: NNYHCC
- Rozhnova, I. O. (2011). Occasionalisms in modern children's literature. *Bulletin of the Moscow State University named after Ivan Fedorov*, (6), 210–214. (In Russ.). EDN: WNDKRJ
- Schuklina, T. Yu. (2017). I.A. Baudouin de Courtenay and issues of word formation. In *I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: proceedings of an international conference*. Vol. 2 (pp. 270–273). Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.). EDN: ZTVRKH
- Shevchenko, T. S. (2019). Occasional vocabulary in the Russian emigre press of the 1940s (based on Ilya Surguchev's journalism material). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 10(2). (In Russ.). EDN: XDUIIF
- Stepashkina, E. S. (2014). Occasional words expression in A. I. Solzhenitsyn's opinion journalism. *Philology. Theory & Practice*, (2), 179–182. (In Russ.).
- Tolstoi, L. N. (1936). *Complete works*, Vol. VIII. Moscow. (In Russ.).
- Ulukhanov, I. C. (1996). *Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical realization*. Moscow: Astra sem' Publ. (In Russ.).

- Veselovskaya, A. S. (2022). Occasionalisms in cartoons and books for children. *Ratio et Natura*, (1). (In Russ.). EDN: KJMCOI
- Zaripova, G. T. (2023). The role of author's neologisms in Russian fiction. *XXI Century Renaissance in the Paradigm of Science, Education and Technology Innovations*, (1), 285–286. (In Russ.). <http://doi.org/10.47689/XXIA-TTIPR-vol1-iss1-pp285-286> EDN: WHYOMI
- Zemckaya, E. A. (2009). *Word formation as an activity*. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russ.). EDN: RTDQPJ

Bio note:

Alexandr V. Spiridonov, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation. *Research interests*: lexicology, stylistics, occasional word formation. ORCID: 0000-0003-1316-9027. SPIN-code: 4127-0295. E-mail: aleshandro@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303

EDN: ECRTRY

Научная статья

**Метафорическое моделирование образа БРИКС
в русскоязычном публицистическом дискурсе**

И.Ю. Парулина

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Российская Федерация

✉ parulinaii@susu.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена высокой ценностью изучения отражения образа БРИКС в дискурсе России как ключевого государства-партнера, так как это позволит получить представление о восприятии российским обществом альянса, его миссии и международного значения, о позиции России по глобальным вопросам и ее отношениях с другими странами БРИКС. Цель исследования состоит в выявлении доминантных метафорических моделей, продуцирующих образ БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе. Для достижения цели применяются следующие методы и приемы: процедуры автоматизированной сплошной и ручной выборки, корпусный анализ, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ. Источником материала послужил Национальный корпус русского языка. Исследовательский корпус текстов составили 500 полнотекстовых статей влиятельных российских новостных изданий за 2014–2024 гг., из которых были извлечены 789 контекстов, имеющих метафорическую составляющую. Выявлены наиболее частотные метафорические модели «путь», «война», «физика», «механизм». Единицы данных моделей характеризуют альянс как устойчивую траекторию развития на пути к осуществлению миссии, а страны-партнеры — как соратники в борьбе за многополярное устройство мира. Метафоры доминантных сфер-источников отражают изменчивую политическую и экономическую среду, в которой БРИКС развивается, а также попытки западных стран оказать давление на страны-партнеры. Менее распространенные метафорические модели, такие как живой организм, география, растения и строительство, описывают БРИКС как жизнеспособное объединение, готовое и способное инициировать переход к многополярному балансу сил. Результаты исследования могут стать основой для дальнейшего исследования образа БРИКС в публицистическом дискурсе других стран, а также в других типах дискурса.

© Парулина И.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: политическая метафорология, метафорические модели, политические метафоры, политический дискурс, Россия

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 03.10.2024; принята к печати 18.02.2024.

Для цитирования: *Парулина И.Ю.* Метафорическое моделирование образа БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 290–303. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303>

Введение

В последнее время лингвисты и специалисты смежных областей проявляют все больший интерес к изучению политической коммуникации, что связано в первую очередь с повышением ее значимости в общественной жизни. Ряд ученых, исследующих манипулятивные стратегии публицистического политического дискурса (Болдырева, 2019; Трунова, 2022) приходят к выводу, что публицистический дискурс является уникальным инструментом для формирования в общественном сознании определенной политической картины мира, оказывая влияние на общественные настроения, интерпретацию событий, восприятие образа страны или института.

Альянс БРИКС (объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии) нацелен на укрепление экономического и политического сотрудничества, решение общих проблем и содействие взаимному развитию, что обуславливает интерес исследователей к изучению различных аспектов его деятельности в рамках различных направлений: политологические науки, социально-политическая география, история, социология, массовые коммуникации и др., в то время как филологических исследований образа БРИКС не проводилось.

Темы, которые фигурируют в научном дискурсе о БРИКС, преимущественно сосредотачиваются на особенностях функционирования и преимуществах взаимного сотрудничества. Одной из наиболее обсуждаемых тем как на полях работы БРИКС, так и в научном сообществе, является дедолларизация, формирование самостоятельной и независимой финансовой инфраструктуры как одно из наиболее приоритетных направлений работы альянса (Морозкина, 2024; Батиста, 2024). Во внимании исследователей различных областей также оказываются новые институты и организации в рамках БРИКС, такие как Новый банк развития (НБР), который, привлекая новых членов и ресурсы, является важным фактором для сотрудничества между развивающимися экономиками, способствуя росту финансирования развития и укреплению положения объединения на международной арене (Бабаев, Лавров, 2023; Далдеган, Де Борба, 2023). Кроме того, ряд исследований сосредоточены на глобальном вкладе БРИКС в экономическое развитие и международное со-

трудничество, а также участия в достижении прогресса, устойчивости и позитивных изменений в странах-партнерах (Тумайкина, 2016; Сахаров, Дорохина, 2023; Го, Сун, Демидов, 2020). Исследование образов стран БРИКС в научном дискурсе учитывает многообразие восприятия этих государств в различных контекстах. Важным аспектом является анализ политического сознания, поскольку именно оно влияет на формирование общественного мнения о БРИКС. Так, исследование коллектива авторов Финансового университета при Правительстве РФ (Белоконев и др., 2019) концентрируется на когнитивных, эмоциональных, поведенческих и символических аспектах, характеризующих страны БРИКС, связанные с ними стереотипы, интенции и ассоциации.

Изучение образа БРИКС на материале русскоязычного публицистического дискурса актуально по ряду причин: Россия является одним из ключевых членов группы БРИКС, что делает данный тип дискурса критически важным аспектом в формировании образа и восприятия БРИКС в стране и за ее пределами. Изучение этого образа может дать представление о позиции России по глобальным вопросам и ее отношениях с другими странами БРИКС. Кроме того, Россия, наряду с другими членами БРИКС, стремится позиционировать альянс как альтернативу однополярному международному порядку, возглавляемому США. Российский публицистический дискурс может дать представление о том, как преследуется эта цель и находит ли она отклик в российском обществе. Кроме того, анализ публицистического дискурса позволяет выяснить, как российское общество воспринимает БРИКС, его миссию и значение, что способствует лучшему пониманию общественного мнения по глобальным вопросам.

Один из наиболее действенных инструментов в рамках публицистического дискурса — политическая метафора, создающая образы и ассоциации, которые могут влиять на отношение адресата к описываемым событиям, институтам или идеям (Полякова, 2009; Илина, Трунова, 2018, Солопова, Чудинов, 2021). Использование методов когнитивной лингвистики, включая метафорическое моделирование, при анализе публицистического дискурса способствует пониманию механизмов создания политических текстов в средствах массовой информации (Солопова, Кошкарлова, 2021; Хачмафова, Погребняк, 2018).

Функционирование концептуальной метафоры основано на когнитивных процессах, которые позволяют реципиенту сообщения осмысливать его путем актуализации системы ассоциаций, сравнивая их с уже известными ему концептами (МакКормак, 1990). Основные этапы формирования концептуальной метафоры включают активацию когнитивного процесса, концептуализацию, а именно восприятие и поиск способов объяснения и интерпретации понятия, категоризацию — поиск сходства среди уже имеющихся понятий и присвоение категорий концептам, которые в последствии объединяются в концептуальные метафоры. Схожесть возникающих в сознании коммуни-

кантов образов, как правило, обеспечивается использованием автором сообщения категорий базового уровня, конкретных понятий, встроенных в концептуальную систему определенной лингвокультуры (Осипов, Федорова, 2019; Мурашова, 2015; Semino, 2017).

Метафорическая модель представляет собой часть национальной языковой картины мира, связанную с историей народа и социально-политическими аспектами (Чудинов, 2014; Чудинов, Будаев, Солопова, 2020). А.П. Чудинов интерпретирует метафорическую модель как сложное образование со структурой, основанной на фреймах и слотах. В рамках этой модели выделяются несколько составляющих: исходная понятийная область (сфера-источник), которая используется для понимания и описания целевой понятийной области, целевая понятийная область (сфера-мишень), которую требуется объяснить или описать с помощью метафорической модели, типовые сценарии в рамках исходной понятийной области, фреймы — организующие структуры для хранения знаний в области, слоты — элементы фрейма, и компонент, обеспечивающий связь первичных и вторичных значений единиц (Чудинов, 2003). Метафорическое проецирование осуществляется из сферы-источника в сферу-мишень, обогащая понимание и восприятие того, о чем идет речь, и упрощая объяснение сложных концептов.

Алгоритм метафорического моделирования состоит из нескольких этапов: характеристика исходной понятийной области (ментальная сфера-источник метафорической экспансии) и целевой понятийной области (ментальную сферу-мишень для метафорического притяжения), рассмотрение сценариев и фреймов, которые формируют структуру, относящихся к конкретной модели, идентификация компонентов смысла, связывающих исходную и целевую области, оценка продуктивности и частотности модели, ее прагматического потенциала (Чудинов, 2003: 107).

Цель исследования состоит в выявлении доминантных метафорических моделей, продуцирующих образ БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе.

Методы и материалы

В исследовании использованы следующие методы: процедуры автоматизированной сплошной и ручной выборки, корпусный анализ, контент-анализ, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ.

Для исследования был создан иллюстративный корпус публицистических текстов центральных СМИ по ключевому слову «БРИКС», результатом которого стали 500 полнотекстовых статей, отобранные с помощью сплошной выборки из следующих влиятельных новостных изданий (перечислены в порядке убывания представленности в корпусе): «Парламентская газета», «Lenta.ru», «Газета.ру», «Московский комсомолец», «Коммерсант», «News.ru», «Ведомости», «Vesti.ru», «Известия», «РИА новости», «РБК».

Из собранного массива материала с помощью ручной выборки были извлечены 789 контекстов, имеющие метафорическую составляющую.

Из 500 статей корпуса метафоры содержали только 403 статьи, что может объясняться преобладанием жанра информационного сообщения и комментария, отличающихся лаконичностью и отсутствием эмоциональной выразительности.

Результаты

Результатом применения метода метафорического моделирования стали 13 метафорических моделей со сферой-мишенью «БРИКС». За 100 % была взята выборка из 789 метафорических контекстов. Метафорическая модель «Путь» составляет 19,07, модель «Война» — 18,53, «Физика» — 15,4, «Механизм» — 11,68, «Строительство» — 6,95, «Живой организм» — 6,47, «Растения» — 5,27, «Коммуникация» — 5, «География» — 4, «Эмоции» — 3, «Финансы» — 2,33, «Игра» — 1,6 и «Другое» — 0,7 %.

Проведенный анализ позволил выявить наиболее частотные метафорические модели «пути», «войны», «физики», «механизма». Единицы модели «путь» характеризуют деятельность БРИКС как траекторию развития, включающую стратегические шаги, препятствия, выбор направления на пути к осуществлению миссии альянса. Противостояние стран Запада и стран-партнеров БРИКС, экономическое и санкционное давление, под которым оказываются последние, вербализуется через метафорическую модель «война», при этом США выступает антагонистом, на что указывают военные метафоры оружия и удара. Кроме того, метафоры войны выполняют функцию представления стран-партнеров БРИКС как соратников в борьбе с однополярным устройством мира. Высокая доля метафор со сферой-мишенью «БРИКС» носит положительную окраску.

Обсуждение

Анализ показал, что наиболее частотной является метафора пути (21,24 %), чья высокая степень востребованности объясняется ее универсальным характером, обеспечивающим успешное выражение и описание прогресса, перемен, препятствий по направлению к конечной точке или цели. Особенности функционирования метафоры пути исследуются учеными на материале различных типов дискурса (Боброва, 2013; Dávid, Furkó, 2015). В рамках анализируемого корпуса наиболее востребованными выступают следующие языковые метафоры: *непреодолимая преграда, двигаться шаг за шагом, продвигаться вперед, путь к новым горизонтам, развилка, вернуться на путь, первый шаг, полным ходом, встать на путь* и т.д.

При моделировании образа БРИКС языковые метафоры шага и ступени используются в контексте новых технологических инициатив, совместно развиваемых странами-партнерами: (*Важно **шагать в ногу** с этими процессами, не отставать, пытаясь стать новаторами и лидерами в вопросе внедрения*

цифровых технологий¹), приоритетности расчетов в национальных валютах и снижения доли долларовых расчетов (*Члены БРИКС сделают еще один шаг к уменьшению зависимости от доллара*²), роли БРИКС в формировании многополярного мира и дедолларизации глобальной экономики (*Но БРИКС не сделал мир многополярным, хотя и сделал шаг в этом направлении*³).

Языковая метафора препятствия актуализируется в контексте преград на пути БРИКС к осуществлению его миссии — стимулированию экономического развития стран-партнеров и укрепление их позиций на глобальной арене (www.brics2023.gov.za) (*Препятствия для инвестиций в Россию сохраняются, зато для Китая новые институты — шанс нарастить свое влияние*⁴, *Внедрение подобной структуры требует времени и согласованных действий, что может стать препятствием на пути к быстрой интеграции*⁵). Привлечение метафоры рубежа позволяет представить исторический контекст, в котором БРИКС развивает свою деятельность, как время кардинальных социальных и геополитических перемен (*Плюс к этому нельзя забывать, что планета в целом подошла к рубежу, на котором нет альтернативных вариантов решения сложных глобальных проблем, кроме как сообща*⁶).

Метафора войны является второй по частотности (16,58 %). Военная метафора, исследуемая учеными различных типов дискурса (Аматов, Бондаренко, Пупынина, 2019; Шарикова, 2012; Solopova, Kushneruk, 2017), в публицистическом дискурсе востребована по ряду причин: образ войны обеспечивает достоверную передачу критических событий и политических противоречий, является инструментом создания негативной коннотации, усиливает эмоциональный отклик и фокусирует внимание читателя на определенной проблеме. Наиболее часто используются метафорические единицы: *укрепление позиций, противостояние, противостоять, использовать как оружие, защищать,*

¹ На саммите БРИКС «все будет крутиться вокруг цифровизации», считает политолог. 2019, 14 ноября. URL: <https://www.pnp.ru/economics/na-sammite-briks-vsyo-budet-krutitsya-vokrug-cifrovizacii-schitaet-politolog.html> (дата обращения: 25.01.2025).

² «Русские говорят: наша взяла!»: Запад устроил истерику из-за саммита БРИКС в Казани. 2024, 22 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/22/russkie-govoryat-nasha-vzjala-zapad-ustroil-isteriku-izza-sammita-briks-v-kazani.html> (дата обращения: 25.01.2025).

³ Новая надежда БРИКС: Бросят ли финансовые институты и организации вызов неолиберальному мировому порядку. 2014, 20 ноября. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/11/20/bricksdesay/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ РФПИ с партнерами из стран БРИКС намерен наращивать вложения в инфраструктуру. 2015, 7 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/07/08/599669-rfpi-s-fondamiz-drugih-stran-briks-nameren-narashivat-vlozheniya-v-infrastrukturu> (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ Эксперты подвели итоги саммита БРИКС: преимущества и риски отказа от доллароцентричной системы. 2024, 3 ноября. URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/11/03/ekspery-podveli-itogi-sammita-briks-preimushhestva-i-riski-otkaza-ot-dollarocentrichnoy-sistemy.html> (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ «Золотое» десятилетие БРИКС: от акронима до международной организации. 2018, 17 июля. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zolotoe-desyatiletie-briks-ot-akronima-do-mezhdunarodnoy-organizacii.html> (дата обращения: 25.01.2025).

фронт, подогревать конфликт, провоцировать, отвечать ударом на удар, вторгаться, бросать вызов и т.д.

Военные метафоры вербализуют отношения между развитыми западными государствами, стремящимися к монополярности, и странами БРИКС, бросающими вызов современному международному устройству. В этом контексте Запад, в частности, США, представляется антагонистом-диктатором, а страны-партнеры альянса — соратниками в этой борьбе, что выражается при помощи контекстуальной метафоры *«разворачивать борьбу»* (*Он обратил внимание и на то, что коллективный Запад (прежде всего США) развернул «бешеную борьбу против БРИКС», чтобы не допустить многополярный мир*⁷).

Военная метафора также применяется в контексте попыток политической и санкционной изоляции России при помощи контекстуальной метафоры *«блокада»* (*Это проявляется не только в попытках дипломатической блокады или информационных накатов*⁸).

Метафора оружия используется для иллюстрации тенденции доминирования доллара в международной торговле, которую США стремятся обеспечить, тем самым оказывая влияние на глобальный экономический и политический ландшафт (*В сентябре глава ВТБ Андрей Костин в интервью «Известиям» заявил, что России придется перейти на расчеты в рублях, если США продолжат использовать доллар как оружие*⁹).

Сфера-источник «физика» находится на третьем месте по частотности (13,99 %). Физические метафоры рассматриваются учеными на материале художественного, психологического и других типов дискурса (Гольдшмидт, 2007; Румянцева, 2023); их высокая степень актуализации объясняется тем, что использование естественно-научной парадигмы и соответствующих метафорических моделей обладает значительной иллюстративной силой (Гольдшмидт, 2007: 7). Метафорические единицы *давление, импульс, толчок, движущая сила* позволяют описать политические процессы и отношения через базовые понятия дисциплины, обеспечивая визуализацию взаимодействия между участниками политического процесса. Эти метафоры применяются для иллюстрации силы и направления влияния, а также степени зависимости и взаимных связей между различными политическими акторами, процессами и их последствиями.

Физические метафоры актуализируются в контексте оказываемого западными державами на экономики стран БРИКС давления, которому страны-партнеры стабильно противостоят (*БРИКС в целом и каждая по отдель-*

⁷ Лукашенко указал на проблемы БРИКС. 2024, 26 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/26/lukashenko-ukazal-na-problemy-briks.html> (дата обращения: 25.01.2025).

⁸ Визит Путина в Китай стал важнейшим мировым событием этой осени. 2023, 19 октября URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/10/19/vizit-putina-v-kitay-stal-vazhneyshim-mirovym-sobytiem-etoj-oseni.html> (дата обращения: 25.01.2025).

⁹ «Золотое» десятилетие БРИКС: от акронима до международной организации. 2018, 27 июля. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zolotoe-desyatiletie-briks-ot-akronima-do-mezhdunarodnoy-organizacii.html> (дата обращения: 25.01.2025).

ности страна-участница БРИКС в состоянии выдержать любое санкционное давление¹⁰), а также в контексте отсутствия давления между странами-партнерами (*Также БРИКС высказался за то, что африканские проблемы должны иметь африканские решения. Без давления иных стран на ситуацию*¹¹).

Совместная деятельность БРИКС, направленная на стабильное развитие и укрепление связей между странами-партнерами, вербализуется при помощи метафорического фразеологизма, использующий метафору «импульс» для описания ускорения глобального экономического роста (*Китай и Россия играют ключевую роль в БРИКС и приложили много сил для развития платформы, что дало мощный импульс глобальному экономическому росту*¹²).

Метафорический фразеологизм «движущая сила» описывает роль БРИКС как проводника массивных изменений на международной арене, с высокой экономической значимостью и потенциалом, поскольку на них приходится около 40 % населения Земли, более 20 % мирового ВВП. (*Страны БРИКС, а также другие государства с формирующимися рынками и развивающиеся страны остаются основной движущей силой глобального роста*¹³).

Четвертая по частотности метафорическая модель — механизм (12,44 %). Как указывают исследователи (Haken, Karlqvist, Svedin, 1993; Глебкин, 2012), она позволяет описывать структуры и процессы, сопоставляя их с более простыми и понятными механическими устройствами или объектами. Основными метафорическими единицами являются *механизм, инструмент, элемент, запуск, аппарат*.

Метафора механизма применяется для описания БРИКС как комплексной структуры, включающей в себя не только рабочие группы по разным направлениям сотрудничества, Советы, форумы, но и два финансовых института: Пул валютных резервов и Новый банк развития БРИКС (*Одним из решений, которые могут принять в рамках встречи лидеров БРИКС, может стать создание нового механизма, который позволит производить взаиморасчеты в обход Запада*¹⁴).

Центральные банки и финансовые институты стран-членов БРИКС тесно сотрудничают в целях укрепления финансовой стабильности и стимулирования устойчивого экономического роста. Ценность создаваемых структур

¹⁰ В МИД оценили устойчивость экономики стран БРИКС. 2019, 16 мая. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/05/16/n_12981349.shtml (дата обращения: 25.01.2025).

¹¹ Назван неприятный для Запада итог саммита БРИКС: «Уходит эпоха великих держав». 2024, 26 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/26/nazvan-nepriyatnyy-dlya-zapada-itog-sammitya-briks-ukhodit-epokha-velikikh-derzhav.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹² Эксперт оценил роль РФ и КНР в развитии сотрудничества между странами БРИКС. 2024, 26 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/26/ekspert-ocenil-rol-rf-i-knr-v-razvitiisotrudnichestva-mezhdu-stranami-briks.html> (дата обращения: 25.01.2025).

¹³ Страны БРИКС призвали усилить координацию в области макроэкономики. 2017, 7 июля. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2017/07/07/n_10274054.shtml (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁴ Европа испугалась создания платежной системы БРИКС. 2024, 23 октября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/23/evropa-ispugalas-sozdaniya-platezhnoy-sistemy-briks.html> (дата обращения: 25.01.2025).

для развития экономик стран-партнеров вербализуется с помощью языковой метафоры инструмента (*Лидеры этих стран видят в этой организации **инструмент** усиления своих позиций и выстраивания более справедливых отношений в мире, но не механизм геополитического соперничества с Западом*¹⁵).

Анализ метафорических контекстов показал, что большая часть метафор корпуса стерта. Стертые метафоры характеризуются утратой первоначального метафорического воздействия, они становятся общепринятыми, устойчиво интегрированными в язык, следовательно, коммуникант не воспринимает это как метафору, а ее содержание является имплицитным и глубоко контекстным. В связи с этим, стертые метафоры играют важную роль в политическом публицистическом дискурсе благодаря своей способности оказывать скрытое влияние на восприятие идей и эффективно формировать определенные нарративы, что делает их мощным инструментом убеждения и манипуляции.

Образ БРИКС моделируется с помощью широкого ряда сфер-источников, среди которых доминантными являются путь, война, физика, механизм. Их превалирование над другими сферами-источниками обусловлено тем, что единицы этих моделей вербализуют описываемые события через базовые понятия, таким образом повышая эффективность сообщения. Единицы доминантных метафорических моделей характеризуют альянс БРИКС как многоуровневую структуру, проводник социальных и политических изменений на пути к конечной коллективной цели — укреплению межгосударственных связей стран-участниц. Метафоры доминантных сфер-источников описывают политическую и экономическую среду, в которой развивается альянс, как полную вызовов и препятствий, в частности, представляемыми западными странами, попытки последних оказать экономическое и социальное давление на страны-партнеры.

Заключение

Метафорическое моделирование образа БРИКС на материале российского публицистического дискурса является эффективным методом анализа, поскольку он способствует лучшему пониманию позиции России в отношении международного сотрудничества и роли государства в альянсе, а также того, как метафоры оказывают влияние на формирование общественного мнения о БРИКС. Такой анализ помогает понять, как российское общество воспринимает и интерпретирует роль и функции БРИКС.

Перспективным направлением исследования можно считать изучение метафорического моделирования образа БРИКС на материале публицистического и политического дискурсов стран-партнеров в сравнительно-сопоставительном и диахроническом аспекте, что позволит определить общие и различные черты,

¹⁵ Пушков объяснил позицию Глобального Юга по предназначению БРИКС. 2023, 2 августа. URL: <https://www.pnp.ru/politics/pushkov-obyasnil-poziciyu-globalnogo-yuga-po-prednaznacheniyu-briks.html> (дата обращения: 25.01.2025).

отображаемые в метафорических моделях, а также оценить динамику перемен в восприятии и позиционировании БРИКС на международной арене.

Список литературы

- Аматов А.М., Бондаренко Е.В., Пупынина Е.В. Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 5–12. <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-1-5-12> EDN: WMPADE
- Бабаев К.В., Лавров С.В. И виришь, и вглубь. Пути укрепления институциональной основы БРИКС // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5 (123). С. 69–81. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-69-81> EDN: ZJKSKN
- Батиста П.Н. Шаг за шагом прочь от доллара // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 160–164. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-160-164> EDN: CDTQUM
- Белоконев С.Ю., Евгеньева Т.В., Титов В.В., Усманова З.Р. Анализ представлений о странах-партнерах России по БРИКС в политическом сознании российских граждан // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 66. № 3. С. 111–130. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-3-66-111-130> EDN: XQGIBF
- Боброва Е.А. Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 3. С. 28–32. EDN: QYNJRF
- Болдырева В.А. Функциональная прагматика интенциональных манипулятивных маркеров публицистического политического дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 20–26. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-4-20-26> EDN: TQZRSZ
- Глебкин В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 51–68. EDN: PAFKMH
- Го Ш., Сун Ю., Демидов П. Роль БРИКС в содействии международному развитию // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 125–140. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-06> EDN: JQGUAQ
- Гольдшмидт Е.С. Физические метафоры в психологии // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 7–13. EDN: KNVTAВ
- Далдеган У., Де Борба В. (2023). Концепция развития БРИКС: Анализ проектов, финансируемых НБР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 4. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-01> EDN: LBEAVP
- Исина Г.И., Трунова А.В. Метафорические модели публицистического дискурса // The Scientific Heritage. 2018. Т. 22. № 2. С. 61–63.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–366.
- Морозкина А.К. Без доллара? // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 153–160. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-153-160> EDN: PUKQPI
- Мурашова Л.П. Средства метафоризации концептуально-когнитивного фрейма «woman» // Язык и культура. 2015. № 2. С. 76–83. <https://doi.org/10.17223/19996195/30/8> EDN: UKLFOJ
- Осинов Д.В., Федотова Н.С. Алгоритм формирования концептуальных метафор // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 23–30. EDN: RLNHAL
- Полякова Е.М. Политическая метафора в англоязычном медиадискурсе // Русистика. 2009. № 4. С. 74–79. EDN: JVXEFU

- Румянцева М.В. Художественные возможности физико-технической метафоры в романе А. Крона «Бессонница» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2023. Т. 20. № 1. С. 28–34. <https://doi.org/10.14529/ling230104> EDN: MAVNBE
- Сахаров А.Г., Дорохина К.М. Индекс устойчивого развития стран БРИКС: результаты // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 1. С. 75–106. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-03> EDN: JTCPFY
- Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода второй мировой войны) // Научный диалог. 2021. № 4. С. 148–167. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-148-167> EDN: LPFHZK
- Солопова О.А., Чудинов А.П. Методология диахронического исследования метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 2. С. 49–59. EDN: QZXYU
- Трунова Н.В. Приемы формирования мнения в политическом публицистическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 93–103. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.09> EDN: CHJAYJ
- Тумайкина И.И. Группа БРИКС как новый формат многополярной финансово-экономической архитектуры // Финансы: теория и практика. 2016. Т. 20. № 3. С. 116–122. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-3-116-122> EDN: WRPBBN
- Хачмафова З.Р., Погребняк Н.В. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 4 (227). С. 112–116. EDN: GJWTYP
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
- Чудинов А.П. Идеи и принципы политической метафорологии // Филология и человек. 2014. № 2. С. 103–113. EDN: SFTYZD
- Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М. : Флинта, 2020. 234 с. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-3-56-70> EDN: YZZTKX
- Шарикова Л.А. Метафора войны в политическом дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 155–162. EDN: OWHDDZ
- Dávid G., Furkó B.P. The journey metaphor in mediatized political discourse // Acta Universitatis Sapientiae Philologica. 2015. Vol. 7. № 2. Pp. 7–20. <https://doi.org/10.1515/ausp-2015-0043>
- Haken H., Karlqvist A., Svedin U. The machine as metaphor and tool. Berlin : Springer Berlin Heidelberg, 1993. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-77711-0>
- Semino E. Corpus linguistics and metaphor. The Cambridge handbook of cognitive linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. Pp. 463–476. <https://doi.org/10.1017/9781316339732.029>
- Solopova O.A., Kushneruk S.L. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. С. 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745> EDN: NWGBAL

Сведения об авторе:

Парулина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций, научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Российская Федерация, 4545080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76. *Сфера научных интересов*: политический дискурс, медиадискурс, метафорология. ORCID: 0009-0004-1889-5057. SPIN-код: 8164-5170. ResearcherID: GXG-6732-2022. E-mail: parulinaii@susu.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303

EDN: ECRTRY

Research article

Metaphorical modelling of the BRICS image in Russian-language publicist discourse

Irina Y. Parulina

South Ural State University (National Research University), *Chelyabinsk, Russian Federation*
✉ parulinaii@susu.ru

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the importance of studying the BRICS image in the discourse of Russia as its key partner. The study shows the perception of the alliance, its mission, and international significance in Russian society, characterizes Russia's position on global issues and its relations with other BRICS countries. The aim of the study is to identify the dominant metaphorical models creating the BRICS image in Russian-language publicist discourse. The following methods and techniques are used: automated and manual sampling, corpus analysis, metaphorical modelling, and cognitive discourse analysis. Russian National Corpus served as the material. The research text corpus consisted of 500 full-text articles in influential Russian news editions of 2014–2024, and 789 contexts with a metaphorical component were extracted. The study shows that the most frequent metaphorical models are represented by metaphors from the source spheres 'path', 'war', 'physics', and 'mechanism'. The units of these models characterize the alliance as a sustainable development trajectory to mission implementation and the partner countries as allies in the struggle for a multipolar world. The metaphors from dominant source-sphere reflect the volatile political and economic environment where the BRICS is developing, as well as Western countries' attempts to put pressure on the alliance's partner countries. Less common metaphorical models such as living organism, geography, plants, and construction, describe BRICS as a viable association that is ready and able to initiate a transition to a multipolar power balance. The study can become a basis for further research on the BRICS image in the publicist discourse of other countries, as well as in other types of discourse.

Keywords: political metaphorology, metaphorical models, political metaphors, political discourse, Russia

Funding. The research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Conflict of interests. The author declares that they have no conflict of interests.

Article history: received 03.10.2024; accepted 18.02.2025.

For citation: Parulina, I. Y. (2025). Metaphorical modelling of the BRICS image in Russian-language publicist discourse. *Russian Language Studies*, 23(2), 290–303. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303>

References

- Amatov, A. M., Bondarenko, E. V., & Pupynina, E. V. (2019). US political discourse: metaphors of war and war of metaphors. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, (1), 4–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-1-5-12> EDN: WMPADE

- Babaev, K. V., & Lavrov, S. V. (2023). In breadth and in depth: Paths of strengthening the institutional foundation of BRICS. *Russia in Global Politics*, 21(5), 69–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-69-81> EDN: ZJKSKN
- Batista, P. N. (2024). Step by step away from the dollar. *Russia in Global Politics*, 22(3), 160–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-160-164> EDN: CDTQUM
- Belokonev, S. Yu., Evgenieva, T. V., Titov, V. V., & Usmanova, Z. R. (2019). BRICS countries in political consciousness of Russian citizens. *MGIMO Review of International Relations*, 3(66), 111–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-3-66-111-130> EDN: XQGIBF
- Bobrova, E. A. (2013). Metaphorical concept as way of categorizing the outside world by the example of the metaphor of travel. *Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, (3), 28–32. (In Russ.). EDN: QYNJRF
- Boldyreva, V. A. (2019). Functional pragmatics of intentional manipulative markers in publicistic political discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, (4), 20–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-4-20-26> EDN: TQZRSZ
- Chudinov, A. P. (2014). Ideas and principles of political metaphorology. *Philology & Human*, (2), 103–113. (In Russ.). EDN: SFTYZD
- Chudinov, A. P. (2003). *Metaphorical Mosaic in the Modern Political Communication*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
- Chudinov, A. P., Budaev, E. V., & Solopova, O. A. (2020). *Political Metaphorology: A discursive turn*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-3-56-70> EDN: YZZTKX
- Daldegan, W., & de Borba, V. (2023). The development concept in BRICS: An analysis of projects financed by the NDB. *International Organisations Research Journal*, 18(4), 7–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-01> EDN: LBEAVP
- Dávid, G., & Furkó, B. P. (2015). The journey metaphor in mediatized political discourse. *Acta Universitatis Sapientiae Philologica*, 7(2), 7–20. <https://doi.org/10.1515/ausp-2015-0043>
- Gleбкин, V. (2012). Metaphor of mechanism and Lakoff and Johnson's conceptual metaphor theory. *Voprosy Jazykoznanija*, (3), 51–68. (In Russ.). EDN: PAFKMH
- Gol'dshmidt, E. S. (2007). Physical metaphors in psychology. *Siberian Journal of Psychology*, (25), 7–13. (In Russ.). EDN: KNVTAВ
- Guo S., Sun Yu., & Demidov P. (2020). The role of BRICS in international development assistance. *International Organisations Research Journal*, 15(2), 125–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-06> EDN: JQGUAQ
- Haken, H., Karlqvist, A., & Svedin, U. (1993). *The machine as metaphor and tool*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-77711-0>
- Isina, G. I., & Trunova, A. V. (2018). Metaphorical models of publicistic discourse. *The Scientific Heritage*, (22), 61–63. (In Russ.).
- Khachmafova, Z. R., & Pogrebnyak, N. V. (2018). Metaphorical modelling of the image of a politician in media discourse. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*, (4), 112–116. (In Russ.). EDN: GJWТYP
- Mac Cormac, Earl R. (1990). *A Cognitive Theory of Metaphor*. MIT Press.
- Morozkina, A. K. (2024). Without the dollar? *Russia in Global Politics*, 22(5), 153–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-153-160> EDN: PUKQPI
- Murashova, L. P. (2015). Means of metaphorization of conceptual-cognitive frame “woman”. *Language and Culture*, (2), 76–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/30/8> EDN: UKLFOJ
- Osipov, D. V., & Fedotova, N. S. (2019). Algorithm for creating conceptual metaphors. *Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology*, (2), 23–30. (In Russ.). EDN: RLNHAL
- Polyakova, E. M. (2009). Political metaphor in English media-discussion. *Russian Language Studies*, (4), 74–79. (In Russ.). EDN: JVXEPU

- Rumyantseva, M. V. (2023). Artistic capabilities of technical physics metaphor in A. Kron's novel "Insomnia". *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 20(1), 28–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.14529/ling230104> EDN: MAVNBE
- Sakharov, A., & Dorokhina, K. (2023). The BRICS sustainable development index: The results. *International Organisations Research Journal*, 18(1), 75–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-78452023-01-03> EDN: JTCPFY
- Semino, E. (2017). Corpus linguistics and metaphor. In *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 463–476). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316339732.029>
- Sharikova, L. A. (2012). The metaphor of war in political discourse. *Siberian Journal of Philology*, (1), 155–162. (In Russ.). EDN: OWHDDZ
- Solopova, O. A., & Chudinov, A. P. (2021). Methodology of diachronic metaphor research in the digital age: theoretical foundations. *Moscow University Philology Bulletin*, (2), 49–59. (In Russ.). EDN: QZXYI
- Solopova, O. A., & Koshkarova, N. N. (2021). Religion as source domain of metaphors in World War II media discourse. *Nauchnyi dialog*, (4), 148–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-148-167> EDN: LPFHZK
- Solopova, O. A., & Kushneruk, S. L. (2021). War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745> EDN: NWGBAL
- Trunova, N. V. (2022). Opinion formation techniques in political publicistic discourse. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology"*, (2), 93–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.09> EDN: CHJAYJ
- Tumaikina, I. I. (2016). BRICS group as new format of multipolar financial and economic architecture. *Finance: Theory and Practice*, 20(3), 116–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-3-116-122> EDN: WRPBBN

Bio note:

Irina Y. Parulina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation of the Institute of Linguistics and International Communications, Research Assistant at Research and Innovation Services of South Ural State University (National Research University), 76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. *Research interests*: political discourse, media discourse, metaphorology. ORCID: 0009-0004-1889-5057. SPIN-code: 8164-5170. ResearcherID: GXG-6732-2022. E-mail: parulinaii@susu.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319

EDN: GCEECY

Научная статья

Русский язык и этнический профиль личности

В.И. Теркулов^{ID}Донецкий государственный университет, *Донецк, Российская Федерация*✉ terkulov@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется потребностью установить параметры этнической идентификации и этнической самоидентификации личности, мотивированных появившейся в связи с событиями последних лет необходимостью решения целого ряда политических, этнологических и социологических проблем, таких как формирование национального самосознания, культурной идентичности, поведенческих стереотипов личности и т.д. Важным является определение роли языка в данном процессе, поскольку именно язык выступает в качестве основного маркера всех видов этнической идентичности, объединяемых в этнический профиль личности. Цель исследования состоит в описании особенностей участия русского языка в формировании этнических профилей личности представителей русского лингвоэтноса. В качестве материала используются документы и научные исследования, отражающие актуальные тенденции функционирования русского языка в России и мире. Для достижения цели используются методы социолингвистического анализа, в частности — анализ письменных источников и стратификационная классификация. Установлена трехкомпонентная структура этнического профиля, включающая лингвоэтнос, социоэтнос и политэтнос. Определена этническая структура личности, настроенная на ее двустороннюю атрибуцию: этническую и субэтническую. Выявлены субэтнические составляющие всех компонентов этнического профиля. Установлены этнические статусы литературного языка, территориальных, социальных и национальных модификаций языка, национального языка, государственного языка и родного языка. Описано отличие русского языка от суперординатных языков, объединяющих ряд своих национальных вариантов, например английского языка, имеющего британский, американский и другие национальные варианты. Подтверждено существование единого русского лингвоэтноса и единого русского социоэтноса, связанных с различными политэтнотами. Констатируется, что главным фактором формирования этнического профиля личности является язык. Предполагается возможность построения типологии этнических профилей на основе формульного сопряжения лингвоэтнической, социоэтнической и политэтнической характеристик личности.

Ключевые слова: лингвоэтнос, социоэтнос, политэтнос, субэтнос, государственный язык, литературный язык, национальный язык, родной язык

Финансирование. Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка

XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.10.2024; принята к печати 14.02.2025.

Для цитирования: Теркулов В.И. Русский язык и этнический профиль личности // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 304–319. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319>

Введение

Проблема этнической (национальной) идентичности личности является сейчас одной из самых актуальных, так как свойственная людям «потребность, не присущая ни одному природному виду, — потребность чувствовать, что они представляют некоторую социальную общность, характеристики которой отличают их от других» (Хотинец, 2002: 18), в периоды социальных катаклизмов проявляет себя в наибольшей мере: человек таким образом ищет для себя поддержки у общества и успокоения в нем. Однако еще в XIX в. У. Бейджхот отметил: «До тех пор, пока нас о ней (о сущности национальной, этнической принадлежности. — В.Т.) не спрашивают, мы понимаем, что это такое, но тотчас же это объяснить или определить мы не в состоянии» (Оль, Ромашов, 2002: 22). Более того, сам термин «нация» «имеет вид „понятийного хамелеона“, который меняет цвет в зависимости от внешних условий. Любой исследователь... сталкивается с терминологическим разнообразием, нередко просто с хаосом, и главной проблемой для него становится проблема выбора дефиниции, которая соответствует его концептуальному подходу к проблеме» (Касьянов, 1999: 24). Т. Моммзен даже утверждал, что нация — «это только фикция». Он, правда, отметил и то, что и «ее отмена — это утопия» (цитируется по: (Погорельская, 2001: 93)), поскольку, как пишет Б. Андерсон, «быть нацией — это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» (Андерсон, 2016: 42).

Учеными все же предпринимаются попытки определения сущностных признаков этноса. Особая роль здесь практически всегда отдается языку. Часто он считается главным и, пожалуй, единственным средством объединения этноса. Об этом писал, например, К.Д. Ушинский: «Когда исчезает народный язык, — народа нет более» (Ушинский, 1999: 199). См. также работы О.Н. Новиковой (Новикова, 2019), А.П. Арефьева (Арефьев, 2015) и др. Однако сейчас чаще все-таки утверждается, что язык является важным, но не основополагающим атрибутом этноса. Этот тезис стал главным основанием для различения «лингвистического» примордиального и «нелингвистического» конструктивистского подходов: «Характеризуя основную особенность связи между языком и этничностью, примордиалисты рассматривают эту связь обязательной, неоспоримой, закрепляемой преемственностью между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности, по их мнению, невозможно без традиционно связанного с нею языка. И, как правило, в прошлом немало народов исчезало вместе со своим языком (шумеры). С точки зрения

конструктивистов, имеется немало „свидетельств“ обратного: утрата связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности, и наоборот, известно, когда народ исчезал (римляне), а язык продолжал жить: в образовательных институтах, в культурных артефактах и других языках (латинский)» (Кузнецова, 2011: 104). В. Тишков, представляющий конструктивистское направление, утверждает: «Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это <...> заблуждение: индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями»¹.

Приведенное противоречивое отношение ученых к языку обусловлено тем, что при установлении этнической принадлежности личности разными исследователями и в приложении к разным этническим объединениям используются разные и, на первый взгляд, конкурирующие подходы: языковой, определяющий этническую принадлежность по тому, какой язык является для индивида функционально первым, социокультурный, абсолютизирующий этническое самоопределение личности, и политический, имеющий в своей основе параметр «гражданство». Мы же считаем, во-первых, что существует кластерная модель — этнический профиль личности, включающий все три указанные идентификационные схемы: лингвоэтническую, социоэтническую и политэтническую, и во-вторых, что каждая из этих схем опирается именно на языковую идентичность личности. Иначе говоря, в основе этнического профиля личности лежит лингвоэтническая идентичность, и в каждом из компонентов профиля основой идентификации является язык, выступающий, правда, в разных статусах: родной, национальный, государственный. Такой подход позволяет по-новому рассмотреть этноязыковое устройство государства, что актуально сейчас для Российской Федерации и стран бывшего Советского Союза.

Цель исследования — определить особенности участия русского языка в формировании этнических профилей личности представителей русского лингвоэтноса.

Методы и материалы исследования

В качестве материала выступили документы, например Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», и аналитические материалы, например (Арефьев, 2012), отражающие актуальные особенности использования русского языка в России и в мире. Методологической базой исследования стали методы социолингвистического анализа, т.е. «методы соотнесения и сопоставления собранных в ходе полевого исследования экстралингвистических и языковых данных и верификации полученных результатов» (Социолингвистика, 2024: 29). В первую очередь

¹ Тишков В. Народ не умирает с языком // Известия. 12.09.2019. URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-iazykom> (дата обращения: 15.12.24).

использовались метод анализа письменных источников и метод стратификационной классификации, сущность которого состоит в описании соотносительности языков и их вариантов с социальными группами их носителей.

Результаты

Установлено, что три подхода к определению этничности — примордиальный, предполагающий языковую этническую идентификацию личности, конструктивистский, основанный на ее социокультурной самоидентификации, и условно примордиальный, отождествляющий этничность с гражданством, являются объективно обоснованными и не конкурируют, а взаимодополняют друг друга, формируя кластерную структуру — этнический профиль личности.

Определяется, что конструктами данного кластера являются (1) лингвоэтничность и лингвоэтнос, (2) социоэтничность и социоэтнос, (3) политэтничность и политэтнос. При описании конструктов этнического профиля в качестве дескриптивной матрицы используются понятия: «этническая структура личности», предполагающее ее этническую и субэтническую атрибуцию на каждом уровне профиля, и понятие «этнический статус языка (идиома)», определяющее уровнеобразующие статусы языка / идиома (идиом языка, родной — функционально первый язык, национальный язык, государственный язык).

На этой основе формируется представление об особенностях русской лингвоэтничности как базы для ряда смежных этнических профилей с различной социоэтнической и политэтнической идентификацией личности. Констатируется единство русского лингвоэтнуса.

Обсуждение

Подходы к определению этнической принадлежности личности

Этнос определяется как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этноним)» (Махмудов, 2013: 148). Однако в реальности указанные особенности получают целый ряд не просто разных, но даже противоречащих друг другу трактовок. Нами ранее в (Теркулов, 2024a; Теркулов, 2024b) были рассмотрены три основные концепции этнической идентификации и самоидентификации, к которым относятся:

1) примордиальная концепция языковой идентификации, предполагающая отнесенность человека к тому этносу, язык которого является для него функционально первым (я русский, потому что мой родной язык русский);

2) конструктивистская концепция социокультурной самоидентификации, основывающаяся на собственном желании индивида быть отнесенным по тем или иным причинам к тому или иному этносу (я русский, потому что мои родители считают себя русскими, потому что я люблю русскую культуру, говорю на русском языке и т.д.);

3) условно примордиальная концепция политической идентификации и самоидентификации, устанавливающая, что индивид относится к нации, сформированной государством, гражданином которого он является (я русский или россиянин, потому что я гражданин России).

Обычно предполагают, что эти концепции конкурируют: какая-то из них является исключительно правильной, а остальные — ошибочными. При этом в большинстве случаев исключительно правильной считается «наиболее толерантная» конструктивистская модель идентификации, а точнее — самоидентификации: человек то, чем он себя считает. Я, сын русской и татарина, считаю себя русским, поэтому я русский. Такая трактовка закреплена законодательно: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности»². Правда, очень часто высказываются сомнения в ее объективности. Например, М.Н. Губогло пишет: «Одним из побочных продуктов конструктивизма выступает вольное или невольное, осознанное или без злого умысла выхолащивание содержания и структуры этнической идентичности. Чем структура более зыбкая, тем легче ею манипулировать или использовать в качестве механизма для каких-либо внеэтнических целей» (Губогло, 2003: 198).

Мы же констатируем, что приведенные выше подходы не исключают, а дополняют друг друга: языковое, социокультурное и политическое определения этноса отражают не конкурирующие, а объективно сосуществующие аспекты этничности, объединяющиеся в **этнический профиль индивида**, т.е. в «трехкомпонентную картину его этнической идентичности, включающую лингвоидентичность, социоидентичность и политидентичность» (Теркулов, 2024b: 218–219):

1) лингвоидентичность и лингвоэтнос объединяют людей, говорящих на одном функционально первом родном языке. Мы считаем лингвоэтнос главным этническим объединением, поскольку именно функционально первый язык «представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания» (Нечаева, 2009: 31). Остальные типы идентичности формируются текстами на родном языке, который и создает лингвокультурное пространство этих текстов;

2) социоидентичность и социоэтнос — единство людей, считающих себя принадлежащими к одному этносу. И в данном случае очевидна связь с языком, но не с первым функциональным, а с этническим: если я русский, мой язык — русский, потому что это язык моего этноса;

3) политидентичность и политэтнос (нация) — объединение граждан одного государства. Здесь в качестве языкового маркера этничности выступает государственный (официальный) язык страны, гражданином которой я являюсь. Например, независимо от того, к какому лингвоэтносу и социоэтносу

² Конституция Российской Федерации. URL: <https://constitutionrf.ru/constitutionrf.pdf> (дата обращения: 18.12.24).

относится гражданин России, он является россиянином (русским), и для него обязательно знание русского государственного языка.

При описании компонентов этнического профиля в качестве дескриптивной матрицы используются понятия «этническая структура личности» и «этнический статус языка (идиома)».

Этническая структура личности

Этническая структура личности настроена на ее бинарную атрибуцию: этническую и субэтническую. Этнос определен выше. Субэтнос — это объединение людей, являющееся «элементом структуры этноса» (Гумилев, 2004: 73). Система субэтносов русского этноса определяется на основании констатации использования ими разных идиомов, входящих в структуру русского языка. При этом каждый тип этноса в структуре этнического профиля личности имеет свои субэтнические воплощения.

Субэтноты лингвоэтноса (лингвосубэтноты) представлены и территориально — как объединения носителей русского языка, связанных общностью территории и региолектом, например дончане — жители Донбасса, чья речь определяется как донецкий региолект, и социально — как объединения людей, относящихся к одной социальной или профессиональной группе, например молодежный лингвосубэтнос, использующий молодежный сленг, и этнически, например лингвосубэтнос русских относящихся к другим социо- и политэтносам. Следует также выделить билингвальный лингвосубэтнос, который составляют люди, имеющие несколько родных языков, один из которых — русский, например билингвальные осетины, якуты, ханты, инокультурный лингвосубэтнос, который объединяет носителей русского языка, относящих себя к другим социоэтносам, например обрусевших татар, белорусов и т.д.

Социокультурный этнос включает два типа субэтносов:

1) русский лингвальный социосубэтнос, подкрепленный русской лингвоэтничностью; он объединяет носителей русского языка, считающих себя русскими;

2) русский нелингвальный социосубэтнос, не подкрепленный русской лингвоэтничностью; он объединяет людей, не владеющих русским языком, то есть не входящих в лингвоэтнос, связанный с данным социоэтносом, например, русских эмигрантов, не говорящих по-русски, но считающих себя русскими.

Политсубэтноты представлены в федеральном пространстве, где помимо государственного языка есть официальные языки субъектов РФ. Например, для русского (российского) политэтноса выделяются собственно русский политсубэтнос, объединяющий граждан в тех субъектах Федерации, в которых официальным является только русский язык, и, например, калмыцкий политсубэтнос, объединяющий жителей Калмыкии, в которой государственными языками являются калмыцкий и русский языки.

Обнаружение и описание возможных моделей субэтнической организации каждого из типов этноса — новая и актуальная проблема для лингвистической этнологии.

Этнический статус языка (идиома)

Этнический статус языка (идиома) — это особенности его использования на разных уровнях этнической идентификации индивида. Важную роль в данном процессе может играть не только язык, но и любой его идиом, который определяется как «языковая система, используемая для общения в каком-то сообществе людей. Причем статус этой системы в расчет не принимается: это может оказаться литературный язык, диалект, жаргон» (Алпатов и др., 2024: 34). Для определения различных типов идентичности важно определение понятий **«идиомы языка»**, **«национальный (этнический) язык»**, **«государственный (официальный) язык»**, **«родной язык»**.

1. Идиомы языка. Выделяются литературный язык и территориальные, социальные и национальные идиомы, участвующие в формировании лингво-субэтноса.

Главной разновидностью языка в любом его статусе (родной, национальный, государственный) является литературный язык, под которым понимается «основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации» (Словарь..., 2006: 108). Именно литературный язык выполняет объединяющую функцию. Во-первых, будучи единообразным на всей территории распространения национального языка, он формирует единство лингвоэтноса, в нашем случае — русского, «объединяя носителей разных диалектов (а точнее — региолектов. — В.Т.) в единый этноязыковой коллектив» (Словарь..., 2006: 156). Во-вторых, при социоэтнической идентификации ее субъект связывает понятие этнический язык в первую очередь именно с литературным языком, поскольку именно он «является одной из важнейших составляющих национально-культурной (в нашей терминологии — социоэтнической — В.Т.) идентификации» (Алпатов и др., 2024: 56). В-третьих, именно литературный язык выполняет функции государственного (официального языка), что формирует его образовательную значимость — в учебных заведениях обучают именно литературному языку: «Учитывая, что в качестве государственного языка должен использоваться современный литературный язык, обучение „государственному“ языку должно предполагать изучение самого понятия нормы языка, средств и способов нормирования и стандартизации литературного языка, социолингвистических представлений о приемлемости и уместности использования тех или иных языковых средств, чтобы четко очертить границы использования литературного языка» (Белов, Кропачев, 2020: 14).

Единство русского этноса во всех аспектах этнического профиля, таким образом, обеспечивается единообразием русского литературного языка.

Территориальной разновидностью языка мы считаем не диалект, а **региолект**, который определяется нами как «регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» (Теркулов, 2018: 10), объединяющая местные говоры, регионально маркированное просторечие, регионально

маркированные жаргоны и сленги и даже регионально маркированную разновидность разговорного литературного языка. Региолекты формируют территориальные лингвособъёты, в нашем случае — русского языка, например новгородский субъект, дальневосточный субъект и т.д. Базовой формой региолекта является региолектное просторечие.

Социальной разновидностью языка является **социальный диалект (социолект)**, понимаемый нами как «разновидность языка, характеризующаяся ее использованием в пределах определенной социальной группы — сословной, профессиональной, возрастной» (Словарь..., 2006: 205). Социолекты формируют русские социальные лингвособъёты, например молодежный субъект, субъект шахтеров Донбасса и т.д.

Национальной (внешней этнической) разновидностью языка является **нациолект** — вариант русского языка, используемый билингвами, для которых функционально первым является другой язык. Например, чеченский нациолект русского языка, татарский нациолект русского языка и т.д. В речи билингов реализуются интерферентные явления, формирующие интерферентный лингвокультурный фон.

2. Национальный язык. Нациолекты определяются иногда как «полнофункциональные разновидности литературного языка, имеющего на территории вне исходного идиома статус государственного или официального языка и обладающего системой языковых норм, закрепленных в соответствующих академических изданиях и/или законодательных актах» (Корина, Верде, Замалетдинов, 2021: 788). В этом случае для русского языка предполагают существование белорусского русского нациолекта, казахстанского русского нациолекта и т.д. О том же пишет А.Н. Рудяков, обозначающий понятия так нациолекты термином «национальные варианты русского языка», которые определяются на основе констатации их собственно языковых (структурных) отличий от «метрополийного» варианта. Точно так же подходят к определению статуса «зарубежного» русского Н. Корина, О. Верде, Р. Замалетдинов, рассматривающие белорусский русский в одном ряду с немецким австрийским и американским английским (Корина, Верде, Замалетдинов, 2021: 788). В частности, для украинского национального варианта русского языка отмечают, например, отличающие его от собственно русского языка черты: наличие фрикативного (h), особые лексические единицы (*бурак* «свёкла», *ставок* «пруд», *кутёнок* «щенок») и синтаксические конструкции (это было за Брежнева «во времена Брежнева») и т.д. (Рудяков, 2010).

Наши возражения, представленные, в частности, в (Теркулов, 2012), опираются на несколько иное представление о том, как следует определять национальный язык и национальный вариант языка.

Как известно, отмечаются случаи, когда 1) носители разных языков прекрасно понимают друг друга и используют идиомы, минимально различающиеся в собственно лингвистическом отношении; таковы, например, «югославские» языки (сербский, хорватский, боснийский, черногорский), тюркские языки и т.д.; 2) носители диалектов одного языка могут не понимать друг

друга и использовать лингвистически различающиеся идиомы; таковы, например, диалекты немецкого языка, арабского языка и т.д.» (Теркулов, 2024а: 109). Это определяет необоснованность использования собственно языковых расхождений для верификации идиома: они различают идиомы, но не устанавливают их статуса. Более приемлемы для этого социолингвистические параметры:

1) основные: наличие отдельного лингвонима, указывающего на языковой, а не на субидиомный статус идиома, на его связь с отдельным социоэтносом или политэтносом, а не социосубэтносом или политуэтносом;

2) факультативные: наличие литературной формы и официального статуса³; см. подробнее: (Теркулов, 2024а).

Для национального языка: чешский язык является национальным языком, потому у него есть лингвоним (*čeština, český jazyk*), его связывают с чешской нацией как с социоэтносом (чехами) и с политэтносом (гражданами Чехии), он имеет литературную форму (*spisovná čeština*), а также официальный статус — государственного языка (*úřední jazyk*) в Чешской Республике и регионального языка в Австрии, Боснии и Герцеговине, Хорватии и Словакии.

Для национального варианта: американский английский является национальным вариантом английского языка, поскольку имеет распространенный среди носителей лингвоним, указывающий на статус национального варианта (*American English*), и определенный стандартами ISO и интернета языковой код (*en-US*). Данный язык связывается с американской нацией как политэтносом (гражданами США). Он имеет литературную разновидность (см. о ней, например, в (Швейцер, 1971)). Хотя в США нет официального языка, американский английский является де-факто общим языком федерального правительства и государства.

Если мы подойдем с этой точки зрения к русскому языку, то мы должны констатировать следующее.

1. Носителями русского языка на Украине, в Белоруссии, Казахстане и т.д. для своего идиома не используются «вариантностные наименования» типа украинского русского, белорусского русского, казахстанского русского и т.д. Их используют либо филологи, либо политики, желающие разделить русский мир. Например, на Украине внедряется идея о том, что в этой стране нет никакого русского языка, а есть украинский вариант русского языка (Ю. Мендель)⁴. Иногда изобретается и лингвоним. Например, А. Аваков назвал свою русскую речь «слобожанским» диалектом, используемым в Сумской и Харьковской областях⁵. С этим не соглашаются граждане Украины,

³ Указанные параметры отмечаются далеко не для всех языков, но их наличие однозначно характеризует отдельный язык.

⁴ Пресс-секретарь Зеленского назвала русский язык частью культурного разнообразия Украины // Tass.ru. 4 апреля 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11067069> (дата обращения: 15.12.24).

⁵ Арсен Аваков изобрел «слобожанский» диалект, чтобы не говорить на «мове» // EADaily. URL: <https://easily.com/ru/news/2017/12/12/arsen-avakov-izobrel-slobozhanskiy-dialekt-chtoby-ne-govorit-na-move> (дата обращения: 18.12.24).

упорно называя свой язык русским без каких-либо «украинских атрибутов». *Сейчас живу в Днепре и с полной ответственностью заявляю, что процентов 90 примерно жителей в быту употребляют именно **русский язык**, но прекрасно понимают украинский и очень многие владеют украинским*⁶; *Очень много людей пишут мне в Facebook*⁷, *в комментариях в YouTube, звонят и просят некоторые эфиры проводить **на русском языке**. Хотелось бы вам этого или нет, но на Украине еще есть русскоязычные люди, не все уехали*⁸.

2. Не существует ни социоэтносов, ни политэтносов «русские украинцы», «украинские русские», «белорусские русские», «русские белорусы» и т.д., которые связывались бы с носителя русского языка в этих странах. Все живущие за пределами Российской Федерации русские считают себя именно русскими. Иначе говоря, русская нация существует как этнически не разделенное единство.

3. Русский **литературный** язык, несмотря на мнение Н. Кориной, О. Верде, Р. Замалетдинова, одинаков во всех странах, и отступления от его норм, отражающие интерферентные процессы, воспринимаются носителями русского языка в этих странах не как «местные нормы», а как отступления от норм, что подтверждается и учебниками русского языка, использующимися в местных школах: в них представлены нормы русского языка Российской Федерации.

4. Ни в одной из стран «местный» русский не имеет официального статуса: везде, где русский язык признается официальным, речь идет именно об общерусском языке в его литературной форме.

Все это позволяет говорить о том, что русский язык как этнообразующий язык един. Его зарубежные разновидности, отмечаемые в первую очередь на просторечном уровне, определяются как островные региолекты именно единого русского языка.

3. Государственный язык, являясь символом государства, объединяет политэтнос, собственно, нацию. В нашем случае русский политэтнос объединяет русский государственный язык. При этом в русский, а точнее — в российский политэтнос объединяется множество политсубэтносов, в которые входят как представители собственно русского политсубэтноса, проживающие на территориях с одним официальным — русским языком, так и жители тех субъектов РФ, в которых помимо русского в качестве официального языка используется национальный язык. Например, в Российской Федерации отмечается 36 политсубэтносов: татарский, тувинский, украинский, крымскотатарский и др. Нужно уточнить, что политсубэтнос выделяется только в том случае, если представители какого-либо лингвоэтноса формируют некоторое

⁶ Почему на Украине некоторые говорят на чисто русском без говора? // Большой вопрос. URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/4082599-pochemu-na-ukraine-nekotorye-govorjat-na-chisto-russkom-bez-govora.html> (дата обращения: 13.12.24).

⁷ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

⁸ Какой язык выбирает настоящая Украина // Царьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/kakoj-jazyk-vybiraet-nastojashhaja-ukraina_164392 (дата обращения: 13.12.24).

политические образование (например, республику) в составе политэтноса. С этой точки зрения, например, цыганский этнос может быть определен только как лингвоэтнос и социоэтнос, но не как политэтнос, поскольку язык цыган не признан официальным в России, и он не связан ни с каким государственным образованием в рамках Федерации.

4. Родной язык. Лингвоэтнос базируется на понятии «родной язык». Вопрос о родном языке — один из самых болезненных для социолингвистики. Часто высказываются сомнения по поводу существования этого феномена. Й. Бломмерт, например, утверждает: «Хотя понятия „носитель родного языка“, „материнский язык“ и „этнолингвистическая группа“ обладают значительной идеологической силой (и как таковые должны, безусловно, быть объектами анализа), им не место в инструментарии социолингвистики» (Blommaert, 2010: 12). Противники теории родного языка указывали, что «она имеет дискриминационный характер, поскольку в многоязычном мире ни одна нация не может предъявлять свои исключительные права на язык. Язык принадлежит всем, кто им пользуется, и представители любой нации имеют право использовать язык так, как того требуют их интересы, в том числе придерживаться собственных эднорм» (Германова, 2024: 19).

Нам несколько непонятно, как наука, констатирующая наличие реальных явлений и закономерностей, может оцениваться с точки зрения того, как результаты ее исследований могут использоваться в политической жизни общества. С этой точки зрения необходимо было бы отказаться, например, от исследований ядерной физики, поскольку они приводят к созданию не только эффективных систем энергообеспечения, но и атомной бомбы и т.д.

Мы считаем, что родной язык не просто существует, но и формирует базовую этническую общность — лингвоэтнос, объединяя своих носителей тем, что создает базу их ментальности и менталитета. Как пишет Д.В. Полежаев, «менталитет, который в значительной степени детерминирован социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности» (Полежаев, 2009: 57). Родным языком поэтому может быть только функционально первый язык, характеризующийся, по свидетельству Н.Н. Германовой, следующими признаками: 1) «...это язык, который человек выучивает в младенчестве первым, перенимая его чаще всего от родителей в неформальной обстановке; в этом смысле его часто называют «материнским языком» (**происхождение**); 2) это язык, который он знает лучше всего, причем в этом плане с ним не могут сравниться те, для кого данный язык является вторым (**компетенция**); 3) язык, который говорящий использует чаще всего и / или использует в наиболее интимных областях, таких, как ведение дневника, сновидения и т.п. (**функция**); 4) язык, с которым он сам себя идентифицирует и с которым его идентифицируют окружающие (**идентификация**)» (Германова, 2024: 20).

Таким образом, русский лингвоэтнос формируется вокруг родного — функционально первого русского языка. При этом именно он становится единственным объективным этноформирующим началом: человеку значительно проще перейти из одного социоэтнуса в другой, поменяв по той или иной причине свое мнение о своей этнической принадлежности, значительно проще перейти из одного политэтнуса в другой, поменяв гражданство, но переход в другой лингвоэтнос хоть и возможен, но требует значительных усилий и исключительных обстоятельств. Для обеспечения новой идентификации субъекту нужно забыть свой изначальный первый функциональный язык и сформировать новые компетенции и функции, что достаточно сложно.

Использование соотношения «тип язык — тип этноса» обеспечивает построение типологии этнических профилей личности. Ситуация, когда родной язык, национальный язык и государственный язык для одной личности совпадают формирует сбалансированную модель профиля (Модель РЛ+РС+РП⁹: русский лингвоэтнос + русский социоэтнос + русский политэтнос). Несбалансированная же модель отражает нетождественность статусов языков личности. Для гражданина Российской Федерации, говорящего исключительно на русском языке, но считающего себя татаринном, этнический профиль представляет модель РЛ+ТС+РП, а для билингва, проживающего в Калмыкии и считающего себя калмыком, — РКЛ+КС+Р(К)П.

Заключение

Итак, «этническая личность» представляет собой пересечение трех уровней этничности — лингвального, социокультурного и политического, создающих ее этнический профиль, главным фактором формирования которого является язык: родной для лингвоэтнуса, национальный для социоэтнуса и государственный для политэтнуса. На каждом из уровней личность получает как общеэтническое, так и субэтническое определение. Дальнейшее исследование этнических профилей предполагает построение развернутой системы моделей их формирования. Целый ряд вопросов требует уточнения в связи с вышеизложенной концепцией. Например, важной представляется проблема уточнения соотношения языковой идентификации и самоидентификации личности с культурными, ментальными, социальными, психологическими аспектами самоидентификации на социокультурном уровне профиля и с политическими аспектами идентификации и самоидентификации — на уровне политэтнуса. Важно определить причины и особенности выбора того или иного языка как средства коммуникации и маркера этнической самоидентификации в условиях билингвизма. Такие исследования могут стать основой для формирования нового — лингвоэтнологического подхода к описанию этнической структуры государства, к определению ключевых положений национальной политики.

⁹ В кодировке этнического профиля используются символы названия языка (Р — русский, Н — не русский) и названия типа этноса: Л — лингвоэтнос, С — социоэтнос, П — политэтнос.

Список литературы

- Алпатов В.М., Борисова Е.Г., Валу́йцева И.И. и др. Социоллингвистика. СПб : ЛАНЬ, 2024. 260 с. EDN: HPGDQM
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
- Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с. EDN: QJYFRW
- Арефьев А.Л. О языках коренных малочисленных народов России // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 75–84. EDN: UFZIXN
- Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101> EDN: GMPTGZ
- Германова Н.Н. Носитель языка и родной язык: метаморфозы понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 16–22. EDN: OVCUIT
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003. 764 с. EDN: QOCLJH
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Айрис-пресс, 2004. 557 с.
- Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. Київ : Либідь, 1999. 352 с.
- Корина Н., Верде О., Замалетдинов Р. К проблеме нациолекта и его влияния на специфику терминологии и особенности et перевода // Journal of Linguistics. 2021. Vol. 72. №. X. Pp. 787–808. <https://doi.org/10.2478/jazcas-2022-0004> EDN: AYSLVN
- Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102–105. EDN: OIJLBV
- Махмудов Т.З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. 2013. № 26. С. 148–160. EDN: QZDIWF
- Нечаева Е.Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. 30–33. EDN: KYSERL
- Новикова О.Н. Язык как фактор и средство национальной идентичности населения Боснии и Герцеговины: история и современность // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 64–70. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-64-70> EDN: MIMVCV
- Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация: генезис понятия и вопросы правосубъектности. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2002. 141 с.
- Погорельская С.В. Внутриполитические аспекты новой Германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 91–100.
- Полежаев Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 57–62. EDN: LPAWUB
- Рудяков А.Н. Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка // Функциональная лингвистика. 2010. Т. 1. С. 5–6.
- Словарь социоллингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, 2006. 312 с. EDN: RVZDGH
- Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 117–121. EDN: PWYXUZ
- Теркулов, В.И. О понятии «региолект» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2018. № 3–4. С. 5–16. EDN: HBMPYL
- Теркулов В.И. Соотношение языковой и этнической идентификации // Вопросы психолингвистики. № 2 (60). 2024а. С. 104–115. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115> EDN: RBUDCI

- Теркулов В.И. Языковая, социокультурная и политическая идентификации личности как конструкты ее этнического профиля // Аксиология и когнитивная лингвистика. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024b. С. 214–221. EDN: KDHKSD
- Ушинский К.Д. Родное слово: книга для детей и родителей. Новосибирск : Мангазея, 1999. 448 с.
- Хотинцев В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с. EDN: SJYPIF
- Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии М. : Высшая школа, 1971. 200 с.
- Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 213 p. <https://doi.org/10.1017/S0047404511000492>

Сведения об авторе

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой русского языка, Донецкий государственный университет, Российская Федерация, ДНР, 283001, Донецк, ул. Университетская, д. 24. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, лингвоэтнология, дериватология, лингворегионалистика. Автор около 300 работ. ORCID: 0000-0002-0418-4260. SPIN-код: 1981-6928. Researcher_ID: K-3087-2018. Scopus Author_ID: 57222508169. E-mail: terkulov@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303

EDN: GCEECY

Research article

The Russian language and an ethnic personality profile

Vyacheslav I. Terkulov

Donetsk State University, *Donetsk, Russian Federation*

✉ terkulov@rambler.ru

Abstract. The relevance of the research is defined by the necessity to establish the parameters of a person's ethnic identification and self-identification. It is motivated by the need to solve political, ethnological, and sociological problems that have emerged recently, such as the formation of national identity, cultural identity, and personality behavioral stereotypes. It is important to detect the role of language in this process, since language is the main marker of all types of ethnic identity combined into an ethnic personality profile. The study is aimed at characterizing the Russian language influence on ethnic personality profiles of Russian linguistic ethnos representatives. The material consists of documents and scientific studies reflecting current trends in using the Russian language in the Russian Federation and in the world. The aim was achieved through methods of sociolinguistic analysis, in particular, the method of analysis of written sources and the method of stratificational classification. The three-part (linguistic ethnos, social ethnos, and political ethnos) ethnic profile structure has been established. The ethnic structure, adjusted to personality bilateral attribution, ethnic and

subethnic, is defined. Subethnic elements of all components in the ethnic profile are identified. Ethnic statuses of literary language, territorial, social and national modifications of language, national language, state language and native language are established. The difference between Russian and superordinate languages with their national versions, is described. For example, English language has British, American and other national versions. United Russian linguistic ethnos and united Russian social ethnos have been confirmed, although they are associated with different political ethnicities. The author stated that the main factor of an ethnic personality profile is language and assumed that it is possible to construct a typology of ethnic profiles based on the formulaic conjugation of linguistic-ethnic, socio-ethnic and political-ethnic personality characteristics.

Keywords: linguistic ethnos, social ethnos, political ethnos, subethnos, state language, literary language, national language, native language

Funding. The research was conducted on the topic of the state order “Structural and functional parameters of the Russian language existence and development in the XX–XXI centuries in its regional and general linguistic aspects” (State registration No. R&D 124051400024-1).

Conflict of interests. The author declares that they have no conflict of interests.

Article history: received 15.10.2024; accepted 14.02.2025.

For citation: Terkulov, V.I. (2025). The Russian language and an ethnic personality profile. *Russian Language Studies*, 23(2), 304–319. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319>

References

- Alpatov, V. M., Borisova, E. G., Valuitseva, I. I. and etc. (2024). *Sociolinguistics*. Saint Petersburg: LAN' Publ. (In Russ.). EDN: HPGDQM
- Anderson, B. (2016). *Imagined communities*. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russ.).
- Aref'yev, A. L. (2012). *The Russian language at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing Publ. (In Russ.). EDN: QJYFRW
- Aref'yev, A. L. (2015). On the languages of the indigenous small peoples of Russia. *Sociological research*, (8), 75–48. (In Russ.). EDN: UFZIXN
- Belov, S. A. & Kropachev, N. M. (2020). The notion of state language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(1), 4–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101>. EDN: GMPTGZ
- Blommaert, J. (2010). *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/S0047404511000492>
- Germanova, N. N. (2024). Native speaker and native language: transformations of the concepts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (9), 16–22. (In Russ.). EDN: OVCUIT
- Guboglo, M. N. (2003). *Identification of identity: Ethnosociological essays*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.). EDN: QOCLJH
- Gumilev, L. N. (2004). *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Moscow: Airis-press Publ. (In Russ.).
- Kas'yanov, G. (1999). *Theories of the nation and nationalism*. Kiev: Lybid Publ. (In Ukr.).
- Khotinets, V. Y. (2002). *Ethnic identity and tolerance*. Yekaterinburg: Ural University Publ. (In Russ.).
- Korina, N., Wrede, O., & Zamaletdinov, R. (2021). The problem of natiolect in connection with the language interference and the specifics of terminology translation. *Journal of Linguistics*, 72(X), 787–808. (In Russ.). <https://doi.org/10.2478/jazcas-2022-0004> EDN: AYSLVN

- Kuznetsova, E. V. (2011). Language and national identity. *Omsk Scientific Bulletin*, (3), 102–105. (In Russ.). EDN: OIILBV
- Makhmudov, T. Z. (2013). The concept of ethnos and other categories of ethnic groups. *Analitika kul'turologii*, (26), 148–160. (In Russ.). EDN: QZDIWF
- Mikhal'chenko, V. Yu. (Ed.). (2006). *Dictionary of Sociolinguistic Terms*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.). EDN: RVZDGH
- Nechaeva, E.F. (2009). Linguistic Consciousness and National Mentality (Terminological Aspect). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 30–33. (In Russ.). EDN: KYSERL
- Novikova, O. N. (2019). Language as a factor and means of national identity of the population of Bosnia and Herzegovina: history and modern time. *Humanities and law research*, (2), 64–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-64-70> EDN: MIMVCV
- Ol', P. A., & Romashov, R. A. (2002). *Nation: (The genesis of the concept and issues of legal personality)*. Saint Petersburg: Law Institute Publ. (In Russ.).
- Pogorel'skaya, S. V. (2001). Domestic political aspects of the new German foreign policy. *World Economy and International Relations*, (7), 91–100. (In Russ.).
- Polezhaev, D. V. (2009). Mentality and language: features of phenomenological interaction. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, (5), 57–62. (In Russ.). EDN: LPAWUB
- Rudyakov, A. N. (2010). Georistics and patterns of formation of national language variants. *Functional linguistics*, 1, 5–6. (In Russ.).
- Schweitzer, A. D. (1971). *Literary English in the USA and England*, Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.).
- Terkulov, V.I. (2018). About “Regiolect” notion. *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, (3–4), 5–16. (In Russ.). EDN: HBMPYL
- Terkulov, V. I. (2024a). Correlation of linguistic and ethnic identification. *Journal of Psycholinguistics*, (2), 104–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115>. EDN: RBUDCI
- Terkulov, V. I. (2024b). Linguistic, socio-cultural and political identification of a personality as constructs of its ethnic profile. In *Axiology and cognitive linguistics* (pp. 214–221). Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language Publ. (In Russ.). EDN: KDHKSD
- Terkulov, V. I. (2012). Regional dialect or national variant: stating the problem. *Philology and Culture*, (2), 117–121. (In Russ.). EDN: PWYXUZ
- Ushinskii, K.D. (1999). *Native word: book for children and parents*. Novosibirsk: Mangazeya Publ. (In Russ.).

Bio note:

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Chief Scientific Officer, Head of the Russian Language Department, Donetsk State University, 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001, DPR, Russian Federation. *Research interests*: sociolinguistics, linguoethnology, derivatology, linguoregionalistics. The author of about 300 works. ORCID: 0000-0002-0418-4260. SPIN-code: 1981-6928. WoS Researcher_ID: K-3087-2018. Scopus Author_ID: 57222508169. E-mail: terkulov@rambler.ru

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-320-333

EDN: GFORVM

Research article

Russian nonverbal communication in teaching representatives of different cultures

Radif R. Zamaletdinov¹, Galina S. Kalinina²✉,
Gulshat Kh. Zinnatullina³

¹Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

²Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation

³Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, *Kazan, Russian Federation*

✉gskalinina@mail.ru

Abstract. The study studies Russian gestures in teaching Russian as a foreign language. Gesture communication is an important nonverbal interaction in various cultures and languages. The relevance of the study stems from the importance of nonverbal communication in teaching Russian to foreigners, the need to identify specific Russian gestures, their semantics, and cultural peculiarities and to analyze how these gestures correlate with verbal communication means in Russian culture. The aim of the study is to provide a scientific description of the specific gesture communication within Russian speech etiquette, including its meaning and contextual application and the corresponding difficulties for foreign students learning Russian. The research material is data from a 2023–2024 online survey in Google Forms. The questionnaire was aimed at studying perception and interpretation of Russian gestures by international students. The first block of the questionnaire is an open question “What is difficult for you when interpreting Russian gestures?”. It gave qualitative data on individual problems in understanding nonverbal components of Russian communication. The second block contains a series of visual tasks with pictures of Russian gestures typical for different communication intensions and variants of their semantic interpretation. The students must choose the correct or the most relevant answer. The complex approach helped to collect declarative information on difficulties and practical results on the ability to correctly identify Russian gestures in intercultural communication. The research methods include theoretical analysis for gesture definitions and approaches to their studying; quantitative content analysis for classification

© Zamaletdinov R.R., Kalinina G.S., Zinnatullina G.Kh., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

and statistical estimation of the collected data on Russian, Tatar, and Arab gesture communication; linguistic observation of the real gestures used by the representatives of different cultures. The students were regularly observed in classroom and at cultural events at Kazan universities for six years (2019–2024). This gave a comprehensive and representative data on using gestures in intercultural communication. The locations made it possible to analyze gesture activity in different cultural contexts. Universal and specific means of nonverbal communication have been determined, and specific gestures used in Russian, Arab, and Tatar cultures and their corresponding situations are discussed. Significant differences in gestures of Tatar and Arab students learning Russian have been identified; precise and controlled gestures prevail in formal situations, whereas informal situations reveal greater gestural diversity, including expressive and emotional aspects. The findings are useful for teaching Russian as a foreign language, in intercultural communication courses, and in adapting foreign specialists to work in Russia.

Keywords: universal gestures, specific gestures, Russian culture, Arab culture, Tatar culture, educational system

Contribution: Zamaletdinov R.R. — participation in the development of the research concept, theoretical study of speech etiquette and nonverbal communication in Russian culture and approved the final version of the manuscript for publication; Kalina G.S. — theoretical study of speech etiquette and nonverbal communication in Arab culture, writing the article, editing the text, translating and adapting the material into English; Zinnatullina G.Kh. — analysis of linguocultural features of nonverbal behavior in Tatar culture, interpreting the experimental results, preparing the list of references.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Article history: received 12.09.2024; accepted 18.11.2024.

For citation: Zamaletdinov, R.R., Kalina, G.S., & Zinnatullina, G.K. (2025). Russian nonverbal communication in teaching representatives of different cultures. *Russian Language Studies*, 23(2), 320–333. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-320-333>

Introduction

The outstanding philologist Roman Jakobson presents the human communication structure in speech act components which includes such elements as the addressee, the addresser, the topic (information), the method of information transmission, and the channel; the method can be verbal or non-verbal. The phenomenology of gesture is certainly non-verbal; gesture is a means of transmitting information and a semiotic sign to some extent. “Language is constructed in such a way that any thought the speaker may wish to convey, however original or whimsical his idea or fantasy is, language is fully capable of fulfilling any task he sets for it”, said E. Sapir (Sapir, 2003: 145), emphasizing the universal ability of any language to denote objects of the surrounding reality. However, formal methods of nomination, both verbal and non-verbal ones, are not identical across different languages and cultures. Undoubtedly, gestures and speech etiquette are segmental concepts which overlap only partially since they include elements which are not directly related to one another (Gabdreeva, 2018: 397). However, we are focusing on gestures within the speech etiquette system.

Etiquette is a set of behavioral rules evaluated according to accepted standards at a given historical moment for a particular social or professional environment. The question of gesture admissibility in various etiquette situations has been repeatedly raised, but remains open (Kalinina, Gabdreeva, 2020: 293). Situations with specific regular rules are referred to as etiquette situations. They are the sphere of etiquette signs with certain etiquette rules (Kreidlin, 2009: 160).

Verbal communication is the first and main type of communication, but the second type without verbal signs is also significant (Akishina, Formanovskaya, 1975: 83). Nonverbal behavior has been studied by Russian and foreign researchers (A.A. Akishina, M.S. Andrianov, L.S. Bove, E.M. Vereshagin, N.V. Gabdreeva, S.A. Grigoryeva, N.V. Grigoriev, I.N. Gorelov, G.E. Kreidlin, V.G. Kostomarov, V.A. Labunskaya, V.P. Morozov, M. Nepp, F. Pettit, etc.).

According to V.P. Morozov, the concept of “nonverbal communication” became an independent scientific field relatively recently, in the 1950s, although its foundations can be traced back to earlier studies (Morozov, 2011: 18–20). This concept is associated with semiotics and the theory of sign systems, and in a linguistic context, it has equivalents “paralinguistic”, or “extralinguistic communication” (Kalinina, 2022b: 56).

V.A. Labunskaya calls nonverbal communication an interaction which uses nonverbal behavior and communication as the main means of transmitting information, organizing interaction, and forming impressions of one’s partner (Labunskaya, 1988: 113). According to L.S. Bove and other researchers, nonverbal communication uses nonverbal signals (Bove, Arnes, 1995: 354). G.E. Kreidlin & N.V. Gabdreeva emphasize the gesture language importance when getting to know another culture (Kreidlin, 2018: 7). For instance, G.E. Kreidlin recommended including common for a given culture gestures in guidebooks and phrasebooks, and N.V. Gabdreeva explored the role of gestures in teaching Russian to foreign students (Gabdreeva, Halimaimaiti, 2024: 26).

Knowledge on peculiarities of nonverbal communication can significantly improve the interaction with representatives of other cultures, reduce misunderstandings and contribute to successful communication, especially in an intercultural context (Gorelov, 2009: 78).

The aim of the research is to identify the specifics of gesture communication, particularly Russian gestures, in teaching Russian as a foreign language and to analyze foreign students’ difficulties in interpreting and using these gestures.

Methods and materials

The main scientific methods used in the research are theoretical analysis, content analysis, and linguistic observation. The authors analyze the results of an online survey conducted between 2023 and 2024 on the Google Forms platform. More than 800 first- and second-year students from Kazan universities participated in the experiment, their Russian language proficiency levels ranging from A2 to C1. The sample consisted of 60% men and 40% women, with participants’ ages ranging

from 18 to 26 years. The survey data reflect the Russian gestures perception and interpretation by foreign students.

The first section of the questionnaire was an open question “What difficulties do you encounter when interpreting Russian gestures?”. It helped collect qualitative data on the subjective problems the participants encounter when understanding the Russian communication nonverbal components. The second task was matching. Participants looked at pictures depicting gestures used either in a complex or independently and identified their meanings, such as threat (showing a fist, shaking the index finger), disappointment or dissatisfaction with the interlocutor’s behavior (shaking the head from side to side), negation (shaking the head), confusion (shrugging shoulders), surprise (spreading arms to the sides), or indicating a mistake (tapping the forehead with a fist). The results among preparatory faculty students and first-year students from distant abroad demonstrated a tendency toward zero accuracy in choosing correct correlations.

The second stage of the experiment involved observing the nonverbal behavior of non-native speakers/native speakers of the Tatar language and culture and analyzing their gestures. This was conducted at universities in Kazan (Kazan Federal University and Kazan Technical University) at preparatory and main faculties in 2019–2024. The study covered both formal (lectures, presentations) and informal interaction (student meetings, events). 900 students took part in the experiment, 300 Russian-speaking, 300 Tatar-speaking, and 300 Arabic-speaking students aged between 18 and 25. This minimized the influence of age on the results. The observation was unstructured when all visible gestures were recorded without pre-assigned tasks or situational when predetermined situations were created to provoke gestures under controlled conditions. Additionally, attention was focused on identifying specific Tatar and Arabic means of nonverbal communication. As a result, the frequency of gestures and the context of their use were fixed.

Results

The study emphasizes the importance of gestural communication in teaching Russian, intercultural interaction, and the necessity of considering cultural differences for effective communication.

The observation revealed the Russian nonverbal communication features, which, according to R.O. Jakobson’s communicative act structure, also serve as an information channel. Russian gestural speech is diverse and expresses a wide range of emotions, from happiness to dissatisfaction. In Arab culture, gestures are emotional and play an important role in establishing communication and conveying respect or aggression. The Tatar culture also has its unique gestures, which often combine elements of both Russian and Arab communication and reflect the historical interaction between these cultures. Many gestures and facial expressions among Tatars coincide with Russian ones but are less explicit.

In teaching Russian as a foreign language, gestural communication is a methodological problem because there are few descriptions of the ways of its semantizing in scientific literature and textbooks.

The following difficulties encountered by foreign students in using nonverbal communication when learning Russian were identified: for 23% of students, difficulties are due to cultural differences; 15% noted “complete misunderstanding of the context”; 41% believe that difficulties occur because they are afraid of making mistakes due to the risk of being misunderstood or condemned by native speakers; 21% point to a lack of practice in using gestures in real-life situations. Most of the participants, mainly students from far abroad, at the initial stages of learning showed complete unawareness of the Russian gesturing semantics.

The obtained results demonstrate the importance of studying Russian gestural culture alongside with traditional verbal forms of communication.

Discussion

Gesture communication is an important aspect of nonverbal interaction that varies significantly depending on cultural and ethnic contexts. This article characterizes the use of Russian gestural communication by Tatar and Arab students in Russian as a foreign language (RFL) teaching system. The differences in cultural contexts lead to difficulties in understanding and interpreting Russian gestures (Annushkin et al., 2023: 468). So we analyzed the Tatar and Arab specific gestures with their unique meanings and characteristics (Gabdreeva, Ageeva, Abdullin, 2023: 395). Due to historical peculiarities, native Tatar speakers experience fewer difficulties in interpreting Russian gestures. Modern Tatar culture is a synthesis of European and traditional Islamic culture. That is why there are both similarities with Arab culture because of the same religion of Islam and with Eurasian, particularly Russian, communication culture (Khisamova, 2010: 15).

Regarding native Tatar speakers, the term “Russian as a foreign language” is approximate; it is better to speak of “non-native speakers” rather than “foreigners”. Nevertheless, Tatars have features in using gestures which require teacher’s attention. We base on research by both Russian scholars (N.I. Smirnova, N.I. Formanovskaya, Yu.E. Prokhorov) and international researchers (P. Soper, A. Pease) on gestural communication, especially those considering various approaches and classifications (Formanovskaya, 2002: 41–42; Pease, 2007: 78; Hall, 1995: 125). The classification of gestures helps better understand their functions and meaning in communication. Accompanying gestures which accompany speech can point out important information but lose their meaning outside of context (Kostomarov, Prokhorov, Chernyavskaya, 2008: 352). Communicative gestures which convey messages independently play an important role in interpersonal communication. Modal gestures expressing evaluation help understand the emotional state of the interlocutor (Akishina, Kano, 2022: 12).

Regular students' mistakes allowed us to systematize the considered gestures according to the following parameters:

1. Universal gestures in Russian, Tatar, and Arab speech etiquette, that facilitate communication.
 2. Gestures similar in form but different in semantics in Russian, Tatar, and Arab speech etiquette, that hinder interaction.
 3. Specific gestures in Russian, Tatar, or Arab speech etiquette (Kalinina, 2022a: 1250), that complicate communication and require explanation.
- Let us consider some of these in detail.

Universal gestures in Russian, Tatar, and Arab speech etiquette that do not cause difficulties in RFL learning

1. Handshake (fig. 1).

Handshake is the most widespread component of nonverbal communication for greetings or farewells. It is a universal tool of nonverbal interaction, though it may have certain culturally specific features.

2. Gesture 'a request to calm down'. The hand is positioned palm down, with a slow up-and-down motion (fig. 2).

In Tatar communication, the unity of voice and body is significant. Tatars usually speak in a quiet, calm voice. However, contentious moments or misunderstanding may cause a pause and a specific gesture, raising the hand with the back of the palm toward the speaker or audience, which are used as a signal to calm down and consider the speaker's argument. At the same time, the voice tone may change, become lower, and the intonation and speech rate may slow down. This is directly connected to the Islamic worldview, which encourages speaking in a calm, moderate voice, while stepping away from unproductive argument is considered virtuous (Lee, 2020: 26). Loud conversation accompanied by laughter or noise is reviled by the elders.

3. Moving the eyebrows down (frowning) (fig. 3). This gesture expresses dissatisfaction, thoughtfulness, or doubt. It shows that a person is dissatisfied with a situation or is experiencing negative emotions. It can also express doubt or disbelief in the truthfulness of what is said. In some cases, it may convey concentration, for example, among students at an RFL lesson.

Fig. 1. Handshake gesture

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

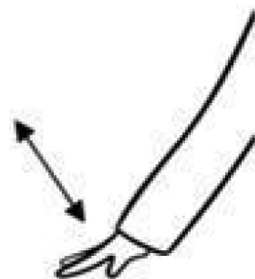

Fig. 2. Gesture of calming

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

Fig. 3. Gesture of displeasure

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

Fig. 4. Good luck gesture

Source: based on research materials [Kalinina, 2022]

Fig. 5. Pause gesture

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

Among the Tatars, this gesture is often associated with Islamic traditions and symbolizes humility and devotion. In Arab culture, this gesture is used for greeting between men and women.

Fig. 6. Gesture to remember information

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

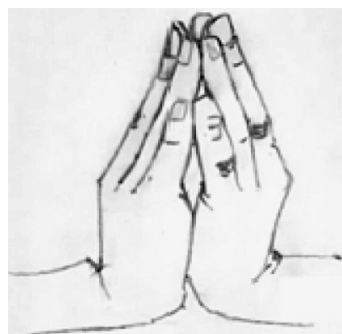

Fig. 7. Gesture of greeting, gratitude, apology

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

4. Gesture expressing a wish for good luck (fig. 4).

This gesture has a positive meaning and conveys support, often accompanied with sincere smile and kind words. It is frequent among students before exams or performances.

5. Raised hand, bent at the elbow, with the palm facing parallel to the interlocutor (fig. 5).

The gesture is used to attract attention and stop a conversation. The speaker emphasizes that the conversation is unpleasant and they wish to end it.

Universal gestures in Russian, Tatar, and Arab speech etiquette with different semantics, which may cause some difficulties among students learning Russian as a foreign language because they are interpreted according to their individual cultural characteristics:

1. Touching the forehead with the palm (fig. 6).

In Russian and Tatar cultures, this gesture denotes forgetfulness and can express bewilderment or disappointment, but it is less frequent in Tatar culture. In contrast, in Arab culture, it indicates that the interlocutor is speaking nonsense, the gesture shows the need to think about the problem.

2. Palms pressed together at chest level, as in prayer (fig. 7).

In Russian culture, this gesture has a broad semantics; it can express gratitude, a request, or an apology. It is typical for situations when a person experiences strong emotions, such as fear of the unknown or joy.

Specific gestures in Russian, Arab, and Tatar speech etiquette

The national specificity of a gesture can cause significant difficulties in its perception and interpretation by students learning RFL. At the same time, the peculiarities of Tatar and Arab gestures may be incomprehensible to Russian speakers.

G. Kreidlin points out that “in nonverbal communication, a communicative failure, mutual misunderstanding and rejection, even repulsion and conflict often occur due to the fact that a somatic object is used to nonverbally express a certain meaning or perform a specific movement, which from another culture perspective is undesirable” (Kreidlin, 2018: 10).

1. Handshake followed by a quick touch to the heart (fig. 8).

This is a common Arab greeting expressing the value of the interlocutor's presence. Additionally, this gesture can signify gratitude.

2. Cheek-to-cheek or nose-to-nose touch, or kiss on the cheek (fig. 9).

This is a common greeting for representatives of Arab culture symbolizing friendly relations, closeness, and respect.

Fig. 8. Greeting gesture (Arabic culture)

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

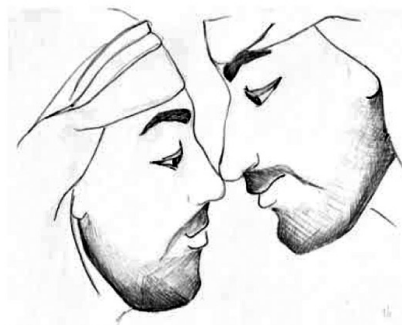

Fig. 9. Gestures expressing politeness, respect and importance when greeting

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

3. Greeting with both hands as a sign of special respect (fig. 10).

In the modern world, a handshake is a universal sign of goodwill among many peoples, and Tatars are no exception. A handshake helps establish a trusting relationship between interlocutors. It is frequent at official meetings and in diplomacy. However, unlike Western European etiquette rules where shaking hands with both hands is extremely rare, Tatars prefer handshakes using both hands.

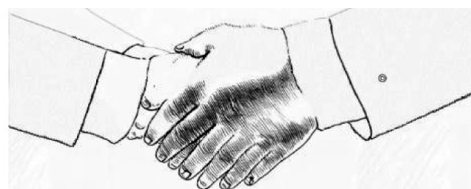

Fig. 10. Greeting gesture (Tatar culture)

Source: made by R.R. Zamaletdinov, G.S. Kalinina, G.K. Zinnatullina.

Fig. 11. Gesture of patting on the shoulder or back (Tatar culture)

Source: made by R.R. Zamaletdinov, G.S. Kalinina, G.K. Zinnatullina.

used for giving advice or encouraging the interlocutor. In Russian culture, this gesture is appropriate only when used by an elder toward someone younger; otherwise, it is perceived as too familiar.

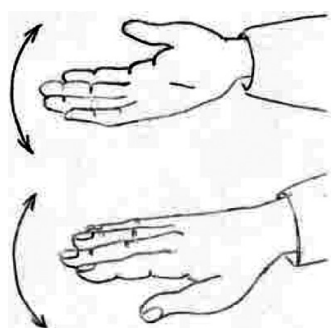

Fig. 12. Gesture of misunderstanding

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

not express grief or mourning among Tatars. White is the color of sorrow. This also distinguishes religious Tatar women, who prefer to wear hijabs of any color except black. In contrast, Arab culture views black as a universal and elegant color. In some cases, black clothing may indicate high social status, especially if it is made from quality fabrics and adorned with sophisticated details.

8. The Tatars use universally recognized facial expressions for happiness, sadness, anger, surprise, and fear, though these expressions are generally less exaggerated than in Russian culture. Overall, restraint in expressing emotions is a distinguishing characteristic of Tatar culture.

4. Patting the shoulder or back (fig. 11).

Touch or maintaining distance (haptics) depends on the situation and the age of the speakers. At formal meetings or communication between people who are not well acquainted, a certain distance is maintained, especially if it is interaction between people of different genders or ages). However, physical contact is quite common in interaction with older people. This involves gentle touches to the forearm or soft pats on the back. This frequent gesture among Tatars is perceived as an expression of unspoken feelings of the speaker and is often

5. Sudden turning of the palm upward (fig. 12).

This gesture means “why” or “how”. It vividly expresses disbelief and is often used by Arabs in informal conversation or when discussing something strange.

6. Biting the tip of the tongue with teeth (fig. 13).

This gesture is used by Arabic native speakers when they feel anger because of the information received from their interlocutor. It may indicate disagreement or internal contradictions.

7. Tatar environment also has unique aspects related to appearance conveying messages (artefact signs). Unlike Russian tradition, black clothing does

Fig. 13. Gesture of anger

Source: based on research materials [Kalinina, 2022].

Conclusion

The research demonstrates significant differences in using gestures among Russian, Tatar, and Arab students. Specifically, Russian participants more frequently used accentuating gestures to emphasize speech, Tatar students used more adaptive gestures associated with emotional state, while Arab students preferred deictic gestures to point at objects or show directions.

It is also worth noting that in formal situations (for example, at the lesson), precise and controlled gestures predominated, whereas in informal contexts, there was observed a greater variety of gestures, including expressive and emotional movements.

The results of this study are useful for teaching intercultural communication and Russian as a foreign language.

Further research could explore how gestures depend on the age of participants (for example, compare younger and older generations) and which cultural norms influence these changes. This would open new horizons for deeper exploration of the topic and enhance our understanding of the role gestures play in modern intercultural communication.

References

- Akishina, A. A., & Kano, H. (2022). *Dictionary of Russian gestures and mimicry: Speech development manuals*. 3rd ed., Moscow: Russkii yazyk Publ. (In Russ.).
- Akishina, A. A., & Formanovskaya, N. I. (1975). *Russian speech etiquette. Textbook for foreign students*. 2nd ed., rev. Moscow: Russkii yazyk Publ. (In Russ.). EDN: KITEHW
- Annushkin, V. I., Zamaletdinov, R. R., Kalinina, G. S., & Gabdreeva, N. V. (2023). Verbal and non-verbal means of conveying a topic in English speech structure. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 14(3), 466–471. <https://doi.org/10.22055/rals.2023.19589>
- Bove, K. L., & Arnes, U. F. (1995). *Modern advertising: Creativity in writing advertisements*. Moscow: DeNovo Publ. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2002). *Communication culture and speech etiquette*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.).
- Gabdreeva, N. V. (2018). Russian speech etiquette and nonverbal communication in teaching Russian as a foreign language. In *Bi-, poly, translingualism and language education: dedicated to our teachers: materials of the IV International scientific-practical conference under the auspices of MAPRYAL* (pp. 395–400). Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
- Gabdreeva, N. V., Ageeva, A. V., & Abdullin, L.R. (2023). Functions and semantics of foreign language beauty vocabulary in the modern Russian language. *Russian Language Studies*, 21(4), 393–405. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405> EDN: GBAYSQ
- Gabdreeva, N. V., & Halimaimaiti, N. (2024). Linguistic deviation in the speech of Chinese students as a result of mixing languages (at the initial stage of studying Russian as a foreign language). *Vestnik of North-eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, (1), 25–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/2587-5604-2024-1-25-32> EDN: QHJAXG
- Gorelov, I. N. (2009). *Nonverbal components of communication*. Moscow: LIBROCOM Publ. (In Russ.).
- Hall, E. (1995). *How to understand a foreigner without words*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

- Kalinina, G. S. (2022a). Gestures in the speech etiquette system of Russian and Arabic culture's representatives. In *Dynamics of linguistic and cultural processes in contemporary Russia*. Is. 7 (pp. 1248–1253). (In Russ.). EDN: JLJZUT
- Kalinina, G. S. (2022b). *Speech etiquette in different structural languages*. (Candidate dissertation, Kazan). (In Russ.). EDN: UBXCCQ
- Kalinina, G. S. & Gabdreeva, N. V. (2020). The intention of “Apology” in speech etiquette: Based on the material of different structural languages. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 11(SI), 292–299. <https://doi.org/10.22055/rales.2020.16323>
- Khisamova, L. A. (2010). *Comparative study of verbal and nonverbal communication means in Tatar and English languages*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow. (In Russ.). EDN: QGZGHJ
- Kostomarov, V. G., Prokhorov, Yu. E., & Chernyavskaya, T. N. (2008). *Language and culture. New in the theory and practice of linguistic and regional studies*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Kreidlin, G. E. (2018). Nonverbal and mixed communicative taboos in different cultures. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 77(4), 5–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S241377150001109-2> EDN: YAMBZJ
- Kreidlin, G. E. (2009). Nonverbal etiquette: etiquette situations of greeting and farewell. In E. V. Muravenko, A. Ch. Piperksi, & O. Yu. Shemanaeva (Eds.), *Linguistics for everyone: summer linguistic schools 2007 and 2008* (pp. 159–172). Moscow: Department of Education of Moscow Publ. (In Russ.).
- Labunskaya, V. A. (1988). *Nonverbal behavior (Socioperceptual approach)*. Rostov-on-Don: Fenix Publ. (In Russ.).
- Lee, J. A. (2020). A study on communicatoin patterns of the non-verbal “Hand Gestures” of Arab Jordanians and Koreans. *British Journal of Science*, 19(2), 24–29.
- Morozov, V. P. (2011). *Nonverbal communication: experimental-psychological research*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
- Pease, A. (2007). *Body language*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.).
- Sapir, E. (2003). The grammatist and his language. In *Languages as a picture of the world* (pp. 139–156). Moscow: ASTS Publ.; Saint Petersburg: Terra Fantastica Publ. (In Russ.).

Bio notes:

Radif R. Zamaletdinov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. *Research interests*: the theory and methodology of teaching the Tatar and Russian languages, bilingual and multicultural education, cultural linguistics and cognitive linguistics. ORCID: 0000-0002-2692-1698. SPIN-code: 4027-8784. Author ID: 324793. E-mail: Radif.Zamaletdinov@kpfu.ru

Galina S. Kalinina, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, 68/19 (1/18) Prospect Mira, Naberezhnye Chelny, 423812, Russian Federation. *Research interests*: intercultural communication, Russian and Arabic speech etiquette, verbal behavior of Arabophones, Russian as a foreign language, and the specifics of verbal and nonverbal communication. SPIN-code: 6228-8121. Author ID: 1058925. E-mail: gskalinina@mail.ru

Gulshat Kh. Zinnatullina, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, 10 K. Marx St., Kazan, 420111, Russian Federation. *Research interests*: poetic onomastics and comparative linguistics. E-mail: gulshatzin@bk.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-320-333

EDN: GFORVM

Научная статья

Русская невербальная коммуникация в системе обучения представителей разных культур

Р.Р. Замалетдинов¹, Г.С. Калинина²✉, Г.Х. Зиннатуллина³

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*

²Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, *Набережные Челны, Российская Федерация*

³Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева, *Казань, Российская Федерация*
✉gskalinina@mail.ru

Аннотация. Изучена специфика русских жестов в контексте преподавания русского языка как иностранного. Жестовая коммуникация представляет собой важный аспект невербального общения, играющий значительную роль в различных культурах и языках. Актуальность исследования обусловлена важностью невербальной составляющей при обучении иностранцев русскому языку, в частности выявлением специфических жестов, их семантики и культурных особенностей, а также анализом того, как эти жесты соотносятся с вербальными средствами общения в русской культуре. Цель исследования — научное описание специфики использования жестовой коммуникации в контексте русского речевого этикета, значения и контекста применения, а также выявление проблем, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся в процессе обучения русскому языку. В качестве материала исследования использовали данные онлайн-опроса, реализованного в период 2023–2024 гг. на платформе Google Forms. Анкетирование было направлено на изучение особенностей восприятия и интерпретации русских жестов иностранными студентами. Методами исследования являются теоретический анализ, количественный контент-анализ, а также лингвистическое наблюдение за коммуникативным поведением студентов русской, татарской и арабской культурных групп, которое осуществлялось в учебных аудиториях и во время культурных мероприятий казанских вузов и проводилось регулярно в течение шести лет (с 2019 по 2024 г.). Выявлена объемная и репрезентативная выборка данных о практических особенностях жестов в межкультурном общении в условиях русскоязычной среды. Определены универсальные и специфические средства невербальной коммуникации и рассмотрены примеры конкретных жестов, используемых представителями русской, арабской и татарской культур в процессе общения в вузах РФ. Доказаны существенные различия в использовании жестов татарскими и арабскими студентами при изучении русского языка как иностранного: в формальных условиях преобладают точные и контролируемые жесты, тогда как в неформальной обстановке наблюдается большее разнообразие жестикуляции, включая экспрессивные и эмоциональные движения. Полученные результаты могут быть применены в преподавании русского языка как иностранного, в курсах межкультурной коммуникации и адаптации иностранных специалистов к работе в российских условиях.

Ключевые слова: универсальные жесты, специфические жесты, русская культура, арабская культура, татарская культура, система обучения, русский язык как иностранный

Вклад авторов: Замалетдинов Р.Р. — участие в разработке концепции исследования, теоретическая проработка вопросов речевого этикета и невербальной коммуникации в русской культуре, окончательное утверждение версии для публикации; Калинина Г.С. — теоретическая проработка вопросов речевого этикета и невербальной коммуникации в арабской культуре, написание текста статьи, редактирование текста, перевод и адаптация материала на английский язык; Зиннатуллина Г.Х. — анализ лингвокультурных особенностей невербального поведения в татарской культуре, интерпретация результатов эксперимента, подготовка списка литературы.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12.09.2024; принята к печати 18.11.2024.

Для цитирования: Zamaletdinov R.R., Kalinina G.S., Zinnatullina G.Kh. Russian nonverbal communication in teaching representatives of different cultures // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 320–333. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-320-333>

Список литературы

- Акишина А.А., Кано Х. Словарь русских жестов и мимики : пособие по развитию речи. 3-е изд. М. : Русский язык, 2022.
- Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет : учеб. пособие для иностранных студентов. 2-е изд., испр. М. : Русский язык, 1975. EDN: K1TENW
- Бове К.Л., Арнес У.Ф. Современная реклама: креативность в написании рекламных текстов. М. : ДеНово, 1995.
- Габдреева Н.В. Речевой этикет и невербальное общение в преподавании русского языка как иностранного // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование : посвящается нашим Учителям : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Москва, 07–08 декабря 2018 г. М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. С. 395–400.
- Габдреева Н.В., Агеева А.В., Абдуллина Л.Р. Функционал и семантика иноязычной лексики быти-сферы в современном русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 393–405. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405> EDN: GBAYSQ
- Габдреева Н.В., Халимаймайи Н. Лингвистическая девиация в речи китайских студентов как результат смешения языков (на начальном этапе изучения РКИ) // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Педагогика. Психология. Филология. 2024. № 1. С. 25–32. <https://doi.org/10.25587/2587-5604-2024-1-25-32> EDN: QHJAXG
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Калинина Г.С. Жесты в системе речевого этикета представителей русской и арабской культуры // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022а. № 7. С. 1248–1253. EDN: JLJZUT
- Калинина Г.С. Речевой этикет в разноструктурных языках : дисс. ... кан. филол. наук. М., 2022б. EDN: UBXCQ
- Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е., Чернявская Т.Н. Язык и культура. Новое в теории и практике лингвострановедения. М. : Наука, 2008.
- Крейдлин Г.Е. Невербальные и смешанные коммуникативные табу в разных культурах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 4. С. 5–14. <https://doi.org/10.31857/S241377150001109-2> EDN: YAMBZJ

- Крейдлин Г.Е. Невербальный этикет: ситуации приветствия и прощания // Лингвистика для всех: летние лингвистические школы 2007 и 2008 годов / под ред. Е.В. Муравенко, А.Ч. Пиперкс, О.Ю. Шеманаева. М. : Департамент образования Москвы, 2009. С. 159–172.
- Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону : Феникс, 1988. 246 с.
- Морозов В.П. Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 526 с.
- Пиз А. Язык телодвижений. М. : Эксмо, 2007. 150 с.
- Сэпир Э. Грамматист и его язык. Языки как образ мира. М : ASTS; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 139–156.
- Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М. : ИКАР, 2002.
- Хисамова Л.А. Сопоставительное исследование вербальных и невербальных средств коммуникации татарского и английского языков : автореф. дис. ... к.ф.н. М., 2010. EDN: QGZGHJ
- Холл Э. Как понять иностранца без слов. М. : Наука, 1995. 197 с.
- Annushkin V.I., Zamaletdinov R.R., Kalinina G.S., Gabdreeva N.V. Verbal and non-verbal means of conveying a topic in English speech structure // Journal of Research in Applied Linguistics. 2023. Vol. 14. № 3. P. 466–471. <https://doi.org/10.22055/ral.2023.19589>
- Kalinina G.S., Gabdreeva N.V. The intention of “Apology” in speech etiquette: based on the material of different structural languages // Journal of Research in Applied Linguistics. 2020. Vol. 11(SI). P. 292–299. <https://doi.org/10.22055/ral.2020.16323>
- Lee J.A. A study on communicatoin patterns of the non-verbal “Hand gestures” of Arab Jordanians and Koreans // British Journal of Science. 2020. Vol. 19. № 2. С. 24–29.

Сведения об авторах:

Замалетдинов Радиф Рифкатович, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: теория и методика обучения татарскому и русскому языкам, билингвальное и поликультурное образования, лингвокультурология и когнитивная лингвистика. ORCID: 0000-0002-2692-1698. SPIN-код: 4027-8784. Author ID: 324793. E-mail: Radif.Zamaletdinov@kpfu.ru

Калинина Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Российская Федерация, 423812, Набережные Челны, пр-т Мира, д. 68/19 (1/18). *Сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, русский и арабский речевой этикет, речевое поведение арабофонов, русский язык как иностранный, особенности вербальной и невербальной коммуникации. SPIN-код: 6228-8121, Author ID: 1058925. E-mail: gskalinina@mail.ru

Зиннатуллина Гульшат Хабировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка, Казанский национально-исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, Российская Федерация, 420111, Казань, ул. К. Маркса, д. 10. *Сфера научных интересов*: поэтическая ономастика, сравнительное языкознание. E-mail: gulshatzin@bk.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-334-351

EDN: HETYPV

Научная статья

Лингвосемиотический вектор серии учебников по русскому языку как иностранному «Знакомство с современным Китаем»

Л.Г. Золотых¹, С.И. Ельникова², О.Ю. Космачева³

¹Сычуаньский университет, Чэнду, Китайская Народная Республика

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

³Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань,
Российская Федерация

✉ zolotykhl@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования определяют следующие факторы: на научно-методическом уровне не изучены векторы новой миссии высшего иноязычного образования КНР в подготовке высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка; в российской русистике не исследована идеологическая значимость для китайских студентов лингвосемиотического вектора 'китайский'. Цель исследования — выявление базисных лингвосемиотических элементов социалистической системы новой эры с китайскими особенностями как вектора в формировании способности интерпретировать китайский политический дискурс на русском языке. Исследование базировалось на материале четырех учебников по русскому языку как иностранному серии «Знакомство с современным Китаем» (2022), основой учебных материалов которых стали идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи. Основные методы исследования — лингвосемиотический и статистический анализ. Описана лингводидактическая модель анализируемых учебников, определена оптимальность интеграции идеологической и политической концепции в учебные программы для закрепления базовых навыков владения русским как иностранным в китайских вузах, выявлена особенность употребления компонента 'с китайской спецификой' в учебниках серии. Результаты подтверждены статистическим анализом микроязыка исследовательского материала и фиксированием преобладания идеологем с компонентом 'китайский' как лингвосемиотического элемента, организующего лингводидактическую основу анализируемых учебников. Определение частотности целостного компонента 'с китайской спецификой' выявило его ценностные характеристики как структурно-семантического элемента лингвистических единиц разного формата в процессе освоения макро- и микростратегий текста. Данное исследование уточняет представления о языковой личности китайского студента, актуализирует методические подходы к организации его обучения с учетом как системы дискурса с китайскими особенностями, так и формирования навыков межкультурного общения.

© Золотых Л.Г., Ельникова С.И., Космачева О.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: иноязычное образование, китайская русистика, подготовка специалистов со знанием русского языка, политический дискурс, межкультурная коммуникация, лингводидактическое моделирование, общественно-политическая лексика

Вклад авторов: Золотых Л.Г. — разработка концепции исследования и дизайна статьи, проведение статистической обработки данных, анализ данных и полученных результатов, подготовка рисунков, написание и научное редактирование статьи; Ельникова С.И. — проведение анализа научной литературы по теме, отбор первичного материала, обобщение опыта исследователей, сбор данных, обработка материала, написание статьи; Космачева О.Ю. — сбор и обработка материалов, верификация данных, оформление списка использованных источников, написание и редактирование текста статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.10.2024; принята к печати 18.01.2025.

Для цитирования: Золотых Л.Г., Ельникова С.И., Космачева О.Ю. Лингво-семиотический вектор серии учебников по русскому языку как иностранному «Знакомство с современным Китаем» // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 334–351. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-334-351>

Введение

В колледжах и университетах Китая на разных этапах развития государства менялись подходы к учебным материалам для подготовки специалистов со знанием иностранных языков. Динамика создания учебников по русскому языку разной направленности явно или косвенно представлена в статьях китайских русистов при анализе проблем вузовской практики преподавания русского языка в аспекте современных направлений (Балыхина, Чжао, 2010; Лю, 2014; Гао, 2016; Дэн, 2020; Хуэй, Петрова, 2021 и др.). Для современной китайской русистики очень важен отмеченный рост потребности «в учебниках РКИ, ориентированных на новые контингенты обучаемых и новые цели и условия обучения» (Фарисенкова, Желлали, 2020: 427), соответствующих «уровню родного языка и культурному бэкграунду тех, кто будет пользоваться этими учебными пособиями» (Ли, 2024: 14).

В 2016 г. для участия в глобальном управлении было взято направление на подготовку профессионалов, четко осознающих национальные условия Китая и свободно владеющих иностранными языками, профессионалов, хорошо знающих международные правила и основные аспекты ведения международных переговоров. Инновационная трансформация концепции иноязычного образования в Китае изменяет традиционное восприятие восточной образовательной традиции, когда «созерцательный характер учебного поведения студента не предполагает активной интерпретации и обработки информации, а также выражения личного восприятия и оценки нового знания, <...> не формирует субъективную мотивацию и не стимулирует вовлеченность в процесс овладения новым знанием» (Норейко, 2021: 53).

Сопряжение новой эры высшего иноязычного образования в Китае и периода инноваций и развития в подготовке высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка было определено инициативой «Один пояс

и один путь» (2013 г.), что мотивировало корректировку цели и концептуальное обновление обучения. Кроме плодотворных многогранных контактов с Россией, Китай активизирует сотрудничество «с пятью странами Центральной Азии — Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном» (Ван, 2019: 124). Использование русского языка как языка-посредника в деловых переговорах утвердило «модель комплексной подготовки „русский язык + специальность“» (Чжан, 2020: 24–25). Реализация новой концепции иноязычного образования направлена на формирование языковой личности китайского студента и соотносима с предложенной Г.И. Богиным лингводидактической моделью языковой личности, описанием ее лингвокогнитивной структуры (Богин, 1980). Подготовка талантов, профессионально владеющих деловым русским языком, актуализировала обоснование дидактических целей в практике обучения и побудила китайских преподавателей к рациональному планированию системы знаний, целенаправленному проектированию учебно-методической деятельности и применения «подходящего способа преподавания» (Чжан, 2018: 261).

В конце 2019 г. в Китае была выделена и организована деятельность под названием «Три аспекта внедрения многоязычной версии книги Си Цзиньпина „Об управлении государством“»¹. Концепция «трех аспектов внедрения» направлена на «внедрение в вузы, внедрение в учебный материал, внедрение на занятия». В 2021 г. Отдел пропаганды ЦК КПК обосновал необходимость разработки стандартизированных учебников, обозначив учебный материал как основу учебной деятельности. Репрезентацией результата продвижения концепции «трех аспектов внедрения» стал выход серии учебников «Знакомство с современным Китаем» на десяти иностранных языках, широко интерпретирующих дискурс социалистической системы новой эры с китайскими особенностями посредством лингвосемиотических систем английского, русского, немецкого, французского, испанского, арабского, японского, итальянского, португальского и корейского языков.

Каждая языковая версия серии включает четыре учебника: «Чтение и письмо», «Публичная речь», «Практический курс перевода» (для студентов бакалавриата), «Продвинутый курс перевода» (для учащихся магистратуры) — и является эффективным путем обновления и усовершенствования системы обучения иностранным языкам в Китае (Zhang, Liu, 2022: 91). Лингводидактическая модель каждого учебника, являясь абстрактной моделью, направлена как на овладение языком посредством новой системы учебных материалов, так и на формирование концептуальной системы знаний в целях

¹ *Xi Jinping*. Xi Jinping: The Governance of China. Vol. 1. Beijing: Foreign Languages Press, 2014. 580 p.

Xi Jinping. Xi Jinping: The Governance of China. Vol. 2. Beijing: Foreign Languages Press, 2017. 619 p.

Xi Jinping. Xi Jinping: The Governance of China. Vol. 3. Beijing: Foreign Languages Press, 2020. 650 p.

Xi Jinping. Xi Jinping: The Governance of China. Vol. 4. Beijing: Foreign Languages Press, 2022. 722 p.

знакомства мира с современным Китаем. Это становится возможным через трансляцию не только конкретных концептов в качестве базовых понятий, но и абстрактных концептов как отвлеченных категоризирующих понятий или обобщенных когнитивно-семиотических моделей с учетом того, что «и конкретные, и абстрактные концепты могут иметь символическую составляющую, трансцендировать мировоззренческие смыслы» (Шелестюк, 2021: 37). Обоснованием создания серии учебников «Знакомство с современным Китаем» послужили два взаимосвязанных фактора: 1) современный Китай переживает наилучший период развития; 2) наблюдается чрезвычайный спрос на высококвалифицированных международных специалистов с глубоким знанием иностранных языков, что обусловлено значимостью «межкультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей личности использовать имеющиеся знания, умения и навыки в условиях определенного культурного контекста» (Обдалова, Левашкина, 2020: 223).

Долгое время китайское высшее образование в аспекте обучения иностранным языкам было сосредоточено на том, чтобы познакомить Китай с миром и вступить в новую эру. Новая миссия китайского высшего иноязычного образования — развивать таланты, которые смогут не только читать «западные книги», переводить «западные исследования» и изучать «западные языки» в рамках современного иноязычного образования, но и стать ответственными за знакомство мирового сообщества с современным Китаем. Эти факторы определили интерес к новому лингвосемиотическому вектору серии учебников по русскому языку как иностранному «Знакомство с современным Китаем».

Цель исследования — выявить базисные лингвосемиотические элементы социалистической системы новой эры с китайскими особенностями как вектора в формировании способности интерпретировать китайский политический дискурс на русском языке.

Материалы и методы

Исследование проходило на материале четырех учебников серии «Знакомство с современным Китаем» (далее — «Русская серия учебников»): «Чтение и письмо» (3-й год обучения)²; «Публичная речь» (4-й год обучения)³; «Практический курс перевода (для студентов бакалавриата)»⁴; «Продвинутый

² Liu Hong, Tian Xukun, Yang Ke, Wang Gang, Li Ruilian, Fei Junhui. Reading and Writing. A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. 177 p.

³ Liu Hong, Huang Mei, Wang Zonghu, Song Fang, Lao Huaxia, Dong Lin. Public Speaking. A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. 197 p.

⁴ Liu Hong, Xu Hong, Peng Wenzhao, Zheng Mingyu, Qian Qin, Du Hongjun. Practical Translation Course (for Undergraduate Students). A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. 167 p.

курс перевода (для учащихся магистратуры)»⁵, основой учебных материалов которых стали идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи. Такой выбор обосновывается интерпретацией «основных принципов лингводидактики — идея дидактической значимости языковых явлений, заключающаяся в том, что к языку как семиотической системе относятся как к предмету и в то же время как к средству обучения» (Шаклеин, 2008: 40).

Содержание учебных материалов «Русской серии учебников» характеризуется преодолением традиционного различия между учебниками по формированию лингвистических умений и навыков и идеологический знаний, так как органично объединяет изучение иностранного языка и исследование знаний в аспекте современного политического дискурса КНР.

Данные факторы определили направленность настоящего исследования в аспекте лингвосемиотики для рассмотрения знаковых систем, применяющихся в языке и международной коммуникации. Обращение к лингвосемиотическому анализу как основному методологическому вектору обусловлено современными концепциями подготовки профессионалов в вузах Китая, способных в полной мере выполнить свою миссию в интерпретации лингвосемиотических элементов политических практик для передачи языковых и культурных традиций как неотъемлемой части китайского культурно-исторического контекста и для трансляции современных политических концепций КНР на русском языке. Анализ текстов, в основном взятых из сочинений Генерального секретаря Си Цзиньпина «Управление Китаем», «Резолюции», «Выступления», учебных материалов и инструкций, направлен на определение особенностей отражения культурных стереотипов и идей.

Использование метода сплошной выборки было направлено на сбор языкового материала с компонентами ‘китайский’ и ‘с китайской спецификой’ и определило принцип отбора конкретного исследовательского материала — словосочетаний, предложений и текстовых фрагментов из «Русской серии учебников». Статистический метод был нацелен на выявление количественной составляющей вариативного употребления понятия ‘социализм с китайской спецификой’ в «Русской серии учебников».

Результаты

Дано описание лингводидактической модели обучения общественно-политической лексике на материале четырех учебников серии «Знакомство с современным Китаем» / «Русская серия учебников», являющейся типичной по структуре и ориентированной как на овладение языком посредством новой системы учебных материалов, так и на формирование концептуальной системы знаний в целях знакомства мира с Китаем. Определена оптимальность

⁵ Liu Hong, Huang Dongjing, Wang Jiaying, Liang Xiaonan, Song Qiuhua, Wang Lei. Advanced Translation Course (for Postgraduate Students). A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. 194 p.

реализации идеологической и политической концепции учебной программы, состоящей из триады — формирования ценностей, передачи знаний и развития способностей.

Представлен интерпретационный диапазон лексики 'китайский' в лингводидактическом моделировании. Статистический анализ микроязыка серии учебников «Знакомство с современным Китаем» / «Русской серии учебников» и зафиксированное преобладание политических выражений с компонентом 'китайский' как лингвосемиотического элемента, организующего лингводидактическую основу анализируемых учебников, подтвердили полученные результаты.

Выявлены семиотические группы интеграции лингвокультурологических и лингводидактических аспектов выражения 'с китайской спецификой'. Исследование употребительности (частотности) целостного компонента 'с китайской спецификой' выявило его ценностные характеристики как структурно-семантического элемента лингвистических единиц разного формата в процессе освоения макро- и микростратегий текста: «видеть малое в большом и видеть большое в малом», отталкиваясь от перспективы политического дискурса, понимая макрооснову, цель, внутреннюю логику и текст в целом. Путем многократного внедрения одного структурно-семантического элемента на разных языковых уровнях происходит освоение абзацев, разбор частей и деталей, решение ключевых и трудных проблем в целях соответствия лингводидактической цели и значению полного текста, стилю и языковому диапазону.

Установлена интеграция идеологического аспекта языковой картины мира в процессе овладения китайским политическим дискурсом на русском языке в условиях китайской учебной аудитории и лингводидактическое осмысление формирования вторичной языковой личности китайского студента.

Обсуждение

Интерпретационный диапазон лексики 'китайский' в лингводидактическом моделировании

Все учебники разделены на введение и 10 тематических блоков. Во введении представлены лингвистические характеристики китайских документов, репрезентирующих современные политические события. Тематические блоки ориентированы на целенаправленное изучение студентами важных аспектов идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи и осознание основного содержания и существенной коннотации. Например, структура и содержание модуля учебника «Публичная речь» выглядит следующим образом:

- *Вступительное слово (введение)*: краткое изложение предыстории темы и ее представление.
- *Учебная цель (цели обучения)* включает три измерения: содержание темы, навыки презентации и способность к критическому мышлению.

- *Предтекстовые задания*: содержание, знакомство с основной частью основного текста и другие упражнения.
- *Тренинг (разминочные упражнения)* — устные задания, связанные с темой модуля. Тренинг проводится индивидуально или в группах на основе соответствующего содержания, найденного и прочитанного в ходе предварительной подготовки.
- *Понять современный Китай* — вводит содержание темы. Чтение, понимание и обсуждение текстов, взятых из томов 1, 2 и 3 книги «Си Цзиньпин: Управление Китаем», направлено на понимание студентами концепции управления современного Китая, методов и опыта решения проблем.
- *Расскажем миру о Китае*: в этом разделе органично интегрируются речевые стратегии, объясняются важные речевые навыки, а на основе речевых примеров разрабатываются целевые упражнения для тренировки соответствующих речевых навыков. Особое внимание уделяется личному мнению учащихся и его выражению в выступлениях, а также культуре страны, которую они представляют.
- *Тематический словарь (библиотека тематического словаря)*: основные понятия, связанные с темой модуля, и ключевые предложения обеспечивают языковую поддержку при выполнении речевых задач раздела урока. Русские выражения словарного запаса в основном базируются на переводах, представленных в этом уроке.

Учебный материал «Русской серии учебников», выбранный и разработанный с китайской спецификой, посвящен актуальным темам, фиксирующим базовые ценности социализма с китайской спецификой. Когнитивно-прагматическое применение авторитетных переводов классических китайских текстов как учебных текстов акцентирует создание системы дискурса с китайской спецификой. Обоснованием такого уникального подхода может стать мысль Ю.Н. Караулова о взаимозависимости языковой личности и моделей обучения языку. Если модели обучения языку «ограничиваются рамками системного представления самого языка и не вторгаются в структуру личности, языковой личности, они обречены оставаться чем-то внешним, чуждым по отношению к объекту обучения языку. <...> невозможно в отрыве от языковой личности, без учета ее многоуровневой организации, без обращения к принципам формирования и структуры, в частности и ее интеллекта, создать эффективную модель обучения языку» (Караулов, 2010: 49).

Конечная цель «Русской серии учебников» — подготовить специалистов по международной коммуникации, имеющих глубокие базовые знания русского языка, знания различий в словарном запасе, синтаксисе, дискурсе, логике, повествовании и на других уровнях дискурсивных систем китайской и русской политической литературы. Китайская общественно-политическая лексика самобытна и требует «политического чутья, а также лингвистической грамотности, чтобы передать коннотации и подтекст политической лексики словами, понятными и читаемыми получателем сообщения» (Ху, Юань, 2023: 49).

По частоте использования в структуре словосочетаний выявлена лексема ‘китайский’, и употребление языковых единиц с этим компонентом возможно рассматривать как аспектную характеристику выделенных В.М. Шаклеиным принципов описания РКИ применительно к китайской учебной аудитории, обусловленной национальной лингвокультурной ситуацией и детерминируемой идеологическим дискурсом: «получение „учебного языка“ и его интерпретацию с точки зрения различных аспектов: описания исходных единиц (базисного минимума); активного и пассивного аспектов; функционирования языковых единиц; сопоставления с родным языком учащихся и т.д.» (Шаклеин, 2008: 8).

Понятия, в структуре которых есть лингвосемиотический элемент ‘китайский’, воспроизводят подлинную сущность политических и культурных особенностей Китая, выражая «основные идеи современного развития китайского общества и внешних коммуникаций; воплощая концептуальный смысл, форму выражения и содержание специфического китайского политического дискурса» (Хамити, 2021: 26–27).

В каждом разделе «Русской серии учебников» уделяется внимание как межкультурной интерпретации, основанной на понимании темы и избегании абсолютных оценок в виде «стандартных ответов», так и разнообразным интерпретациям, базирующимся на различных методах обучения, эффективно транслирующим тематические идеи.

Таким образом, реализация лингводидактических закономерностей подвергается влиянию субъективных факторов, обусловленных ключевыми идеологемами «политического дискурса Китая как средства формирования общественного мнения и воздействия на аудиторию» (Кошкарлова, Бугуева, Епимахова, 2022: 122–123). На примере репрезентации словосочетаний с компонентом ‘китайский’ в анализируемых учебниках представлена их вариативность в лингвосемиотическом моделировании «Прекрасного Китая», что представляет полную интерпретацию концептуального смысла выявленных основных понятий в рамках темы модулей (рис. 1).

Анализ динамики политической лексики с китайской спецификой иллюстрирует социальную взаимозависимость развития языка и государственной политики, отражая динамику языковых изменений в связи с особенностями времени. Так, контексты с компонентом ‘китайский’ эффективно улучшают понимание идеологического содержания актуального концепта «Прекрасный Китай» в текстовой среде. Например: «<...> **китайский народ и китайская нация** смогли изменить историческую судьбу и добиться сегодняшних успехов с начала нового времени»⁶; «Не забывая свои корни, заимствуя внешнее

⁶ Liu Hong, Huang Dongjing, Wang Jiaying, Liang Xiaonan, Song Qiuhua, Wang Lei. Advanced Translation Course (for Postgraduate Students). A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. P. 14.

и ориентируясь на будущее, необходимо активно возвращать **китайский дух и китайскую силу**, формировать **китайские ценностные представления**, способные служить народу духовным ориентиром. <...> развитие лучших достижений **китайской традиционной культуры**»⁷.

Рис. 1. Лингвосемиотическое моделирование «Прекрасного Китая»

Источник: выполнено Л.Г. Золотых на материале авторского корпуса исследования с использованием онлайн-инструмента CANVA для графического дизайна, представленного на странице: <https://www.canva.com/> (дата обращения: 12.07.2024).

В учебнике «Чтение и письмо» отмечается преобладание в современной политической литературе нейтральных слов, которые обычно не содержат сильных личных эмоций при выражении общественного мнения или личностного отношения, включая оценку и критику. Следует отметить гражданскую и гуманистическую направленность функционирования словосочетаний с компонентом ‘китайский’. Например, для высокой оценки «духа Великого похода», в тексте используются слова, демонстрирующие рациональную и спокойную окраску. Ср.: «Дух Великого похода является живым отражением революционного настроя **китайских коммунистов** и руководимой ими народной армии, концентрированным проявлением моральных устоев **китайской нации** на пути самосовершенствования, а также высшим воплощением национального духа, суть которого является патриотизм»⁸.

⁷ Liu Hong, Xu Hong, Peng Wenzhao, Zheng Mingyu, Qian Qin, Du Hongjun. Practical Translation Course (for Undergraduate Students). A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. P. 72.

⁸ Liu Hong, Tian Xukun, Yang Ke, Wang Gang, Li Ruilian, Fei Junhui. Reading and Writing. A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. P. 110.

Итак, отбор содержания учебных материалов соответствует по информационной емкости и социальной эффективности общедидактическим принципам, обеспечивающим подготовку кадров по переводу и международной коммуникации, чтобы способствовать развитию Китая, чтобы лучше понять мир, и чтобы мир лучше понимал Китай.

Интеграция лингвокультурологических и лингводидактических аспектов выражения ‘с китайской спецификой’

Владение общественно-политической лексикой на иностранном языке предполагает знание основных характеристик «лексического корпуса политической лингвистики, включая политическую коммуникацию, политический дискурс, политический язык, политический текст, политическую речь, политический концепт», что направлено на раскрытие глубинных «взаимоотношений языка, политики и национальной культуры» (Гуань, 2024: 13). В «Русской серии учебников» выделены следующие принципы: 1) объяснение на русском языке особенностей современного Китая и концепций управления; 2) освоение базовых методов и основных путей международного общения для распространения знания о Китае. Несмотря на внимание к лингвистическим особенностям и когнитивным законам иностранных языков, в частности русского языка, есть определенные проблемы использования политической лексики с китайской спецификой, поэтому для осознания значимости идеологем «в политическом дискурсе КНР нельзя забывать, что политическая реальность тесно связана с культурно-языковым ландшафтом» (Кошкарлова, Бугуева, Епимахова, 2022: 123).

Одним из лингвосемиотических кодов ядерной зоны политической лексики, отражающей современную идеологию китайского общества, является идеологема ‘с китайской спецификой’, которая выделено в данной части исследования в качестве объекта лингвокультурологического и лингводидактического описания. Буквальный смысл 中国特色 — ‘китайские особенности’. Синонимы *особенность, своеобразие, специфика, уникальность, самобытность* в китайском языке семантически не различаются: ‘характерное, отличное свойство, качество, признак кого-, чего-л.’, однако если речь идет о социализме, то только ‘специфика’. В русском переводе идеологема 中国特色社会主义 употребляется только в одном варианте — «социализм с китайской спецификой».

Результаты выборки политических сочетаний с анализируемым компонентом сгруппированы в соответствии с их структурными особенностями и дискурсивной характерностью. Интеграция прагматики и грамматики сочетаний с идеологемой «социализм с китайской спецификой» сообразно виду словосочетаний со связью управления представлена на рис. 2.

Следует отметить семантическую стабильность в моделях с изучаемой идеологемой при замене базового компонента ‘социализм’ контекстуальными синонимами (рис. 3).

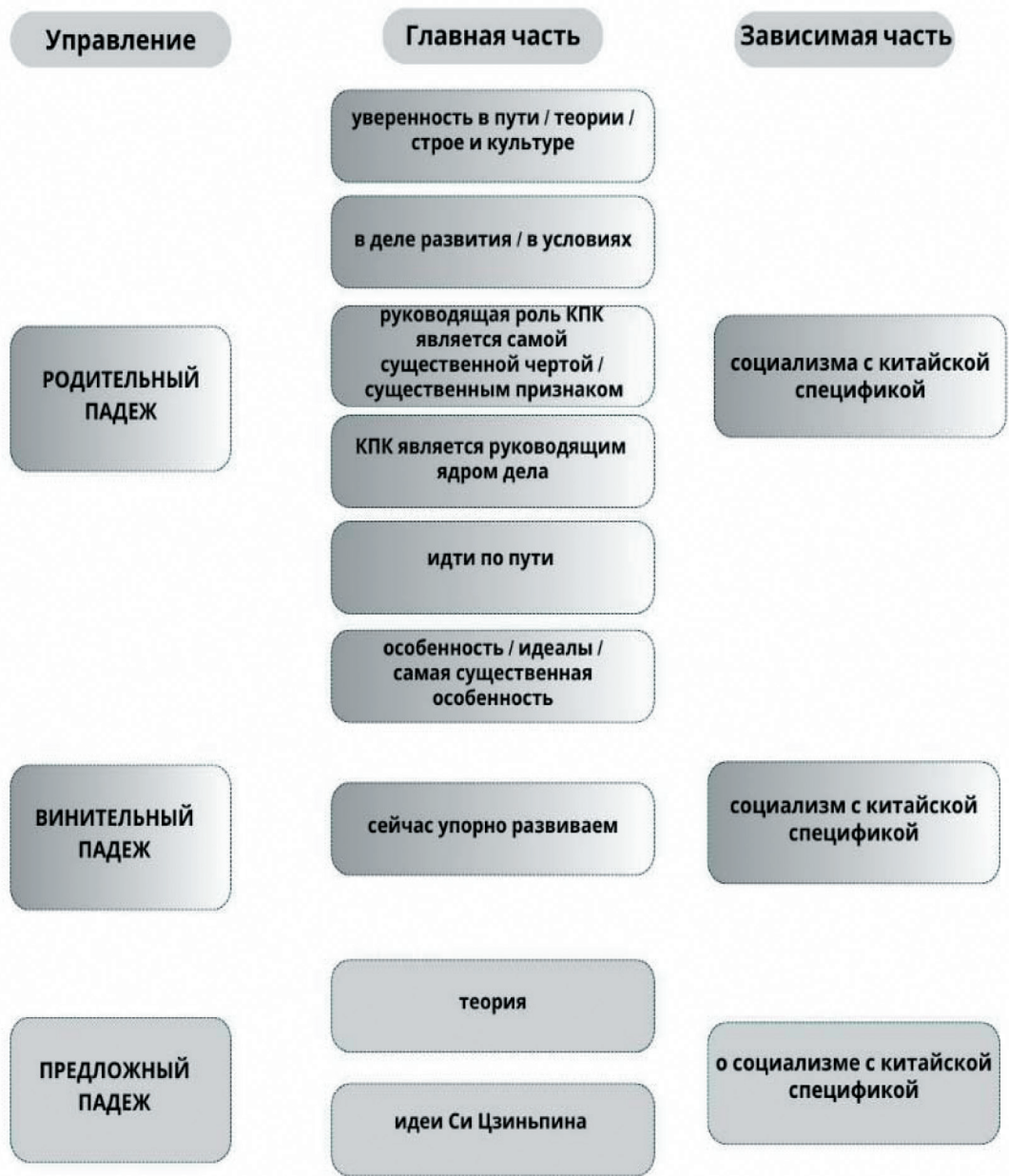

Рис. 2. Интеграция прагматики и грамматики сочетаний с идеологемой «социализм с китайской спецификой»

Источник: выполнено Л.Г. Золотых на материале авторского корпуса исследования с использованием онлайн-инструмента CANVA для графического дизайна, представленного на странице: <https://www.canva.com/> (дата обращения: 17.08.2024).

Рациональная функция проявляется в моделировании политических сочетаний с идеологическим компонентом ‘социализм с китайской спецификой’. Примеры употребления характерных моделей приведены на рис. 4.

Распространенность выделенного идеологического компонента по тематическим блокам в учебнике «Практический курс перевода» приведена на рис. 5.

Рис. 3. Смысловая эквивалентность контекстуальных синонимов

Источник: выполнено Л.Г. Золотых на материале авторского корпуса исследования с использованием онлайн-инструмента CANVA для графического дизайна, представленного на странице: <https://www.canva.com/> (дата обращения: 17.08.2024).

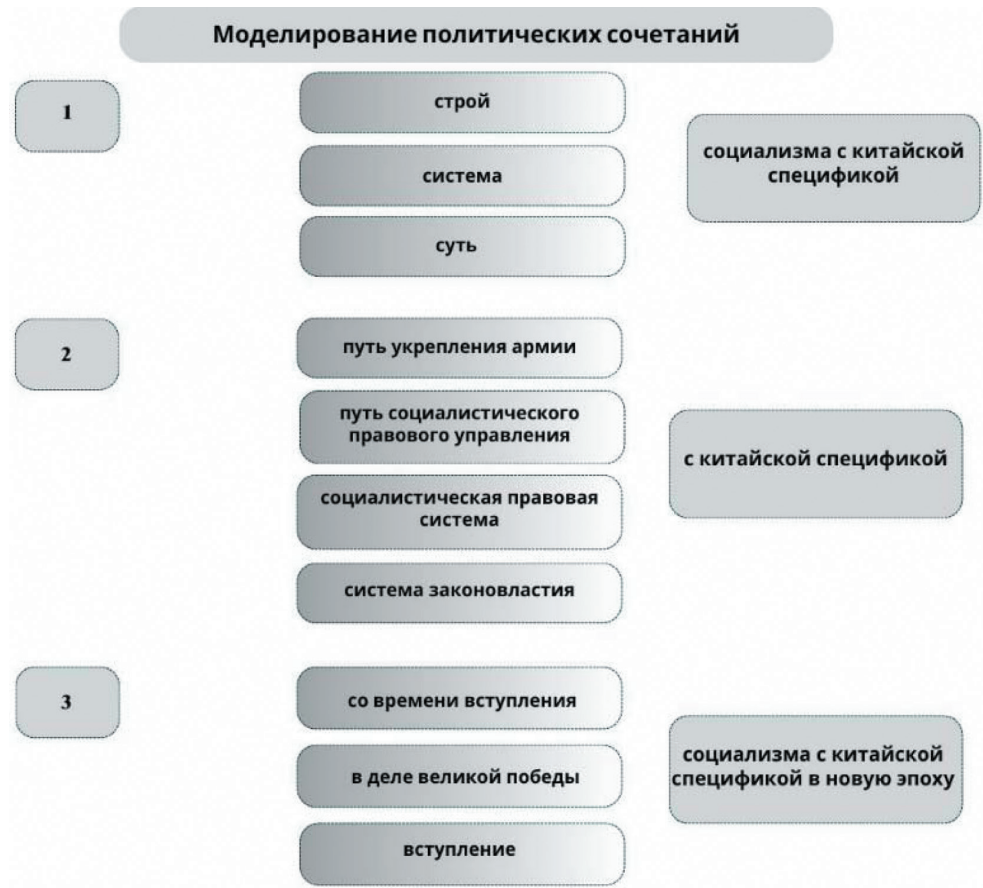

Рис. 4. Рациональная функция идеологического компонента 'социализм с китайской спецификой'

Источник: выполнено Л.Г. Золотых на материале авторского корпуса исследования с использованием онлайн-инструмента CANVA для графического дизайна, представленного на странице: <https://www.canva.com/> (дата обращения: 17.08.2024).

Рис. 5. Частность употребления понятия «с китайской спецификой» по тематическим блокам в учебнике «Практический курс перевода»

Источник: расчеты выполнены Л.Г. Золотых на основе материалов авторского корпуса исследования.

Следует отметить как частоту, так и плотность вариативного употребления компонента ‘с китайской спецификой’. Так, следующие фрагменты текстов в разных контекстах интерпретируют широкую семантическую вариативность посредством лингвосемиотической модели (кода) ‘социализм с китайской спецификой’, репрезентирующих лингвистическую и стилевую специфику с учетом китайских политических реалий.

Интерпретация теоретической системы социализма с китайскими характеристиками представлена 6 раз в разных контекстах на примере текста объемом в неполные 20 строк. Ср.: «необходимо отстаивать и развивать **социализм с китайской спецификой**. В этом году отмечается 31-я годовщина выдвижения товарищем Дэн Сяопином концепции о строительстве **социализма с китайской спецификой**. Товарищ Дэн Сяопин положил начало **социализму с китайской спецификой**. <...> только **социализм с китайской спецификой** дает Китаю возможность развиваться. <...> По мере непрерывного развития **социализма с китайской спецификой** наш строй, несомненно, становится все более совершенным <...>. Мы должны укрепить свою

убежденность в правоте пути, теории и общественного строя **социализма с китайской спецификой**»⁹.

Выделение компонентов концепции социализма с китайской спецификой и их значение в фрагменте текста объемом в 22 строки представляет 8 раз структурно-семантическую интерпретацию анализируемого понятия. Ср.: «*Концепция социализма с китайской спецификой* включает в себя четыре компонента <...>. *Путь социализма с китайской спецификой* есть неизбежный путь к осуществлению социалистической модернизации и неизбежный путь, ведущий китайский народ к созданию прекрасной жизни. Теоретическая система социализма с китайской спецификой — это верная теория, ведущая партию и народ по пути социализма с китайской спецификой для осуществления великого возрождения китайской нации <...>. Социалистический строй с китайской спецификой — это основная институциональная гарантия развития и прогресса современного Китая, это передовой строй, отличающийся ярко выраженной китайской спецификой <...>. Социалистическая культура с китайской спецификой содержит самые глубинные духовные устремления китайской нации <...>. Соединяя теорию с практикой, социализм с китайской спецификой показательно разрешил основную проблему, а именно: как и какое социалистическое государство можно построить в такой огромной, многонаселенной, экономически отсталой восточной стране»¹⁰.

Такая взаимообусловленность языка и культуры как целостной системы предопределяет внимание к сравнительным аспектам различных лингвокультур, интегрируя в обучение лингвокультурологические и лингводидактические факторы. Возможное рассмотрение материала исследования в аспекте геолингвокультурологии предполагает «разработку методов углубленного сопоставительного анализа цивилизационных аспектов и целого лингвокультур различных, территориально очерченных регионов мира» (Шаклеин, 2016: 567). Таким образом, выявленные в результате лингвосемиотического анализа «Русской серии учебников» культурные и языковые стереотипы, репрезентирующие китайские политические реалии и различные способы их трактовки в учебных материалах и осознания студентами, направлены на реализацию конкретных дидактических целей.

Заключение

Ориентация нашего исследования на выявление и изучение вербально-знаковой репрезентации дискурса социалистической системы новой эры с китайской спецификой в подготовке специалистов со знанием русского языка

⁹ Liu Hong, Huang Dongjing, Wang Jiaxing, Liang Xiaonan, Song Qiuhua, Wang Lei. Advanced Translation Course (for Postgraduate Students). A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. Pp. 181–182.

¹⁰ Liu Hong, Huang Mei, Wang Zonghu, Song Fang, Lao Huaxia, Dong Lin. Public Speaking. A textbook series “Introduction to Contemporary China” for students of higher education in foreign languages and literature, Russian language textbook series. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2022. Pp. 5–6.

в вузах Китая обусловлена особенностями лингвосемиотической системы, в формировании которой значимы экстралингвистические показатели. Современная государственная концепция иноязычного образования, представленная серией учебников «Знакомство с современным Китаем» (2022), рассмотрена в аспекте лингводидактической модели обучения китайской общественно-политической лексике в китайской аудитории на базе «Русской серии учебников», что позволило установить базисные лингвосемиотические элементы социалистической системы новой эры с китайскими особенностями как вектора в формировании способности интерпретировать китайский политический дискурс на русском языке.

В процессе анализа учебного материала «Русской серии учебников» в аспекте общественно-политической лексики КНР были выделены и описаны таких лингводидактические компоненты, как ‘китайский’ и ‘социализм с китайской спецификой’. Интеграция китайского и русского языков с позиции идеологической коннотации оригинальной китайской политической литературы в качестве основы направлена на совершенствование знания особенностей языка и различия в структуре китайского и русского дискурса. Углубленное знакомство студентов с основными концепциями и ключевыми утверждениями современной социалистической мысли с китайской спецификой на русском языке способствует формированию внутренней логики и развитию теоретического мышления вторичной языковой личности.

Лингводидактическое осмысление формирования вторичной языковой личности китайского студента направлено на анализ идеологического аспекта языковой картины мира в процессе овладения китайским политическим дискурсом на русском языке в условиях китайской учебной аудитории. «Русская серия учебников» определяет не только идеологическую направленность, но и активизирует несомненный потенциал китайско-российских отношений в широком спектре направлений.

Наше исследование позволит уточняет представления о вторичной языковой личности китайского студента, актуализирует методические подходы к организации его обучения с учетом как системы дискурса с китайскими особенностями, так и формирования навыков межкультурного общения.

Список литературы

- Балыхина Т.М., Чжао Ю. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М. : РУДН, 2010. 344 с.
- Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин : КГУ, 1980. 64 с.
- Ван Я. Развитие китайских талантов, владеющих русским языком, в рамках инициативы «Один пояс — один путь» // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 123–125. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2019-10150> EDN: UGPAAD
- Гао Ф. Особенности обучения русскому языку в китайских вузах // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 41–45. <https://doi.org/10.26170/po16-12-07> EDN: XRJSEX

- Гуань Ц. Политическая терминология русского языка с позиции китайской лингвокультуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. EDN: KONOUT
- Дэн Ч. Обучение по специальности «Русский язык» в китайских вузах: достижения, проблемы и перспективы // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 35–39. EDN: VKNLQW
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Кошкарлова Н.Н., Бугуева А.И., Епимахова А.Ю. Ключевые идеологемы китайского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 121–128. EDN: BPDSRI
- Ли Я. Разработка учебных пособий по чтению на русском языке в китайских вузах за последние 30 лет: анализ и перспективы // Русистика. 2024. Т. 22. № 1. С. 7–28. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-1-7-28> EDN: ONPUPE
- Лю С. Обучение русскому языку в вузах Китая: состояние и перспективы // Русский язык за рубежом. 2014. № 4. С. 120–123. EDN: TBFIQF
- Норейко Л.Н. Учет национального образовательного опыта учащихся при построении процесса обучения РКИ // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 4 (8). С. 53–56. <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2021-3-52-56> EDN: FMXVNX
- Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Нарративно-коммуникативная технология обучения иностранному языку: определение сущности и особенностей // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 223–232. <https://doi.org/10.17223/15617793/458/27> EDN: DMJSVW
- Фарисенкова Л.В., Желлалли Э.И. Формирование методического тезауруса зарубежного автора учебника по русскому языку как иностранному // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 422–438. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-422-438> EDN: BKQDLR
- Хамити И. Китайский политический дискурс: концепт Нового Шёлкового пути // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 25–31. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-3-25-31> EDN: BRWTEK
- Ху Г., Юань Ж. Перевод политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности (на примере третьего тома книги «Си Цзиньпин о государственном управлении») // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 45–65. http://doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_45 EDN: CRGLKI
- Хуэй Я., Петрова С.М. Особенности обучения русскому языку в современной китайской аудитории: проблемы и пути решения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2021. № 3 (23). С. 38–44. EDN: SGGVRL
- Чжан Ц. О подготовке талантов, владеющих русским языком в китайских вузах в рамках «Один пояс — один путь» // Современное педагогическое образование. 2020. № 2. С. 24–26. EDN: BWCMLC
- Чжан Л. Подготовка высококвалифицированных специалистов со знанием делового русского языка в провинции Хэбэй на фоне «Один пояс и один путь» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 259–262. EDN: YTHOPR
- Шаклеин В.М. Русская лингводидактика: история и современность. М. : РУДН, 2008. 209 с. EDN: FSBDFJ
- Шаклеин В.М. Горизонты геолингвокультурологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 566–573. EDN: XXDIKH
- Шелестюк Е.В. Концептуальный анализ политических текстов // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : коллективная монография / под науч. ред. Н.А. Боженковой, П.А. Катышева. М. : Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 27–41.

Zhang H., Liu W. Development of a series “Acquaintance with modern China” textbooks in Arabic against the backdrop of the development of new humanities // Bulletin of the Second University of Foreign Languages. 2022. № 6. Pp. 91–101.

Сведения об авторах:

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка, Институт иностранных языков и культуры, Сычуаньский университет, Китайская Народная Республика, 610065, Чэнду, ул. Ванцзянлу, д. 29. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, исследование фразеологической семантики. ORCID: 0000-0002-1425-5405. SPIN-код: 7721–2060. WoS Researcher ID: KYP-1368-2024. ScopusID: 57222506155. E-mail: scu1959rus@mail.ru

Ельникова Светлана Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент, первый заместитель директора института русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, исследование семантики лексических единиц, переводоведение. ORCID: 0000-0002-2313-9211. SPIN-код: 1630-4066. E-mail: elnikova-sv@yandex.ru

Космачева Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета филологии и журналистики, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а. *Сфера научных интересов*: исследование фразеологической семантики, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. ORCID: 0000-0002-3722-3131. SPIN-код: 5314-9461. WoS Researcher ID: KVB-1275-2024. ScopusID: 58317814400. E-mail: olga_ast@list.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-23-2-334-351

EDN: HETYPV

Research article

The linguosemiotic vector in Russian as a foreign language textbook series “Getting to know Modern China”

Lidiia G. Zolotykh¹ , Svetlana I. Elnikova² , Olga Yu. Kosmacheva³

¹Sichuan University, Chengdu, China

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

✉ zolotykhlg@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by two factors. First, the vectors of the new mission of higher foreign language education in China for training qualified Russian-speaking specialists have not been studied in general, at the scientific and methodological level. Secondly, there are no studies on the ideological significance of the linguosemiotic vector ‘Chinese’ for Chinese students in Russian linguistics. The aim of the study is to identify the fundamental linguosemiotic elements of the socialist system of the new era with Chinese characteristics as a vector for developing the ability to interpret Chinese practice and theory in Russian. The research is based on four Russian as a Foreign Language textbooks from the series “Getting to Know Modern China” (2022), which are based on Xi Jinping’s ideas on socialism with Chinese characteristics for the new era. The main research methods are linguosemiotic

analysis and statistical methods. The study describes the linguodidactic model of the analyzed textbooks, evaluates the optimal integration of ideological and political concepts into educational programs for reinforcing basic Russian as a Foreign Language skills in Chinese universities, and identifies the specific use of the component ‘with Chinese characteristics’ in the textbook series. The findings are supported by statistical analysis of the micro-language within the study material, confirming the predominance of ideologemes with the component ‘Chinese’ as a linguosemiotic element structuring the linguodidactic foundation of the textbooks. The frequency analysis of the comprehensive component ‘with Chinese characteristics’ reveals its value-based features as a structural-semantic element of linguistic units in various formats, facilitating the acquisition of macro- and micro-text strategies. This study refines the understanding of the linguistic personality of Chinese students, updates methodological approaches to their education, and considers the discourse system with Chinese characteristics and the development of intercultural communication skills.

Keywords: foreign language education, Chinese Russian studies, training Russian-speaking specialists in Chinese universities, political discourse, Intercultural communication, linguodidactic modeling, socio-political vocabulary

Contribution: Zolotykh L.G. — development of the research concept and article design, statistical data processing, data analysis and interpretation of the results, preparation of illustrations, writing and scientific editing of the manuscript; Yelnikova S.I. — literature review, selection of primary materials, synthesis of existing research, data collection, material processing, manuscript writing; Kosmacheva O.Yu. — data collection and processing, data verification, preparation of the reference list, writing and editing of the manuscript.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Article history: received 11.10.2024; accepted 18.01.2025.

For citation: Zolotykh, L.G., Elnikova, S.I., & Kosmacheva, O.Yu. (2025). The linguosemiotic vector in Russian as a foreign language textbook series “Getting to know Modern China”. *Russian Language Studies*, 23(2), 334–351. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-334-351>